

Колос

11

НОЯБРЬ

1966

Костёр

11
НОЯБРЬ
1966

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Добрый день

стихи А. КРЕСТИНСКОГО 2

Старик прячется в тень

повесть А. МИНЧКОВСКОГО 4

Наспийская кругосветка 25

Как Надька Надей стала

рассказ Н. ХОДЗЫ 41

Об одной легенде

сообщает А. ШАРЫМОВ 44

Шутка

рассказ Б. НИКОЛЬСКОГО 47

Стихи твоих ровесников 52

Три сказки Джанни Родари

перевела с итальянского И. КОНСТАНТИНОВА 53

Без собаки и пистолета

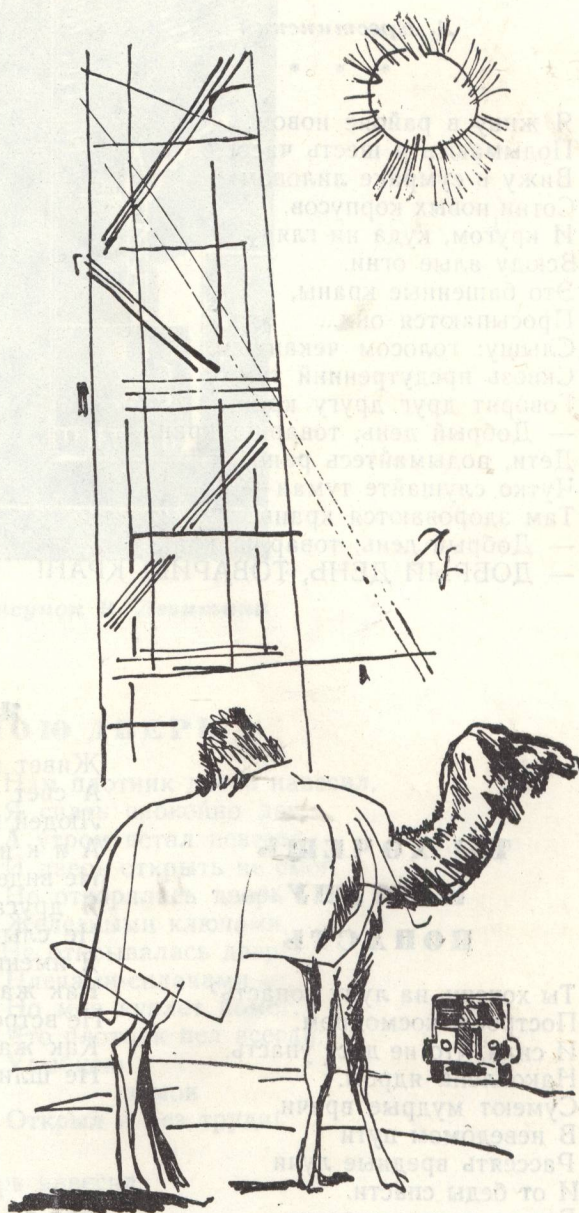
очерк А. ВАЛИНА 56

Школа „Спринт“ 60

Уголёк 61

Уголок веселого архивариуса 63

Наша творческая мастерская 64

«Неужели мираж? Чудесная сказка, которая дразнит людей в пустыне?»

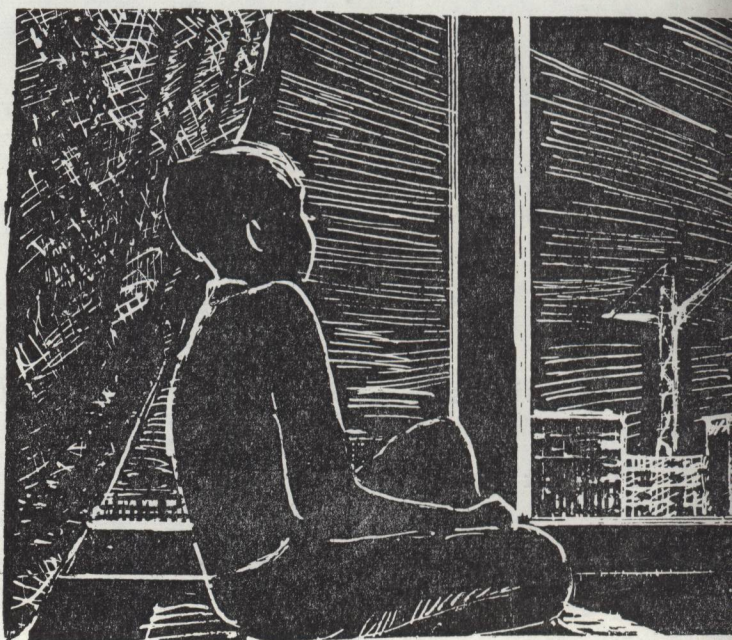
Читайте о Пятом Большом путешествии «Костра».

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

А. Крестинский

* * *

Я живу в районе новом,
Подымаюсь в шесть часов,
Вижу в сумраке лиловом
Сотни новых корпусов.
И кругом, куда ни гляну,
Всюду алые огни.
Это башенные краны,
Просыпаются они...
Слышу: голосом чеканным
Сквозь предутренний туман
Говорят друг другу краны:
— Добрый день, товарищ кран!
Дети, подымайтесь рано,
Чутко слушайте туман —
Там здороваются краны:
— Добрый день, товарищ кран!
— ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ТОВАРИЩ КРАН!

ТЫ ХОЧЕШЬ НА ЛУНУ ПОПАСТЬ

Ты хочешь на луну попасть?
Построен космодром.
И сила, что не даст упасть,
Накоплена ядром.
Сумеют мудрые врачи
В неведомом пути
Рассеять вредные лучи
И от беды спасти.
Готова паста-антрекот
И паста-аппетит...
Ну, словом, тот не пропадет,
Кто на луну взлетит.
Твое предвидя торжество,
Я все ж спрошу:

скажи,

Ты не обидел никого
Из тех, кто рядом жил?

ЖИВЕТ НА СВЕТЕ ДРУГ

Живет на свете друг,
А свет такой большой!
Людей полно вокруг,
А я к нему — душой...
Не видел никогда
Я друга моего,
Не слышал никогда
Я имени его.
Как жалко, что мы с ним
Не встретились еще!
Как жалко, что мы с ним
Не шли к плечу плечо!

Пора, давно пора
Письмо ему писать,
Да только вот беда:
Куда письмо послать?
Вложу в конверт письмо,
Хоть адрес незнаком...
Пускай летит само —
С попутным ветерком!
...Живет на свете друг.
А свет такой большой!
Людей полно вокруг,
А я к нему — душой...

САМОЛЕТЫ

Провожайте самолеты,
Провожайте их глазами,
Может быть, знакомый кто-то
В небесах летит над вами.
Самолет над самым домом
Раз-другой качнет крылами,
Может, это ваш знакомый
Попрощался лично с вами?
Взял и попросил пилота:
— Сделай круг над этим домом!
...Провожайте самолеты,
Далеко лететь знакомым!

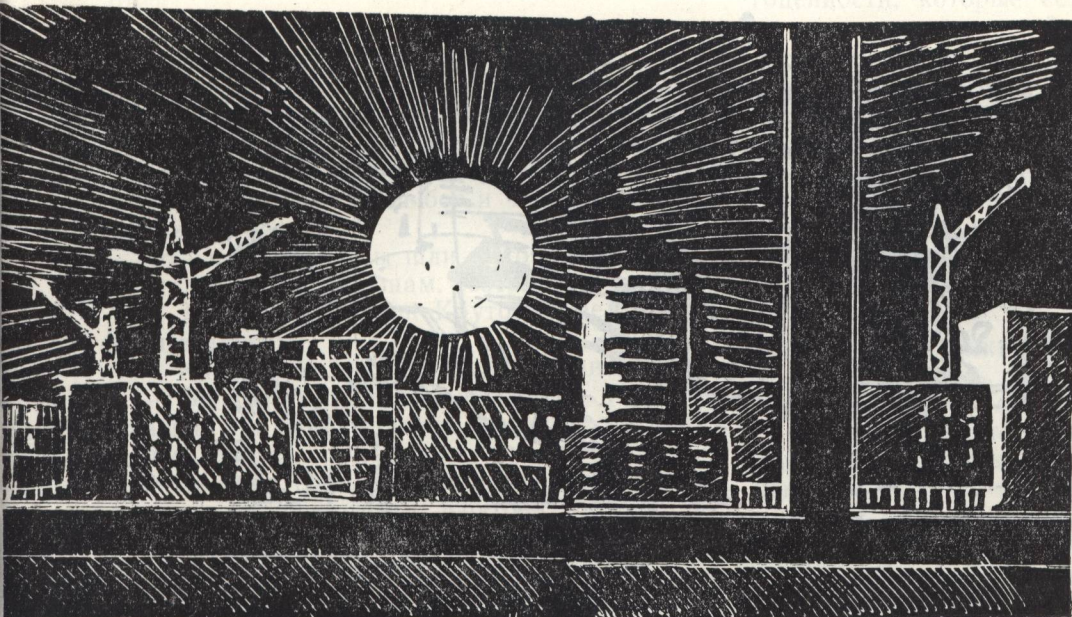

Рисунок В. Левитина

ПЕСЕНКА ПРО МОЮ ДВЕРЬ

Нам плотник дверь навесил,
Он был большой мастак.
Всегда здоров и весел,
Он напевал вот так:
— Не отворяйся, дверь,
Железными ключами!
Не открывайся, дверь,
Плечами-силачами!
Сердитый за порог
Не выйдет никогда,
Улыбкою

замок
Откроем без труда!

Нам плотник дверь навесил,
Я спать спокойно лег,
А утром встал невесел
И дверь открыть не смог.
Не отворялась дверь
Железными ключами,
Не открывалась дверь
Плечами-силачами...
Но мне куплет помог,
Что плотник пел всегда:
Улыбкою

замок
Открыл я без труда!

Нам плотник дверь навесил,
Он был большой мастак.
С тех пор я тоже весел
И напеваю так:
— Не отворяйте дверь
Железными ключами!
Не открывайте дверь
Плечами-силачами!
Улыбкою

замок
Открою без труда,
Сердитым за порог
Не выйду
никогда!

СТАРИК ПРЯЧЕТСЯ В ТЕНЬ

Аркадий Минчиковский

Рисунки Ю. Шабанова

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В Адриановом доме большие события. Приехал его отец. В первом часу дня он подкатил к дому на извозчике. В ногах чемодан и зеленый портплед. Отец было попытался, как раньше, поднять Адриана за локти, но, поглядев на него, сказал:

— Ну и вырос ты, брат... — и, обняв за плечи, прижал Адриана к себе.

Теперь Адриан сидел у окна и в десятый раз разглядывал то, что привез ему отец. А привез он ему оловянных солдатиков, барабанщиков и трубачей и еще книжку «Робинзон Крузо». Отец, наверно, и в самом деле забыл, сколько Адриану лет, потому что оловянные солдатки хоть и хорошая вещь, но, в общем, он в них уже отыгрался. Да и «Робинзон Крузо» прочитал еще в прошлом году. Правда, эта книжка была новенькая, с золотом на обложке и с картинками, а не трепаная, какую он приносил из школьной библиотеки. Солдатики тоже ничего, подходящие. У Адриана немедленно созрел план — выменять их на лучшие кадрики из Митриной коллекции.

Пользуясь тем, что мать служила в кинотеатре «Прогресс», Митря завел знакомство

с киномехаником. Тому приходилось склеивать ленты, которые постоянно рвались, и Митря выпрашивал у него обрезки с кадриками.

Эти кадрики он потом менял на битки, на ножички от безопасной бритвы, на военные пуговицы. Правда, ни за что на свете он не променял бы редкостные, самые лучшие из них: знаменитого Вильяма Харта, мчащегося на коне по прериям, негра из «Красных дьяволят» с ножом в зубах или смешного Чарли Чаплина с малышом Джеки...

Но, может, все-таки за трубача и барабанщика Митря отдаст кадрик с Вильямом Хартом?

Адриан задумался. Нет, вряд ли уговоришь Митрю на такой обмен.

Отец подошел к Адриану, подмигнул:

— Хочешь, прогуляемся в город? Согласен?

Еще бы не согласиться!.. Поход в город — так в Крутове называют центр — обещает что-нибудь приятное. Или возможность сфотографироваться вместе с отцом, или проехаться на извозчике, а может быть, и покататься на карусели.

Отец надел свою белую полотняную фуражку, и они пошли в город.

Продолжение. См. «Костер» № 10, 1966 г.

— Пойдем к Каценеленбогену? — спросил отец.

— Пошли, — обрадовался Адриан.

О лучшем не приходилось и мечтать. «Каценеленбоген» — это магазин канцелярских и школьных принадлежностей на улице Революции. Магазин был частный. Когда Адриан был поменьше, он думал, что Каценеленбоген это значит — канцелярский бог и что магазин так называли нарочно.

По улице Коммуны шли неторопливо. Отец поглядывал по сторонам. Потом сказал:

— Да, не велик наш Крутов, а ведь скоро станет другим.

— Как другим? — удивился Адриан.

— Большим станет. Настоящим городом. Знаешь, тут будут строить огромный металлический завод. За городом, где теперь начинают поля, задымят трубы и будут новые улицы и высокие дома. Крутова тогда, брат, не узнаешь.

— А когда это будет, пап?

— Думаю, скоро. Решение уже принято.

— А почему раньше не строили?

— Раньше у советской власти денег не хватало.

— А теперь хватает?

— Поднатужимся, будем строить.

— А скоро?

— Время, конечно, нужно. Ты не дожدهшься. Мы отсюда уедем.

— А куда, пап?

— Точно еще сказать не могу, но уедем. Может быть, в Ленинград. Там строятся новые заводы. Ты ведь знаешь, что я инженер.

— А почему ты не работал инженером?

— Нечего было инженерам делать. Война заводы разрушила. Строить новые было не на что. А вот теперь понадобились инженеры. Много их нужно. Вот и меня приглашают на большую работу. Ты мне скажи... — Отец вдруг сделался задумчивым. — У вас в классе есть дети безработных?

— Есть.

— А теперь не будет. Всем найдется работа. Придет время — еще рабочих рук будет не хватать. И инженеров и архитекторов тоже. Знаешь ли ты, сколько в нашей стране нужно всего построить?

— Чтобы как Америка, да?

— Америка!.. — отец смеется и треплет его волосы. — Что ж, мечтать можно и дальше. Но и у нас будет множество своих автомобилей. И самолеты тоже будут делать в России, и летать они станут по всему свету.

Никогда еще он не разговаривал так с Адрианом. Как будто Адриан тоже взрослый.

— Папа, — вдруг спросил Адриан, — а драгоценности, которые есть в республике, они идут на строительство?

— Какие драгоценности?

— Ну, золото и драгоценности всякие.

— Конечно. На драгоценности мы покупаем за границей машины.

— А на картины можно покупать машины?

— На какие картины?

— На самые знаменитые. На Рембрандта, например?

— Наверное... Картины Рембрандта стоят много золота.

— За одну можно купить машину?

— Может быть, и небольшой завод.

— Вот здорово, а!

— Правда, я что-то не видел, чтобы у нас музейные картины продавали. А ты это к чему?

— Так просто, — вздохнул Адриан. Даже отцу он не имеет права выдать тайны.

Хотя магазин у Каценеленбогена был небольшой, но придешь, и глаза разбегаются. Тут и карандаши всех цветов, и бумага — и гладкая, и гофрированная. Попахивают лаком новенькие школьные счеты, букетиком торчат из бокала кисточки разной толщины. В этом магазинчике отец обыкновенно раскошеливался, и Адриан возвращался домой с рулоном бумаги или еще с чем-нибудь — рисуй, сколько хочешь...

Покупателей в магазине не оказалось. Седовый человек в очках, с мягким и тихим голосом — сам хозяин — встретил Адриана с отцом.

— А-а, здравствуйте, — закивал Каценеленбоген. — С приездом вас. Давно не бывали...

Пока они здоровались и отец объяснял, что приехал не надолго и собирается отсюда перебираться со всей семьей, Адриан, как мог, осторожно, но настойчиво намекал, что у него кончились все краски.

— Есть у вас краски? — спросил отец.

— Немного еще осталось.

Владелец магазина положил на прилавок черную жестяную коробочку.

— Очень хорошая акварель. Немецкая. — Каценеленбоген вздохнул. — С товаром для частной торговли сейчас очень трудно. Думаю покончить со всей этой историей. Меня зовут заведующим в кооперацию. Вот распродам остатки и закроюсь.

Беседа еще продолжалась, когда отворилась дверь и в магазин, приподнимая на ходу шляпу, вкатился Ян Савельевич Сожич.

— О, и ты тут? — словно обрадовавшись Адриану, проговорил он.

Каценеленбоген объяснил Сожичу, что Адриан пришел не один и познакомил отца с Яном Савельевичем. И без этого говорливый, Сожич оживился и принялся расспрашивать о Москве, о том, как там сейчас живут и не ожидаются ли какие-нибудь сенсационные новости. Каценеленбоген совсем замолк, а Сожич тараторил без умолку. Пора было идти. Отец сделал знак Адриану. Но и Сожич тут же торопливо распрощался с Каценеленбогеном — было непонятно, зачем он и приходил — и устремился за ними. На улице Ян Савельевич стал торопливо объяснять, что он давно знает Адриана, что тот дружит с его племянником Ромой и что он — Ян Савельевич — был очень рад поближе познакомиться со всей семьей.

Тут же он принялся уговаривать отца зайти к нему — ну, хотя бы на минутку — он так хочет показать ему сад и дом.

— Знаете, тут так редко встретишь интеллигентного человека... Хочется хоть немного поговорить... Я слышал — вы много ездите. Так интересно послушать, — продолжал Сожич.

Отец было сказал, что зайдет как-нибудь в другой раз, но Ян Савельевич настаивал:

— К чему откладывать? Час еще ранний. Посидим немного у меня. И дети будут рады.

Он тут же окликнул проезжавшего мимо извозчика и вежливо пригласил их обоих садиться в пролетку.

Отказаться было уже трудно, и они поехали. Надо сказать, что Адриан ничего не имел против предложения Сожича. Во-первых, приятно было ехать по улице Революции и поглядывать на мальчишек, которые идут пешком и завидуют тебе, а во-вторых, случай помогал лишний раз без всяких подозрений со стороны Ромчика побывать в доме Сожича.

Слезли с извозчика, и Ян Савельевич заспешил растворить перед ними калитку. С крыльца неторопливо сбежал Альберт.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, не тронет...

На крыльце появился Ромчик.

— Вот и племянник... Может быть, вы его уже видели... Это папа твоего товарища, Рома...

Ромчик сложил руки по швам и, как механический болванчик, наклонил голову. Так его учили здороваться со старшими.

— У вас, наверно, найдутся свои дела, — обратился Ян Савельевич к мальчиком и заулыбался, приглашая отца в дом. — Прошу вас. Прошу...

В столовой их встретила Ромкина мама — высокая, худощавая женщина с черными, как у Ромки, глазами.

— Пожалуйста, знакомьтесь. Моя родственница, — представил ее Ян Савельевич. — Аня, вы нам приготовьте чай, а мы пока тут побеседуем.

Ян Савельевич пропустил гостя в свой кабинет и притворил дверь.

Мальчики прошли к Ромке. Адриан вытащил из кармана штанов пять разных оловянных солдатиков и выстроил их на подоконнике.

— Видал какие! Папка из Москвы привез. Здорово, да?!

Но Ромка разглядывал солдатиков так, будто ничего особо интересного не увидел. Явился Альберт. Поднялся на задние лапы и деловито обнюхал оловянных солдатиков.

— Нравятся, Альбертик? — спросил Адриан.

Но бульдог был ученый. Он тоже не выказал особого интереса и, равнодушно фыркнув, опустил на все четыре лапы.

— Давай менять на твою коллекцию коробок! — внезапно предложил Адриан.

— Папиросных?

— А то каких же?

— Ты что!

Это было неслыханной наглостью. От удивления Ромчик даже присвистнул. Адриан несколько раз и сам начинал собирать папиросные коробки, но ему не хватало терпения, он забывал про коллекцию, и тогда пустые коробки валялись повсюду, и Агафоновна вышвыривала их, а Адриан и не замечал этого. Ромчик же увлекался своей коллекцией всерьез. Коробок у него был полный чемодан и еще не все вмещались. Были тут редкостные. Такие, каких в Крутове, как уверял Ромчик, больше не найдешь. Были даже фанерные изпод сигар с портретом какого-то бородатого президента. И вот Адриан отважился предложить за всю эту великолепную коллекцию пять солдатиков. Ну и придумал!

— За этих-то паршивых оловяшек?

— А зачем и кому нужны твои коробки?

На этот вопрос было трудно ответить. Ромчик знал, что без коробок жизнь его сделалась бы бессмысленной. Правда, другим этого было не понять.

— Нужны, — просто сказал он. — Хочешь за «Аду»? Она еще царская, ни у кого из мальчишек нет.

— Все пять?

— Ага.

Все пять за какую-то несчастную «Аду». Пять отличных оловянных солдатиков! Теперь пришла очередь возмутиться Адриану.

— С ума спятил, — сказал он и расхохотался.

Торговались долго. В конце концов сошлись на пяти редких коробках. Была среди них и «Ада». Была еще из-под каких-то смешных папирос «Бегемот». Ромка уверял, что у него самого второй такой не осталось, но Адриан знал, что Ромка врет. Так-то он и расстанется с единственной! Адриан сложил коробки одна на другую и подумал, что теперь обязательно соберет коллекцию еще почище Ромкиной. Пять солдатиков, один конный и четыре пеших, выстроились на Ромкином подоконнике, навсегда перейдя под его командование.

Тут мальчиков позвали пить чай.

Проходя мимо дверей кабинета, Адриан заметил, что чехлы на картинах сняты, и решил, что Сожич это сделал специально, чтобы похвастаться картинами перед отцом.

За столом Адриан и Ромчик молчали. Они обжигались чаем и поглощали свежее варенье из крыжовника. Ромкина мать потихоньку поддвигала им крендельки. Крендельки были с маком, пахучие, вкусные. Отец говорил мало. Зато Ян Савельевич все время болтал. При этом он так размахивал руками, будто дирижировал оркестром. Сожич обижался на крутовскую публику, говорил, что встречает тут повсюду непонимание и притеснение и что торговать ему становится все трудней. Тут же рассказывал разные смешные истории, над которыми больше всего смеялся сам. Когда напились чаю, Ян Савельевич предложил пройти в сад. Наверно, ему не терпелось похвалиться перед отцом своим садом.

Они поднялись из-за стола. Отец Адриана поблагодарил за чай и покорно пошел вслед за хозяином.

Мальчики поскорее налили чай в блюдца и разом втянули его в себя.

— Спасибо!

Анна Михайловна кивнула и чуть улыбнулась.

— Пожалуйста. Ну, как ты живешь, Адриаша?

— Ничего, хорошо, — сказал он.

— В городе летом?

— В городе.

— Ромчик тоже вот уговаривает оставить его здесь.

— Не поеду я в деревню. Сказал! — буркнул Ромка.

— Ну, ну, Рома. Чем же ты занимаешься, Адриан?

— Так, всем...

— А почему у нас редко бываешь?

— Так ведь Ромы не было.

— Ну, теперь-то он здесь.

Она составила посуду на поднос и понесла на кухню. С Ромкиной мамой можно было го-

ворить, не то что с Яном Савельевичем. Тот всегда был занят чем-то своим. Адриан заметил, что при Сожиче и Анна Михайловна обыкновенно молчала.

— Пошли посмотрим картины, — предложил Адриан, кивнув на дверь кабинета.

— А что на них смотреть? Я и так с закрытыми глазами их знаю. Ну, раз хочешь, идем.

И они вошли в кабинет.

Над диваном висела большая картина в золоченой раме. На ней и вправду, как рассказывал Ромка, розовый амурчик целился из лука в большую голую тетку. А в облаках летали ангелочки. Один из них играл на лире, второй трубил в рог. Другая картина, которую рисовал крутовский Чикильдеев, была на эту совсем не похожа. Та, с амурами, гладкая и блестящая лаком, а на чикильдеевской мазки наляпаны грубо и широко. На каких-то смятых тряпках стояла тарелка с селедкой, голову которой Адриан разглядел в прошлый раз. Дальше синела бутылка. На ней отражалось маленькое светлое окошечко. Адриан подошел поближе, чтобы рассмотреть эту странную картину.

— Ерунда, — сказал Ромчик. — Я же тебе говорил, ерунда.

— Ага, — согласился Адриан. И вдруг он заметил, что краска в левой стороне картины, ближе к нижнему углу, облупилась, и там, вместо грунта, проглядывал поблескивающий лаком желтый стариковский палец. Палец охватывал что-то круглое. Если не приглядываться, этого можно было и не заметить. Но Адриан ясно видел палец и не мог оторвать взгляда от картины.

— Ну, нагляделся на чепуху? Пошли, — позвал Ромка.

— Идем.

Они вернулись, и Ромка предложил сгонять партию в военно-морскую.

Адриану сейчас было, конечно, не до игры, но приходилось прикидываться, что ничего не случилось. Он согласился и, получив листок, стал затушевывать кораблики. Потом Адриан отмечал точками попадания и сам посылал снаряды в корабли Ромки. Но вместо листка в клеточку все время видел перед собой странный палец. Неужели ему показалось? Он вспоминал место на картине, где облупилась краска, и старался получше его запомнить. Очень скоро Адриан продул партию. Ромка был доволен.

— Все потопил! Виктория! — воскликнул он. — Хочешь еще? Реваншную?

Но какой тут реванш?! Адриану совсем не до того. И тут как раз его позвал отец.

— Где ты там, Адриаш? Прощайся. Пошли...

Он уже стоял в передней с фуражкой в руках.

— Приходи, — сказал Ромчик.

— Приду, — кивнул Адриан.

Ян Савельевич проводил их до ворот.

— Так я буду ждать, — улыбаясь, на прощание сказал он и запер за ними калитку.

Как только вышли на улицу, отец сразу повеселел. Он начал расспрашивать о всяких крутовских новостях: о лучшем городском голкипере Пуни, который был капитаном команды и которого хотели забрать в Москву в сборную; о том, верно ли, будто в Крутове появились два пожарных автомобиля и на улицах установили сигнализацию. Пожарных машин Адриан еще не видел. Но красные железные

коробки на некоторых углах действительно поблескивали на столбах круглыми стеклышками. Так и тянуло разбить стекло, нажать кнопку и посмотреть, скоро ли придут пожарные.

Раньше Адриан без конца бы рассказывал отцу про все, что есть нового в городе, но сейчас едва успевал отвечать на вопросы. Из головы никак не выходил желтый согнутый палец на чикильдеевском полотне.

Уже подходя к дому, он вспомнил, что оставил у Ромки выменянные на солдатиков коробки, с которых задумал начать новую коллекцию.

Ночью Адриану снился сон. Он бежал вниз по улице Революции и догонял исполкомов-

ский автомобиль, в котором, одетый в кожаную тужурку, ехал Валечка-Козлик. А за Адрианом гнался Ян Савельевич. Вот он уже догнал его и над головой Адриана блеснула сабля. Но оказалось, что это не сабля, а подсвечник. Автомобиль исчез, а Ян Савельевич превратился в старика с бородкой. Подсвечником в скрюченных пальцах старик ударил Адриана по затылку. Адриан хотел закричать, но не смог и проснулся.

Он лежал в своей постели. Подушка сбилась на сторону. Адриан понял, что стукнулся головой о железные прутья спинки кровати.

Вдруг он услышал, что в соседней комнате негромко переговариваются родители.

— Знаешь, Надюша, — это говорил отец. — Все-таки чертовски не понравился мне этот Сожич.

— Да? А почему? — негромко спросила мама.

Адриан приподнял голову. Прислушался.

— Да так, сам не знаю. Но какое-то скользкое производит впечатление. Стал на что-то намекать. У него, видишь ли, задержалась какая-то пушина, которую он надеется реализовать в центре.

— Ну, а ты-то тут при чем?

— Я ему говорю, что этим никогда не занимался. Я инженер, мое дело — техника. Так на тебе... Потасил в сад. Угощал контрабандным коньяком... По-видимому, опытный спекулянт.

Отец немного помолчал и вдруг решительно добавил:

— В общем, ну его к черту! В тяжелые-то годы я не связывался с разными махинациями, а теперь и подавно. Думаю, что я видел этого Яна Савельевича в первый и последний раз.

— Ну, и правильно.

— Знаешь что, и Адриану, по-моему, там делать нечего.

— Рома — хороший мальчик. Они дружат. При чем тут Рома? — заступилась мама.

Кажется, отец больше ничего не сказал. Или Адриан не слышал. Только на душе у него отлегло. Голова упала на остывшую подушку. Он заснул.

С утра мама ушла на службу. Отец вскоре тоже отправился в город по каким-то делам.

Как только Агафоновна занялась по дому, Адриан улизнул за ворота.

Нужно было немедленно доложить обо всем Валентину. Где он живет, Адриану было известно. Беспокоил один вопрос: надо ли поделиться тем, что он узнал вчера, с Митрей и Леней. Поразмыслив, решил, что расскажет им позже.

Адриан торопился, как мог, а по пути все время попадалось что-нибудь интересное. То на площади у театра пожарные испытывали новенькие, как игрушки, красные автомобили. Как тут не посмотришь? То из ворот завода на улице Карла Маркса вышла рабочая демонстрация. На палке они несли чучело буржуя в цилиндре, а на широком плакате было написано: «Наш ответ Чемберлену». Как было не пойти сзади? Еще необходимей оказалось постоять на тротуаре возле электростанции и посмотреть, как вертятся в подвале огромные маховики. И заглянуть с моста в овраг, по которому тянулся ботанический сад, тоже было нужно.

Когда Адриан, наконец, подошел к дому, где жил Валентин, и узнал у прохожего, сколько времени, то открыл рот от удивления. Было уже два часа. Вот так да! А ведь он так торопился!

Валентин, к великому счастью, оказался дома. Он лежал на кровати и, положив на спинку ноги в ботинках, читал толстенную книгу.

— Валя, ну и дела! Обалдеть можно! — с ходу прокричал Адриан, не успев и поздороваться с учителем.

Когда студент узнал о том, что видел Адриан в кабинете Сожича, он стал необычайно серьезным.

— Ты ясно разглядел? — спросил он.

Адриан поднял перед собой ладонь и показал, как близко он видел полотно.

— Говоришь, палец?

— Палец. Вот так...

Адриан согнул свой палец и показал Валентину.

— Держит подсвечник?

— Наверно. Дальше не видно. Замазано.

— В каком месте полотна?

— Поближе, внизу. — Адриан нарисовал в воздухе раму. — Вот тут, почти с края.

— Так! Похоже.

Валентин бросился к своему столу. Вытащил уже знакомую фотографию рембрандтовского шедевра и положил ее перед мальчиком.

— Здесь?

Он указал на жилистую руку старика, которая держала подсвечник со свечой. Рука находилась в том месте, где облупилась краска на чикильдеевском полотне. Указательный палец старика обхватывал стержень подсвечника чуть выше других пальцев и был таким, как там, на картине. Теперь уже Адриан не сомневался в том, что вчера ему ничего не показалось.

— Здесь, — сказал он. — Я запомнил!

Валентин оставил фотографию и, ероша волосы, заходил по комнате.

— Чертовщина какая-то!.. Откуда ему там взяться, под этим натюрмортом?!

Адриан не знал, что ответить. Он только выразительно пожал плечами.

— Вот если бы мне взглянуть... — сказал Валентин.

Адриан задумался. Конечно, было бы хорошо, чтобы Валентин сам убедился. Но как же это сделать? Часы на руке студента показывали начало третьего. Ян Савельевич, наверно, уже пообедал и сейчас отправился в свой «Оборот». Ромка, конечно, дома. Куда ему деться? Может, пойти с Валентином к Сожичам и сказать, что студент интересуется картинами? Ромчик же знает, что Валентин учится в Академии художеств. Обмануть Ромку ничего не стоит. Он доверчивый. Но если действительно окажется, что под чикильдеевской мазней спрятан Рембрандт, и поднимется шум на весь Крутов? Никогда Ромка не простит, что Адриан его так ловко провел.

Меж тем Валентин ждал.

— Ну, так как же? — спросил он.

Адриан решил. Будь что будет. Нельзя же оставлять миллионы золотом, на которые можно выстроить целый завод, в руках какого-то Сожича, даже если это и оборачивается ссорой с Ромкой. И, махнув рукой, он сказал:

— Пошли!

Через десять минут они уже запирали наружную дверь квартиры, где жил Валентин. Оба, одинаково волнуясь, вышли на улицу и зашагали в сторону сожичевского особняка.

Скрипнула и пропела свою визгливую песенку калитка во дворе. Ромчик прислушался. Кто бы это мог быть? Мама и дядя только что ушли. Ромчик выпустил бульдога и сам выскочил на крыльцо. От ворот к нему шли Адриан и Валечка-Козлик. Вот так новость! За чем это они явились вдвоем?

— Здравóво! — крикнул Адриан, приближаясь.

— Здравствуй.

— Мы к тебе с Валентином.

Ромчик поздоровался и со студентом. Тот ответил, как-то натянуто улыбаясь.

— Я вчера коробки у тебя оставил. Видел? — Адриан не знал, с чего начать разговор.

— Видел. Ты что, уже раздумал меняться?

— Ну вот еще! Слово. А ты не раздумал? Не жалко «Бегемота»?

— Я никогда не раздумываю, — надулся Ромчик.

— Понятно. Вот мы с Валентином и зашли.

— Вижу. Вы его не бойтесь, он ученый. Сидеть, Альберт!

Но Альберт и не думал садиться, он деловито обнюхивал ботинки студента.

— Заходите.

— Спасибо, — стеснительно кивнул Валентин.

— А картины можно посмотреть? Вот Вале интересно.

— Так они же в чехлах. Как смотреть?

— Опять? Все?

Ромчик заметил, что Адриан как-то странно взглянул на Валентина.

— Нет, те, что в кабинете, не завешены.

— А-а! Ну, так я ему и хотел показать ту, с амрами. Старинную. — Адриан хитрил. — Покажем, а потом я у тебя останусь. Чего-нибудь придумаем.

— Хорошо. Смотрите, если интересно.

Ромчик доверчиво повел их в дом. Вошли и ждали в столовой, пока Ромчик искал ключ от кабинета.

— Не знаю, куда его дядя дел. Подождите... Сюда другой подходит.

Ромка исчез в глубине квартиры. Адриан и студент остались вдвоем. Они молчали. Оба чувствовали себя неловко и избегали смотреть в глаза друг другу. Адриану все время казалось, что вот сейчас придет Сожич и спросит, зачем они здесь. Вернулся Ромчик. Он вставил в скважину ключ. Замок послушно щелкнул.

— В порядке, прошу!

Вошли в кабинет. Валентин неторопливо оглядел комнату, потом подошел к большой картине и стал внимательно рассматривать ее, зачем-то прикладывая ладонь козырьком ко лбу. Адриан ждал, скоро ли он пойдет дальше.

— Подражание классике, — наконец проговорил Валентин. — Прошлый век. Середина века...

Он говорил еще какие-то умные слова, но Ромчику они были безразличны, а Адриан, дрожа от нетерпения, ждал, когда Валентин перестанет смотреть на голую тетку и подойдет к чикильдеевской живописи. Но студент оказался хорошим артистом. Он так долго с разных сторон оглядывал амурчиков, что Ромчику самому надоело и он сказал:

— Вот еще одна. Здешняя. Футуристая.

— Где? Вот эта?

Валентин, наконец, приблизился к синему натюрморту с селедкой. За его спиной выжидательно замер Адриан.

— Это не футуризм. Это — экспрессионизм, — пояснил студент. Он сделал шаг вперед, внимательно разглядывая чикильдеевское творение. Адриан, не дыша, ждал.

И тут произошло неожиданное.

— Интересно, — как-то непонятно произнес Валентин.

Адриан тоже подошел ближе и уставился в картину. Что такое? Он не верил своим глазам. Никакого стариковского пальца на том месте, где он еще вчера его видел, не было. Не заметно было и отвалившейся краски. Адриан приблизился вплотную к полотну. Приснилось ему, что ли? Вот так история!

— Интересно! — многозначительно повторил студент. — Современная живопись. Это работа Чикильдеева?

— Его, — кивнул Ромчик. — Ерунда, по-моему.

— Не совсем, — как-то вяло произнес Валентин и вопросительно взглянул на обалдевшего Адриана, который был рад провалиться на место. — Ну, спасибо. Посмотрел.

— Пожалуйста. Приходите еще.

Ромчик старательно затворил дверь комнаты и потянул скобу, проверяя, хорошо ли она заперлась.

— Дядя не знает, что этот ключ подходит. Это я, когда у него карандаши таскал, подобрал.

Он убежал положить ключ на место.

— Ну, где же палец? — тихо сказал Валентин.

— Не знаю. А вчера был. Честное слово, был...

— Куда же исчез?

— Ничего не понимаю!

— Показалось тебе. Только что размер совпадает...

— Видел, ей-богу, видел!.. — Адриан был готов заплакать от досады, но тут появился Ромчик.

— Хотите, и с этого Айвазовского чехол сниму. — Ромчик горел желанием доставить удовольствие студенту. — А тут лес, как в огне, нарисован...

Но Валентин остановил его.

— Нет, не стоит. Я старинной живописью интересуюсь. Спасибо, Рома. — Он направился к выходу.

Во дворе Ромчик спросил Адриана:

— Останешься?

— Конечно. Зачем же я приходил!

Валентин пожал им обоим руки и направился к воротам. У выхода он остановился и еще раз выразительно посмотрел в сторону Адриана. Тот невольно пожал плечами, и калитка, проскрипев, захлопнулась.

— Пошли к вам в сад, — мрачно предложил Адриан.

— Пошли, если хочешь.

Ромка подозрительно взглянул на товарища и двинулся за ним к изгороди. Сзади заструил Альберт.

Ромчик вдруг сказал:

— Ты чего такой?

— Какой?

— Будто злишься на меня.

— Чего мне на тебя злиться?

— Откуда я знаю. Молчишь. Вроде зафасонил. В чем дело?

— Нечего мне тебе говорить.

— Ну, ладно, как хочешь.

Теперь в свою очередь умолк Ромка. Молча стали срывать с кустов оставшуюся малину. Адриан набрал горсточку перезрелых нежных ягод и опрокинул ее в рот. Даже не посмотрел, есть ли в них черви. Ромчик рвал малину лениво. Она ему надоела. Оба молчали.

И вдруг Ромчик сказал:

— Думаешь, я не видел, что вы с Валентином переглядывались?

«Этого только не хватало!» — подумал Адриан. Он сделал вид, что пропустил замечание Ромки мимо ушей, но тот продолжал:

— Нечего прикидываться. Видел.

— Ничего ты не видел!

Адриан разволновался. И это, наверное, заметил Ромчик.

— Не ори, — тихо сказал он. — Не думай, я не маленький. Друг, называется! Вы давно от меня все — и ты, и Митря, и Ленька — что-то скрываете. И студент с вами. Думаете, не догадываюсь?

Малина застряла в горле Адриана.

— Ты про что?

— Про все. Думаешь, не заметил, что ты все картины рассматриваешь? И Митря сюда не за яблоками лазил. И вот ты еще Валентина привел. Просто так, да?!

Ягоды вдруг перестали интересовать Адриана. Неужели Ромка догадался?! Не может быть!

— Ничего ты не знаешь. Придумываешь...

Ромчик молчит. Он сердится. Губы его обиженно надуваются. Адриану становится жаль Ромку. И он, не выдержав, выпаливает:

— Не могу я тебе ничего сказать!

— Я что-нибудь пробалтывал? Бывало? — сквозь зубы спрашивает Ромчик.

— Никто не говорит. При чем тут?..

— Ну, тогда ты — свинья!

— Я?

Адриану нужно бы обидеться и немедленно уйти, но он отчего-то не может этого сделать. И вдруг, неизвестно почему, он решается.

— Клянешься, что никому... ничего...

— Ну, клянусь.

— И ни твой дядя...

— Что ты, в самом деле! — горячо перебивает его Ромка. — Дядя! Все дядя!.. На что он мне сдался? Я вырасту — ни за что с ним жить не стану. Мама на них всех только и ра-

ботает — и в магазине и дома. А он все злится. Кричит, чтобы мы радовались, что он не оставил нас на улице. Живем в приличном доме... Не знаешь ты ничего... Дядя, дядя!

На глаза Ромки навернулись слезы. Такого Адриан не ожидал никак.

— Я не знал. Ладно... — примирительно сказал он. — Понимаешь, про то, что я тебе скажу... Тут, может быть, и твой дядя...

— Опять ты!.. Сказал — могила! Чего тянешь?

— Но если ляпнешь...

Ромчик молча снес очередное оскорбление. Лишь бы узнать, в чем дело.

— Так вот, слушай, — продолжал Адриан. — Валентин получил письмо от своего учителя из Ленинграда... — Он понизил голос, насколько мог, и рассказал Ромчику обо всем, что было известно ему. Об ошибке с человеком в кепке, о хитром старичке на вокзале... И о пальце на картине Чикильдеева, который он видел вчера.

— Теперь ты все знаешь, — закончил Адриан. — Ну?..

Но Ромка будто не слышал его слов. Он думал. Насупился, опустил голову.

— Если только он с этими жуликами заодно... Если он такой... — проговорил Ромчик. — Я убегу из дому. Мой папа был красный военврач. Он бы не потерпел...

— Ты подожди. Может, мне просто показалось...

Адриан уже и сам был не рад, что дело стало принимать этакий оборот. Ну и заварил кашу!

И вдруг Ромка решительно произнес:

— Пошли.

— Куда?

— В кабинет. Посмотрим, показалось тебе или нет. Может быть, и не показалось.

Адриан не успел и ответить, а Ромка уже побежал к дому. Калитка сада осталась распахнутой настежь. Адриан и бульдог поспешили за Ромчиком.

И опять он приносит ключ и снова они входят в затемненный кабинет. Ромчик тащит стул с мягким кожаным сидением и пододвигает его вплотную к чикильдеевскому натюрморту.

— Залезай. Смотри!

Адриан послушно влезает на стул. Грубо наложенные на полотно мазки оказываются перед его глазами.

— Ну, что там? — Ромчику не терпится.

Места, где вчера было заметно, что краска облупилась, никак не найти. Адриан тщетно пытается определить, где оно было. Но вот в голубоватой тени тарелки темнеет что-то, словно тут пробита маленькая неровная дырочка. Да это тоже отвалившийся кусочек краски.

— Есть, кажется. В другом месте, — сдвинуто говорит он.

— Ну-ка, где?

Ромка влезает на стул рядом. Мальчики держатся друг за друга.

— Где? Покажи, — Ромчик вглядывается в полотно. — Верно. Есть, дырочка. Вот она.

Он спрыгивает со стула и бежит к письменному столу Яна Савельевича. Приносит нож, которым тот разрезает бумагу.

— Колупни побольше. Посмотрим...

— Что ты? Нельзя... А вдруг испортим?

— А ты остороженько.

Кончиком лезвия Адриан пытается отколупнуть еще кусочек краски в том месте, где образовалась дырочка. Но краска не поддается.

— Нельзя больше, — говорит Адриан. — И не надо. Но я теперь вижу — что-то там блестит.

Они оба спрыгивают со стула.

— Замазал он, вот что, — решает Ромчик. — У него краски есть. Я знаю. С утра в кабинете закрывался. Маме сказал, что нужно опять картины завесить. Солнце их портит. Вот...

Оба стоят немного растерянные.

— Ты вот что, Ромка, — говорит очень серьезно Адриан. — Ты пока никому ни слова. Слышишь?

Ромчик молча кивает. Он подавлен случившимся.

С потрясающей новостью — ничего ему не приснилось: под натюрмортом другая картина — Адриан снова мчит к студенту. На этот раз ничто не останавливает его внимание. Медлить Адриану нельзя. Дело серьезное. С этим Сожичем и в самом деле шутить не приходится. Вот уже и знакомый дом с обшарпанным палисадником. Адриан влетает во двор. Пусто! Двери на лестницу второго этажа заперты.

Валентина дома нет.

Как действовал студент

«Нет, Адриану не могло показаться. У парня наблюдательный взгляд», — мучительно думал Валентин. Нужно было немедленно отыскать прощелыгу Чикильдеева и прижать его к стенке. Валентин бросился

на вокзал. Но в ресторане Чикильдеева не оказалось. Студент с велосипедом рыскал по городу и все же увидел опустившегося художника на Верхнем рынке. Чикильдеев напрасно пытался там продать свою по-

следную картину — лунный вид с берега Крутьи. Пользуясь давним знакомством, Валентин пригласил Чикильдеева в пивнушку, и под стопочку водки подвыпивший художник признался, что лет семь назад, по просьбе нэпмана Сожича, написал на каком-то старинном полотне с портретом старика свой натюрморт.

Картина тогда даже понравилась Чикильдееву, но

нэпман сказал ему, что старой живописи не ценит и хочет, чтобы в этой раме была современная вещь.

Чикильдеев еще рассказывал, что он потом по памяти сам написал этого старика, потому что тот ему запомнился. Но подробности студента уже не интересовали. Он сел на велосипед и помчался в сторону губисполкома.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Да. Это действительно новость! Подобного трудно было ожидать даже от такого коммерсанта, как Ян Савельевич. Ловко! — Петр Наумович Залесский — кожаная куртка расстегнута, руки сцеплены за спиной — взволнованно шагал между столами в своей небольшой рабочей комнате. Валентин сидел на старом венском стуле и ожидал, что решит начальник отдела борьбы с вредным элементом. Студент уже рассказал ему обо всех невероятных событиях, о том, что произошло в доме нэпмана Сожича, и о разговоре с Чикильдеевым.

— Вы молодец, товарищ Курчо... — Залесский остановился и задумался. — Похоже на то, что нити сходятся. Ну, и хитер же Сожич! — Он снова заходил вдоль уютной комнаты. Потом остановился, посмотрел в окно и, видимо, думая совсем о другом, произнес вслух: — Осень... Приближается осень. Золотая пора...

Он снял очки, протер помятым платком стекла и, снова надев, продолжал:

— К сожалению, это совершенно не мое дело искать украденное. Я не уголовный розыск. Впрочем, для розыска время еще не наступило. Кому, скажите, запрещено купить старую картину и наклеить на ней, что тебе вздумается? Преступление перед искусством прошлого века пока, к сожалению, законом не карается.

— Вы полагаете, что он ничего не знал? — удивился Валентин.

— Ян Савельевич? — Залесский рассмеялся. — Ну, нет, не думаю. На приверженца новейшей живописи похож мало. Скорее на любителя дорогостоящих вещей. — Он задумался: — Нет, конечно, так этого оставить нельзя. Дело серьезное и требует проверки. Посидите, пожалуйста, я сию минуту...

Залесский кивнул Валентину и вышел. На столе остались потертый портфель и кепка. Ждать пришлось долго. Наконец товарищ Залесский вернулся.

— Ну вот что, Валентин Дмитриевич... Будем действовать на свой риск, но спокойно. Идемте. Я вам сейчас расскажу мой план.

Валентин с готовностью поднялся со стула. Петр Наумович надел кепку. Они вышли вместе.

В баньке у Митри было созвано срочное совещание.

Под голубиную воркотню Митря и Леня слушали доклад Адриана о таинственных превращениях с картиной и о том, что Ромчик теперь в курсе дел. Последнее обстоятельство не понравилось Митре.

— А еще клятву давал. Эх ты! — презрительно бросил он.

Адриан этого ждал. Он стал объяснять — теперь у них есть наблюдатель в доме.

— А если он проговорится, что тогда?

— Говорю, не проговорится. Он этого дядю сам ненавидит.

— Посмотрим... — недоверчиво протянул Митря. — Я говорил, что Сожич и есть элемент, нэпманище! Ясно, прикарманить миллион хотел.

— И ведь как додумались! Закрасили!.. А если бы ты ничего не увидел? — восхищался находчивостью приятеля Леня.

— Сегодня-то нет той дырки.

— Ясно. Ночью замазали мазурики. Все они там заодно, — сурово продолжал Митря.

— И Чикильдей, значит, с ними? Ну и публика! В угрозык нужно сообщить.

Но Адриана охватывали сомнения.

— А если все не так? Будет нам на орехи, угрозык.

— Ясно, когда он от Ромки узнает, ищи свищи тогда...

— Не узнает, тебе говорят, — Адриан вздохнул.

— Куда же это Валентин провалился? Найти бы его.

— Может, он уже домой пришел, пока мы тут...

— Я его раз в библиотеке встретил. Он там книги с картинками смотрел.

— А может, он в городском саду? Я как-то иду, гляжу, он с берега вид в альбом снимает.

— Баста! — решительно сказал Адриан. — Мы его должны немедленно найти. Может, он

думает, что все это ерунда, а тут... Давайте кто куда. Я опять к нему домой сбегаю. Ты, Митря, на берег. А Ленка в библиотеку. И по всем улицам станем смотреть. Велосипед сразу увидишь.

Возражений не последовало. Мальчики покинули баньку.

— Если кто встретит Валентина — все рассказать, а потом дуйте в садик напротив театра. Там ждать других, кто первым придет, — командовал Адриан.

На углу расстались. Отсюда каждый зашагал в свою сторону, потом кинулся бегом. Каждому непременно хотелось первому сообщить студенту, что подозрения оправдались и необходимо действовать.

Тем временем товарищ Залесский и Валентин уже входили в двери магазина «Оборот» на улице Революции. В полутемном помещении несколько человек рассматривали товары. Черноволосая женщина с усталым лицом стояла за прилавком.

— Яна Савельевича нет? — вежливо спросил Залесский у продавщицы.

Но Сожич, оказалось, находился во внутреннем помещении.

— Ян Савельевич, к вам! — крикнула женщина в полуприкрытую дверь, из которой немедленно появился владелец «Оборота». Увидев Петра Наумовича, он так приветливо раскинул руки, что будто только и ждал, когда его посетит начальник борьбы с вредным элементом.

— О-о, товарищ Залесский! Прошу! Заходите, заходите... — Ян Савельевич поднял доску, открывавшую проход за прилавком, и пропустил нежданных посетителей. — Прошу сюда, сюда. В мою скромную обитель.

Они очутились в задней комнатке магазина. По стенам ее были полки, сплошь заставленные различными коробками с товаром. Тесно жались друг к другу небольшой стол и три табуретки. На стене висел телефон. Тусклый свет едва проникал через небольшое окно, заделанное железной решеткой, и потому даже днем здесь горело электричество.

— Садитесь! Пожалуйста, садитесь... Не очень-то шикарно, но что делать? — заискивающе суетился Сожич. Он собирал со стола какие-то разграфленные на колонки листы и прижимал их счетами. — Чем обязан?

— Мы к вам ненадолго. Я, собственно, только как сопровождающий. Начальство попросило, — пояснил Залесский. — Пожалуйста, познакомьтесь. Товарищ Курчо. Из Академии художеств. Из Ленинграда.

— Очень приятно... — Ян Савельевич протянул пухлую, украшенную кольцом руку. Быстрые глазки-буравчики недоверчиво оглядывали студента. — Чем могу быть полезен, прошу...

На лице эппмана мелькнул плохо скрытый испуг. Вероятно, это заметил и Залесский.

— Ян Савельевич, — непринужденно начал он, — товарищу известно, что вы интересуетесь живописью. Не правда ли, так?

— Знаете, громко сказано. Конечно... Как любитель. Поскольку в этой области не образован. Но иногда восхищаюсь, восхищаюсь...

— Скажите, пожалуйста, картины вы покупаете в Крутове? — выговорил Валентин заранее приготовленную фразу.

— Очень немного. Очень немного... Что здесь купишь? Несколько вещей я приобрел в Москве — Айвазовского, Клевера. Еще кое-что.

— Очень любопытно, — торопливо бросил Валентин и посмотрел на Залесского.

— Я думаю, Ян Савельевич не откажется показать вам свою коллекцию, — сказал тот.

— Отчего же. Приходите, приходите...

— Видите ли, — непринужденно продолжал Петр Наумович. — Товарищ Курчо уезжает и поэтому хотелось бы...

— Когда же будет угодно?

— Если можно, сегодня, сейчас...

— Ну, — Ян Савельевич развел руками, — чего не сделаешь для искусства. Пойдемте сейчас. Извините, я дам распоряжение по магазину.

Ян Савельевич вышел, прикрыв за собой дверь.

— Ох, — тихо произнес Залесский. — Догадывается, что мы неспроста, но делает вид... — И тут же громко произнес:

— Значит, Валентин Дмитриевич, ваша миссия подходит к концу?

Не успел Валентин и придумать, что следует ответить, как Сожич снова появился в комнате. Он снял висевшую на крючке шляпу и жестом пригласил гостей следовать за ним.

Вышли на улицу. Ян Савельевич предложил взять извозчика. Валентин подумал о том, как хорошо, что он, по совету Петра Наумовича, оставил свою машину в губисполкоме. Вот бы удивился Сожич, увидев, как представитель Академии художеств развезжает на дамском велосипеде...

Втроем в извозничьей пролетке было тесно, но Сожич категорически заявил, что усядется на откидное место.

— Ничего... ничего... Мне тут хорошо... Ехать совсем недолго.

На низенькой запасной скамеечке, на которой обычно ездили дети, Ян Савельевич

казался совсем маленьким.

Пролетку слегка покачивало. Лошадь трусила рысцей. По дороге молчали. Время от времени молчание нарушал Сожич:

— Очень ценю искусство, очень, — повторял он.

Вскоре они уже поднялись на крылечко сожичевского дома.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Там бульдог. Собака ученая. Никому не сделает вреда, — предупреждал хозяин.

Пока они ехали на извозчике, Валентин думал о том, как бы Ромчик не выдал, что он, Валентин, уже был здесь. Нужно было выдумать оправдание. Однако опасения оказались напрасными. Племянник Сожича сделал вид, что впервые видит студента.

В столовой Ян Савельевич и старательно помогавший ему Рома сняли чехлы с картин.

— Пожалуйста, вот моя гордость: Феодосия, море... Кисть самого Айвазовского. Подтверждено печатью на обороте.

С деланным любопытством Валентин оглядел морской пейзаж, похвалил свет на картине, изображавшей лес в час заката.

— Стоящая вещь... — скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Сожич и продолжал:

— В кабинете у меня тоже кое-что висит, но менее ценное. Если желаете...

— Конечно, конечно... — закивал Валентин. Ключ от кабинета оказался в кармане Яна Савельевича. Он отворил дверь.

— Пожалуйста, входите...

Вошли в кабинет, и Валентин, бегло скользнув взглядом по стенам, принялся рассматривать чикильдеевский натюрморт.

— Экспрессионистский подход, — сказал он.

— Возможно, возможно... Я в современных картинах не разбираюсь. По-моему, вещь не стоящая. Приобрел по случаю. Поддержал тут одного местного.

— А вы не помните, чья это работа? — спросил Залесский.

— Забыл фамилию... Вот вертится на языке... Чикреев, Четеев... Как-то так.

— Чикильдеев, — сказал Рома, который находился тут же в кабинете и внимательно наблюдал за тем, что происходит.

— Скажите, пожалуйста, он помнит! Действительно, кажется, так. А что вас заинтересовало? Неужели это может представлять какую-то ценность?

Ян Савельевич довольно ловко изображал человека, который ни о чем не имеет понятия, и Залесскому это наскучило. Он решил приблизиться к цели.

— Я вам говорил... — сказал Залесский, обращаясь к Валентину. — Я так и предполагал, Ян Савельевич не обратит внимания.

— А что такое? В чем дело? — забеспокоился Сожич. — Я, извините, не понимаю.

— Дело в том, — продолжал Залесский, — что вы, Ян Савельевич, возможно являетесь обладателем весьма ценного полотна.

— Я — обладателем ценного?.. Вот этого?..

— Представьте себе, именно этого, — кивнул Залесский.

— Что же в нем ценного?..

— Понимаете, — начал пояснять Валентин, — случайно стало известно, что крутовский художник написал его на другом полотне, гораздо более старом.

— Да что вы? Вот никак не думал...

— Ну что же... Для вас, может быть, это и неплохо, — снова заговорил Залесский. — Если действительно окажется, что это и есть ценная картина, государство приобретет ее для музея. А расстаться вам с натюрмортом не беда, так ведь?

— Конечно. У меня приобретут?.. — Сожич что-то прикидывал. — Почти выигрыш в лотерею... Скажите, пожалуйста! Никогда бы не подумал... Значит, говорите, художник из самых ценных?

— Понимаете, нужно определить автора, — вставил Залесский.

— Нужно определить?.. Понимаю. Буду даже очень рад, если окажется кто-нибудь знаменитый. Буду гордиться.

— Может быть, снимем? Приблизим к божьему свету? — предложил Залесский.

— Что же, если нужно...

Втроем они сняли картину. Поднесли к окну. Валентин прежде всего взглянул на обратную сторону рамы. Подрамник из потемневшего дерева, очень старый. По углам — плоские клинья.

— Холст старинный и дерево очень старое, — произнес Валентин, не в силах скрыть охватившего его волнения. Неужели руки его касались досок, которые когда-то стругал и сколачивал сам великий мастер?

Картину положили на стол возле окна.

— Этот натюрморт написан на старом полотне, — заявил Валентин. — Вот, посмотрите сюда... Здесь и вот здесь проглядывает лак.

— Что вы говорите? Действительно, что-то там есть... — продолжал удивляться Сожич. — Вот так, висит у тебя, — а ты и понятия не имеешь...

— Это чистая случайность, что нам стало известно... — Валентин все еще продолжал рассматривать картину.

— Ай, ай... Удивительное дело!

— Ян Савельевич, — сказал Залесский. — Картину нужно взять на экспертизу в Художественный музей. Там есть специалист, Николай Афанасьевич Хрякин. Он определит мастера. Не протестуете?

— Как же я могу протестовать? Что же делать, раз такая история. Берите, несите...

— Все-таки, думаю, нам следует пойти вместе. Картина ваша. Вы ее владелец. Если окажется, что это ценное полотно...

— Товарищ Залесский, у меня к вам полное доверие, — заюлил Сожич. — Но поскольку вы настаиваете... Когда же везти в музей?

— Думаю, можно и сейчас. Хрякин скорее всего там.

Ян Савельевич непритворно вздохнул.

— Ну, сейчас, так сейчас... Чем скорее, тем лучше... Рома, Рома!.. Ах, ты здесь. — обратился он к племяннику, который так и не уходил из комнаты. — Тебе это тоже очень интересно? А ну-ка, сбегай поскорее за извозчиком. И чтобы со скамеечкой.

— Я думаю, картину следует упаковать, — предложил Валентин.

— Конечно, конечно... Обязательно. Одну минутку... — Ян Савельевич направился в глубь дома.

Петр Наумович и Валентин остались одни.

— Неужели и вправду он не знал о ценности полотна? — тихо спросил Валентин.

Под очками Залесского в его карих глазах мелькнул смешливый огонек. Петр Наумович сдержанно улыбнулся и вынул часы.

— Не очень-то на него похоже. Ну что ж, проживем, увидим. Я на всякий случай позвонил в музей Николаю Афанасьевичу. Надеюсь, он ждет нас.

В третий раз за день побывал Адриан на улице, где жил Валечка-Козлик, и опять двери оказались запертыми. Студента дома не было.

Как ни медленно шел Адриан к месту условленной встречи, а в сад напротив театра прибыл первым. Он уселся на скамейку и стал ждать приятелей. Ноги гудели. Шутка ли, сколько километров он сегодня пробежал!

Вскоре за решеткой сада показался Митря. Завидев товарища, он еще с улицы крикнул:

— Нигде не видеть, Адриаха!

Вошел в сад, плюнул сквозь зубы.

— Я даже к парому бегал. Думал, может, за реку поехал. Нету.

Вскоре явился и Леня. Устало плюхнулся на скамейку. Засопел носом. Лене было жарко.

— Нету в библиотеке никакого вашего Валентина. И велосипеда его не видеть.

— Уехал куда-то,— заключил Митря.

Эх, вот действительно запропал!

— У дома нужно дежурить. Придет.

— А если он ночью явится? Тогда и сиди там, да? Я шамать хочу,— сказал Леня.

— О, заныл! Человек может две недели не есть. Вот,— с презрением заявил Митря.

— Ну и не ешь две недели, если тебе не хочется.

— Пошли отсюда,— скомандовал Адриан.

Леня без удовольствия поднялся. Молча двинулись к выходу. И вдруг Адриан схватил Митрю за рукав.

— Смотрите!

Он невольно шагнул назад, таща за собой товарища.

Мимо сада, пыля по мостовой, проехала извозчичья пролетка. В ней сидели исполкомовский начальник и нэпман Сожич. А на откидной скамеечке, спиной к извозчику, устроился Валентин. На коленях он держал тщательно завернутую и перевязанную бечевкой картину.

Извозчик свернул на улицу Карла Маркса и остановился у входа в Художественный музей.

— Глядите, поймали!— крикнул Митря.

— Тише ты, погоди!

— Вот он где, а мы ищем,— засопел Леня.

Трое слезли с извозчика и поднялись на несколько ступенек. Начальник с портфелем нажал кнопку звонка. Очень скоро отворилась дверь. В ней показался беленький старичок. Он пропустил всех троих и затворил дверь.

— Вот это да!— проговорил Митря.

— Будем ждать,— твердо сказал Адриан.

— А если они до вечера?

— Иди, если хочешь,— пожал плечами Адриан, с презрением взглянув на Леню,— такие дела, а он тут...

— Никуда я не пойду,— ответил тот и опять плюхнулся на скамейку.

Хранитель городской художественной галереи Николай Афанасьевич Хрякин дождался товарища из губисполкома, которого лично немного знал. То, что сообщил Залесский по телефону, не могло оставить равнодушным старого художника.

Последние посетители покинули музей в шестом часу. Ровно в шесть дежурная смотрительница галереи задвинула засов на наружных дверях, и почти сейчас же послышался звонок с улицы. Николай Афанасьевич предупредил, что двери отворит сам.

У входа в музей стояли трое. Один из пришедших — молодой человек в косоворотке, с загорелым лицом, держал обернутую материей картину средних размеров.

— Пожалуйста, входите... Осторожно, не ударьте о косяк... — Николай Афанасьевич поосторонился, пропуская поздних посетителей. Третий из них был гладкий человечек, в синей полосатой тройке и шляпе.

Двери были снова накрепко заперты. Хранитель галереи пригласил всех следовать за ним.

Нижним этажом, один за другим, прошли несколько залов картинной галереи.

Миновали небольшую комнатку, стены которой были сплошь завешаны картинами, и очутились в помещении, чем-то напоминающем переплетную мастерскую. Пахло столярным клеем и скипидаром. Стопкой сдвинутые в угол, стояли пустые рамы, у стен — вынутые из рам полотна. Иные из картин лежали на больших, похожих на портновские верстаки, столах. Здесь было светло.

Николай Афанасьевич, сухонький старичок — голова седым ежином, белые усы и бородка — попросил положить картину на свободный край стола возле окна и принялся осторожно распаковывать. Сняв материю, он отодвинул ее в сторону и взглянул на полотно.

— Творение Антона Чикильдеева,— сказал он.— Способный, но воинствующе безграмотный человек. Мог бы работать, мог. Но вопиющее слабоумие. Вот и результат.

Трое посетителей молчали. Ян Савельевич прижимал шляпу к животу, как бы защищая его от удара.

— Значит, вы хотите, чтобы я произвел экспертизу? Постарался определить, на чем написан сей натюрморт?— спросил Николай Афанасьевич, не отрывая взгляда от полотна.

— Да,— кивнул Залесский.— Вы нам должны помочь, Николай Афанасьевич.

Хрякин осторожно перевернул картину и, придерживая очки, склонился над потемневшим полотном. Он разглядывал его, как мелкую географическую карту.

— Да, основа старинная. Очень старинная,— наконец произнес Николай Афанасьевич.— И подрамок давних времен...

Румянец проступил на щеках Валентина Курчо. Он торжествовал. Старый хранитель подтверждал его предположения.

Тем временем Николай Афанасьевич сходил в противоположный конец комнаты и принес большую лупу. Он попросил повернуть картину лицом вверх и склонился над нею, теперь уже вооруженный лупой.

— Варварство! — вдруг тихо произнес Хрякин. — Какое, непростительное варварство!.. Боже мой! Ах, пакостник Чикильдеев!.. Этот невероятный натюрморт написан на старинной картине... Как можно? Нет, варварство, как хотите!

— Ай-я-яй!.. — качая головой, еле слышно произнес Сожич.

— Вот мы и хотели, чтобы вы определили, — сказал Залесский.

Николай Афанасьевич выпрямился.

— Придется все это смывать, а? — по-прежнему придерживая очки, он вопросительно посмотрел на Сожича и на тех, кто с ним явился.

— Что же делать, — вздохнул Ян Савельевич. — Раз тут налицо старинная вещь...

— Ян Савельевич дает согласие, — сказал Залесский.

— Конечно, конечно... — закивал Сожич.

— Однако, уважаемые, мне нужно некоторое время. Торопливость тут излишня. Важно не повредить старую запись, — продолжал хранитель.

— Сколько же, Николай Афанасьевич?

— Ну, так... Думаю, за два-три дня справимся. Если вы пожелаете этак... — Николай Афанасьевич принялся загибать пальцы. — Сегодня у нас вторник... В пятницу, часа в два. Думается, я вам кое-что сумею сообщить.

У Валентина отлегло от сердца. Он боялся, что Хрякину понадобится месяц.

— Ну, что же, — сказал Залесский. — Помоему, это совсем не долго. Будем ждать, Николай Афанасьевич. И пожелаем вам успеха.

Не станем задерживать. Вам и так, вероятно, давно пора домой.

— Минуточку, задержу я! — Хрякин снова повернул картину. — Полотно, кажется, принадлежит вам? — обратился он к Сожичу. — Попрошу на нем расписаться. — Он сходил к столу у стены и принес перо, обмакнутое в черную тушь. — Вот этим... Здесь. Осторожно... Так. И тут на подрамке вашу подпись... Очень хорошо. Благодарю.

Теми же гулками залами двинулись к выходу. Николай Афанасьевич выпустил их на залитую вечерним солнцем улицу Карла Маркса.

— Всего хорошего, до пятницы, — кивнул Залесский и надел свою кепку.

— Вам всего доброго.

Николай Афанасьевич затворил дверь за посетителями и заспешил в реставрационную мастерскую. Он был взволнован предстоящей встречей со старинным полотном. А что если действительно? Нет, об этом даже боязно думать.

Леня зря беспокоился. Ждать пришлось совсем недолго. Двери Художественного музея скоро отворились, и все трое снова показались на лестнице. Но теперь уже без картины.

Потом Ян Савельевич приподнял шляпу и, откланявшись, заспешил вниз по улице Карла Маркса. Валентин и человек из губисполкома пошли в сторону площади.

Выждав время, Адриан предложил:

— Давайте за ними!

Компания друзей двинулась сзади. Расчет был такой: как только Валентин расстанется

с начальником, ребята догонят студента и узнают, что случилось.

Сгорая от любопытства, мальчишки следовали за Валентином и его знакомым. Те уже прошли всю площадь и стали сворачивать на улицу Коммуны, и тут человек в кожанке, словно почувствовав, что за ними кто-то следит, резко обернулся. Обернулся и Валентин.

Бежать было поздно. Студент увидел мальчишек. Он что-то сказал своему спутнику и жестом подозвал ребят.

— Товарищ Залесский, это вот и есть мои помощники. Пожалуйста, познакомьтесь: Адриан, Леня, Митря.

— А, слышал, слышал... — Товарищ Залесский пожал каждому руку. Глаза его под очками сузились и с хитринкой глядели на мальчиков. — Знаете что... Очень возможно, что труды ваши не пропали даром. Придется как-то отметить, а, товарищ Курчо?

Валентин молча пожал плечами. Залесский вытащил из кармана тужурки часы, посмотрел на них и сказал:

— Я спешу, а вы, может быть, расскажете им... Думаю, секрета от них у нас нет. Насчет велосипеда не беспокойтесь. Двери в исполкоме не закрываются до позднего вечера. Итак, до пятницы. Жду вас в два у себя.

Только Залесский отошел на несколько шагов, как Адриан, не в силах больше сдерживаться, выпалил:

— Ну что, сознался Сожич, сам, да?

— Ясно, он стибрил, мазурик, — торопился Митря.

— Спокойствие, — предупреждая поднял руку Валентин. — Дело запутанное, но мы, кажется, у цели. А знаешь, твой Ромка молодец. Умеет держать секреты. Никак я не ожидал... Ну, а теперь слушайте.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Были всякие события. Снова уехал отец. Сказал, что теперь, уже наверное, в последний раз. Адриан получил письмо от Марсельезы. Писала, что скоро вернется. На улицах расклеили афиши. В город на гастроли должен был приехать заслуженный артист республики Н. С. Днепров-Марлинский и ставить «Уриэля Акосту» и «Гения и беспутство». Леня Стародубских в эти жаркие дни неизвестно как схватил насморк, и теперь его мама никуда не пускала.

А в жизни Митри в эти дни тоже были события. Матери выдали пособие, и Митре купили новые штаны. Это были уже не штаны, а можно сказать, настоящие брюки приятного

темно-серого цвета. Митря только надел их — хотел идти на улицу, чтобы все увидели. Но тут выяснилось, что босиком в таких брюках ходить просто невозможно, а старые, десять раз подбитые и залатанные Митрины ботинки уж так не шли к великолепным брюкам, что хоть плачь. Митрина мать повздыхала, оглядывая бывалые ботинки, и швырнула их в угол кухни.

— В грязь таскать и то стыдно.

Она где-то наскребла еще денег, и Митре приобрели в бывшем магазине Кордакова ботинки фабрики «Скороход» с курносими носами и металлическими крючочками — игрушка! Мать еще погнала его постричься, а потом

вымыла ему голову. Митрину футболку с оранжевыми полосами она старательно выстирала и погладила.

В таком обновленном виде Митря сперва сходил к Адриану, потом показался Лене, а затем просто так отправился на улицу. Может быть, кто попадется. Он ходил неторопливо, заложив руки в карманы и только по тротуарам. Станет он пылить новые ботинки, дожидайтесь!

Таковы были события последних дней на улице Профсоюзов.

Но были в эти дни на другой крутовской улице события и посерьезней письма Марсельезы, Лениной болезни и покупки Митре обновок. События, о которых еще ничего не было известно ни Адриану, ни его соседям-приятелям.

Эти значительные события происходили в доме Сожича.

Вечером злополучного дня, когда «натюрморт с селедкой» увезли на проверку в Художественный музей, Ян Савельевич вернулся домой в заметно нервном состоянии. Он немедленно прошел к себе в кабинет и сейчас же оттуда послышалось:

— Рома, ты там?.. А ну, иди-ка сюда!

Ромчик явился на зов дяди.

Ян Савельевич встретил его напряженным молчанием. Потом показал пальцем на стул, который стоял у стены, где еще утром висела картина и, чеканя слова, спросил:

— Не объяснишь ли ты мне, что это тут такое?

— Стул,— ответил Ромчик.

— Да, стул. Стул в моем кабинете. А почему на нем следы от грязных ботинок? А? Я спрашиваю, кто это тут топтался на стуле в моем кабинете?

Ромчик посмотрел на стул и понял, что отпираться бесполезно.

— Никто не топтался. Это я смотрел картину.

— Ты смотрел картину! Ах вот как! А почему тут столько следов? Ты что, танцевал фокстрот на стуле?

— Нет. Мы смотрели ее вместе с Адриашкой,— выпалил Ромчик.

— Что такое? С Адриашкой? Зачем? — глаза дяди сделались круглыми и удивленно уставились на Ромчика.

— Он еще раньше увидел, что селедка намазана на старой картине, и нам было интересно, что там нарисовано.

— Что?! Да как же вы сюда проникли? Ключ ведь у меня!

— Очень даже просто,— Ромчик сам не понимал, откуда набрался храбрости так дерзко отвечать дяде.— Подходят другие ключи.

— Подходят ключи? Да ведь это же взлом! Как вы посмели? Этот твой Адрианка мошенник! Он шпионил! Это он их направил сюда!.. У меня отобрали, у меня украли... может быть, единственную ценность!..— закричал Ян Савельевич.

— Это у вас не единственная... У вас много ценностей,— сказал Ромчик.

— Что? Что ты говоришь, обормот? — Сожич рванул на себе твердый воротник. Запонка упала на пол и покатилась под стол.

На крик явилась мама Ромчика. Она осталась в дверях, не понимая, что происходит.

— Анна... Анна Михайловна!.. Ваш сын, полюбуйтесь им! Он решил погубить мой дом... Он уже погубил его.

— Я ничего не делал, мама,— мрачно сказал Ромчик. Губы его напряженно сжались.

— Он разорил меня! Он навел на дом людей, которые только и стремятся обобрать других... Вы знаете, что наделал ваш расчудеснейший сын, Анна Михайловна?

— Что же случилось, Ромчик?

— Никого я сюда не наводил! Дядя Ян спрятал знаменитую картину. Он ее замазал. А картину искали и нашли. Вот и все.

— Я ее замазал? Вы слышите, Анна? Да кто бы об этом узнал, если бы... если бы не... Как я ее берег! Может быть, это был, какого, Рембрандт, кто знает? Это был капитал. Я мог бы лишиться всего, но картина спасла бы меня... Она стоила огромных денег... И вот мой племянник своими руками!..

— Эту картину украли у Советской власти,— почти крикнул Ромчик.— Ее нельзя, ее стыдно прятать!

— Что такое? Как он сказал? Анна Михайловна, вы слышите? Украли! Это, может быть, я украл, купив за свои деньги?.. За свои собственные. И не за бумажные миллиарды, а за родные — золотые... Я украл свое собственное имущество! У кого?.. Ай, ай!..— Сожич схватился за сердце.— Какой позор! В доме предатели... в доме доносчики!..

— Ян Савельевич, не надо!.. Успокойтесь! Рома, иди к себе.

— Нет, не успокоюсь. Я его выгоню из моего дома!.. Да, да, вон! Можете убираться. Племянничек! И вы тоже... Столько лет я вас поил и кормил. Я подобрал вас, голодных. Я сам согрел змееныша!..

— Ян Савельевич, перестаньте! Уйди, Рома! — Я не уйду, мама.

— Да, все это так! — вопил вконец разошедшийся Сожич.— Что бы вы делали без меня, когда остались одна, без мужа, без работы?.. Вы бы умерли с голоду вместе с ва-

шим младенцем... Я пригрел вас. Привез сюда... Я кормил вас...

— Ян Савельевич, я у вас работала с первого дня. Ни одного куса хлеба ни я, ни Рома не съели даром. Вы это знаете.

— Работали!.. Подумайте, они работали!.. Да в Советской России сейчас еще сколько угодно безработных. Нашлись бы и без вас. Вы, вы меня обманули. Ай-ай... Решили пустить меня по миру, когда кругом только и расставлены капканы... К черту, я больше не хочу, к черту!..

— Не кричите на мою маму! — Ромчик сжал кулаки. Он раскраснелся. Черные глаза с ненавистью смотрели на дядю. — Вы и так... Вы и так ее замучили.

— Что он сказал?.. Я замучил... Я мучитель?.. Ха-ха-ха... Уходи с моих глаз, маленький мерзавец! — Сожич смешно затопал ногами, но тут уже не выдержала Анна Михайловна.

— Вы не смеее на него топать, не смеее кричать, — произнесла она так тихо и отчетливо, что Ян Савельевич сразу умолк. — Это мой сын и он вырастет таким, каким был его

отец... Это вы нечестный человек, Ян Савельевич... Я все терпела ради сына, но теперь...

— Что? Что?.. Это мне, который... — Сожичу не хватало воздуха.

— О, я знаю, что вы за личность, — не в силах остановиться продолжала Анна Михайловна. — Но я не хочу больше этого знать. И пусть этого не знает мой сын. И не смейте на нас кричать... Спасибо за сочувствие. Я ничего не видела в вашем доме, кроме работы... Достаточно, я больше не хочу быть ни прислужой, ни приживалкой! Мы как-нибудь проживем с Ромой, знайте. И лишь только будет возможность, съедем с вашей квартиры.

— Куда это вы пойдете, что вы умеете делать? Ха-ха!.. — опять ожил Ян Савельевич. — Кому вы нужны, родственница известного эппмана?.. Только я мог вас спасти... Ничего, вернетесь и еще поклонитесь. Все дороги ведут в Рим.

Анна Михайловна покачала головой.

— Я не ваша родственница. Я сестра вашей жены, но никогда не была и не буду вашей родственницей, Ян Савельевич. Пойдем, Рома.

Она взяла его за руку, и они вышли из кабинета. Ян Савельевич издал звук, похожий на свист шарика, из которого выходит воздух, и опустился на затоптанный стул.

Анна Михайловна пошла в свою комнату и там долго и печально смотрела на карточку Роминого отца. Потом она двумя руками пригладила волосы и сказала сыну:

— Он больше не будет на тебя кричать. И на меня тоже. Мы уедем отсюда. Не знаю куда, но уедем. Ты уже большой, не бойся, как-нибудь проживем.

— Я не боюсь, мама, — сказал Рома.

А из кабинета Яна Савельевича было слышно, как он ходил из угла в угол, вероятно, прикидывая и соображая, что предпринять, чтобы выпутаться из неприятнейшей истории, в которую он так неожиданно влип.

С утра Митря явился к Адриану.

— Эй, спящее дитяtko! — крикнула Агафоновна. — По твою душу пришли.

— Кто там еще? — высунувшись из-под простыни, проорал Адриан.

— Не узнать. Франт какой-то.

Зевая на ходу, Адриан в трусиках и майке выскочил на веранду. Митря ждал его в полном блеске. Наглаженные брюки, сияющие ботинки. И футболка в порядке. Не видать, что на локтях протерлась. Рукава завернуты высоко. Даже волосы смочены водой и расчесаны.

— Ты чего это с утра?

— Нам же идти. А вдруг они раньше... Еще пропустим, тогда как узнаем?

— Что же, так до половины третьего и будем там торчать?

Митря задумался. Конечно, он поторопился. Но уж очень не хотелось сидеть ни дома, ни в баньке с голубями. Да и разве можно на голубятне в таком виде? А не надень с утра штанов — мать закроет шкаф на ключ. В старых, что ли, идти?

— Делать все равно нечего, — сказал он.

— Ну и дрыхал бы...

— И спать надоело.

— Может, купаться сходим пока? — Адриан еще раз зевнул.

— Не, купаться не пойду. Еще брюки свистнут.

— Ладно. Сейчас оденусь.

Агафоновна предложила Митре поесть вместе с Адрианом, но тот от завтрака отказался. Митря никогда не ел в чужих домах, сколько бы его ни уговаривали. Хотя не часто у Митри бывало на столе то, чем кормили его приятелей.

Как ни тянули время, а в садик на площади явились в половине второго. Сели на скамейку и стали ждать. День выдался теплый, солнечный, и двери Художественного музея на этот раз были распахнуты на улицу.

Вдруг Адриан толкнул локтем приятеля и прошипел:

— Смотри, Марселин дедушка!

В двух скамейках от них, на повороте аллеи, сидел дедушка Марсельезы и, нацепив на нос пенсне со шнурком, читал газету «Крутовская правда». Мальчиков он, видно, не заметил.

— А чего он тут?

— Кто его знает? Гуляет. Что одному-то дома сидеть?

Ждать пришлось долго. Часов не было, и то Митря, то Адриан бегали на улицу, интересовались временем у каждого, кто проходил мимо. Потом они забеспокоились. А что если все изменилось и сюда никто не придет?

Но тут как раз появился Ян Савельевич. Он появился со стороны площади и стал прохаживаться возле музея. Мальчишки не спускали с него глаз. Через некоторое время послышалось знакомое чихание и рев исполкомовского автомобиля. Он вынырнул из-за угла и, оставляя за собой пыльный хвост, подъехал к музейному крыльцу. Сожич снял шляпу и заулыбался прибывшим.

Из машины выскочил Валентин, а за ним исполкомовский начальник в кожанке. Все трое поднялись по лестнице и исчезли в дверях музея. Усатый шофер остался их ждать.

Марсельезин дедушка тоже обратил внимание на приехавших. Он оставил газету и, сняв пенсне, внимательно смотрел в сторону автомобиля.

Теперь Адриану и Митре ничего не оставалось, как ждать.

Трудно сказать, сколько прошло времени. Но вот на улицу вышел со шляпой в руке Ян Савельевич Сожич. Он был пунцового цвета. Вытащил из кармана платок и принялся вытирать им шею и голову.

— Готово, попался! — воскликнул Адриан.

— Ага, сразу видно!

Сожич надел шляпу и, спрятав платок в карман, быстро пошел по улице. Он как бы убежал подальше от музея. При этом Ян Савельевич разводил руками, будто разговаривал сам с собой.

И тут из дверей вышли остальные. Начальник с портфелем о чем-то разговаривал со студентом, пока шофер крутил заводную ручку. Наконец мотор завелся. Товарищ Залесский кивнул студенту и заспешил в машину. Снова поднялась пыль, и исполкомовский ав-

томобиль, прогремев мимо решетки сада, исчез.

Оставшись на площадке, Валентин посмотрел в сад. Потом спустился по ступенькам и стал пересекать улицу.

Мальчики бросились ему навстречу.

— Мы давно тут ждем! — выпалили они вместе.

— Знаю. Видел.

— Ну что, так и есть? Он прятал? Мы видели, как он побежал.

— Тот самый шедевр оказался?

— Сейчас все узнаете. — Валентин внимательно оглядел мальчишек, таких чистых и подтянутых сегодня.

— Пошли за мной.

Поднялись по ступенькам и вошли в белый маленький вестибюль.

— Ноги вытирайте! — строго приказала старушка в круглых очках, которая вязала чулок у входа в зал, будто у себя дома.

— Они со мной, — сказал Валентин.

— Хоть и с тобой, а пускай вытирают как следует...

Пошаркали ногами о половичок и вслед за студентом пошли по музейным залам. Митря смотрел кругом во все глаза. Его поразило количество картин на стенах. Он тут был впервые. Следуя на цыпочках, миновали несколько залов и отворили двери с надписью: «Дирекция». Прошли еще одну комнату со множеством картин и коридорчик и оказались в заднем помещении.

Их встретил невысокий старичок с бородкой. Серыми и быстрыми глазами он оглядел мальчишек.

— Это и есть крутовские следопыты?

— Да, Николай Афанасьевич. Адриан и Митря.

— Ну что же, юные советские граждане, — сказал старичок, — идемте, посмотрим, что вы там отыскиали.

Он подобрел мальчиков к мольберту, на котором была укреплена картина, завешенная материей. Николай Афанасьевич снял материю.

Адриан и Митря замерли.

Со старого, покрытого сеткой трещин полотна на них смотрел старик в кожаной безрукавке. В правой руке он держал подсвечник с зажженной свечой, левой прикрывал пламя от ветра. Свет падал на его лицо и отбрасывал тень на стену. Будто прислушиваясь к чему-то, старик с хитринкой смотрел на мальчиков. Тускло сияла медь на подсвечнике. На бледных старческих губах чуть заметно жила улыбка. Как будто старик кого-то ждал и поднялся, прислушиваясь к стуку и радуясь, что к нему пришли.

— Как живой... — тихо проговорил Митря.

— Ну и здорово! — сказал Адриан.

Николай Афанасьевич внимательно смотрел на мальчиков. Он был доволен, что картина им нравилась.

— Великий мастер был. Непревзойденный певец света, уважаемые, — отчего-то вздохнув, произнес он.

— Это Рембрандт, да? — тихо спросил Адриан.

— Увы, не совсем, молодые люди... Должен вас огорчить. К сожалению, — копия... Отличная и, наверное, близкая к оригиналу, но... — Николай Афанасьевич развел руками. — Только копия...

— Как же так? — Адриан растерянно переводил взгляд с Валентина на хранителя галереи.

— Да, копия, — повторил тот.

Митря молчал. Он не очень-то понимал, что происходит. Что еще за копия отыскалась? Новое дело!

— Видите ли, молодые люди, — продолжал Николай Афанасьевич, — это, конечно, очень старая копия и отличная, так что тут немудрено было и ошибиться. И не только вашему торговцу галантереей.

— А откуда же вы узнали?

— Николай Афанасьевич по холсту, по краскам определил, — сказал Валентин. — Эта картина написана значительно позже, чем жил Рембрандт.

— И написана, скорее всего, крепостным человеком князя, — добавил хранитель музея.

— Вот это да! Значит, и нэпмана надули? — удивленно воскликнул Митря.

— Как сказать, — Николай Афанасьевич что-то еще высматривал, приблизив глаза к портрету. — Копия эта тоже дорого стоит. Большого дарования был живописец. Да мало ли было непризнанных гениев в крепостной России!

— Значит, копию назад Сожичу отдадите? — заволновался Адриан.

— Надо полагать — купим. Надеюсь, продаст. — Николай Афанасьевич улыбнулся. — И копия великого Рембрандта для нас радость. Да и реставрировать ее нужно, обновить... Чуть не погубили полотно.

— А где же настоящая? Куда же девалась? Хранитель беспомощно развел руками.

— Если бы мы знали!..

— А может, и она у нас в Крутове?

— Не думаю. Но, кто знает...

— Николай Афанасьевич, — обратился к старику Валентин. — Может быть, вы расскажете им...

— Любопытно, да? — хранитель хитро прищурился. — Да рассказывать-то здесь много нечего. Дело в том, уважаемые, что прадед нынешних князей Мещерских был хитрющий старик. Он всегда боялся, что Рембрандта — это была гордость его коллекции — могут у него похитить. Ну и велел своему художнику снять копию. Да и подменил ею в галерее настоящее полотно, а то, подлинное, хранил у себя в спальне. Так у них завещалось из поколения в поколение. Недавно об этом написал в своих записках еще здравствующий ныне в Париже один из князей. Вот и догадывайся, знал управляющий, что оригинал, что копия, или не знал. Но, скорее всего, знал, пройдох.

— Понимаете, — волнуясь, перебил его Валентин, — Антон Макарович, от которого было письмо, и не предполагал, что существует копия.

— М-да, ну вот теперь и гадай, — продолжал Николай Афанасьевич, — где спрятан оригинал. Или его приняли за копию и не сохранили. Возможно, конечно, и обе они были здесь, в Крутове...

— А сколько же она стоит, настоящая-то, если найти? — спросил Митря.

— Нету ей цены.

— Как же нету?

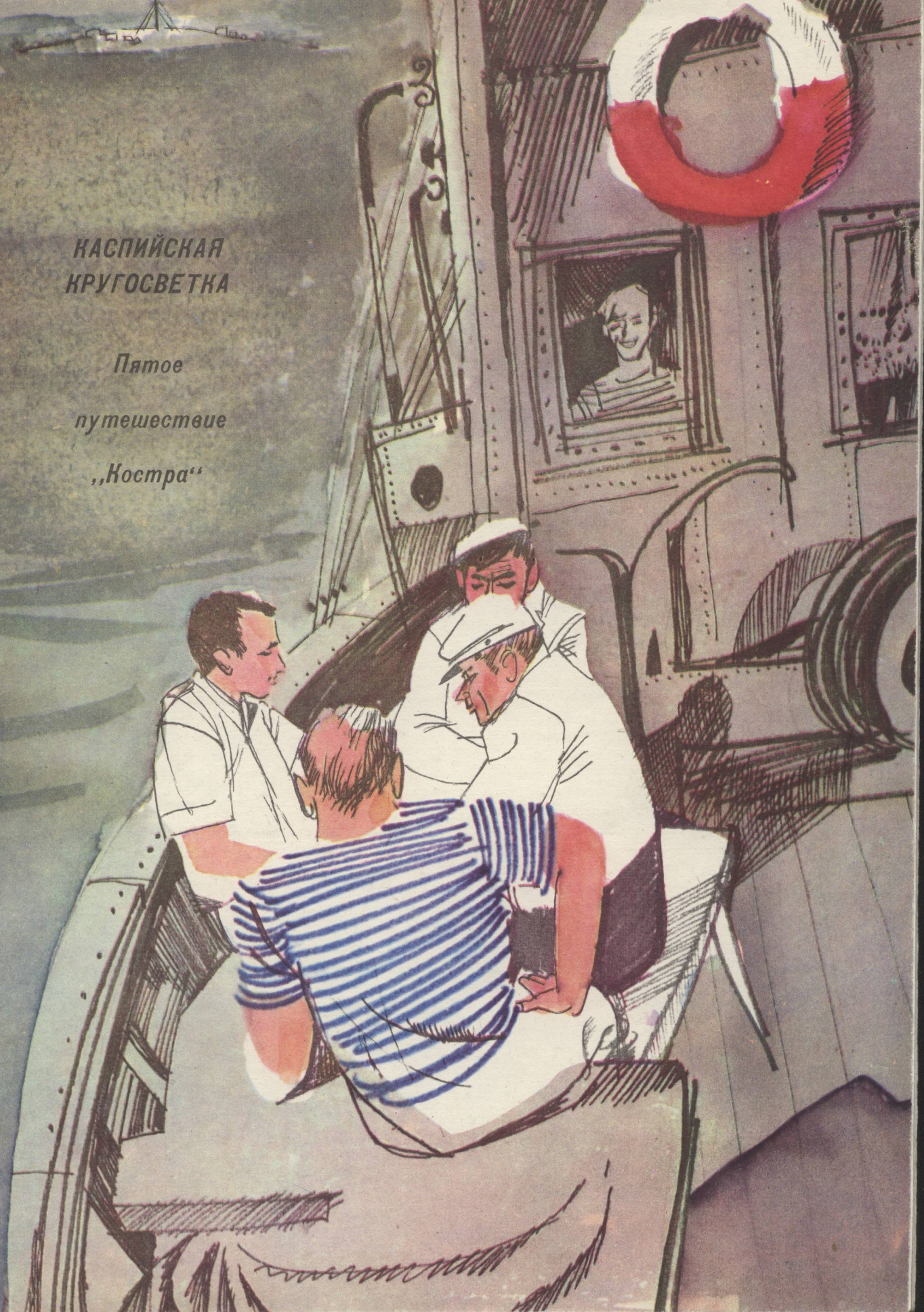
— Неповторимое творение это, милый, так что нету. Ну, а на деньги мерить — дорого, слишком дорого.

Мальчики умолкли.

— Да, так, молодые люди, — заключил хранитель. — Приходите-ка в другой день, я вам много интересного расскажу, а сейчас, извините... — И Николай Афанасьевич принялся снова завешивать картину.

КАСПИЙСКАЯ
КРУГОСВЕТКА

Пятое
путешествие
„Костра“

КАРТА Каспийского моря, по которой мы путешествовали

Астрахань

Турьев

Форт Шевченко

Шевченко

Махачкала
Каспийск

здесь ребята сами строят лодки и яхты и на них выходят в море.

Бакү

Бекдаш

Красноводск

Ленкорань

Астара

здесь нас поймают только здесь, а везде.

здесь мы попали в ипотери, и поймали черепаху, потом долго шли пешком, а потом ехали на мотоцикле, потом на грузовике и еще дальше на автомобиле.

а здесь из моря на берег выскочил большой живой осётр, сам выскочил.

здесь очень много нефти и нефтяных вышек в море

то горы

здесь мы летим из Ленинграда в Бакү

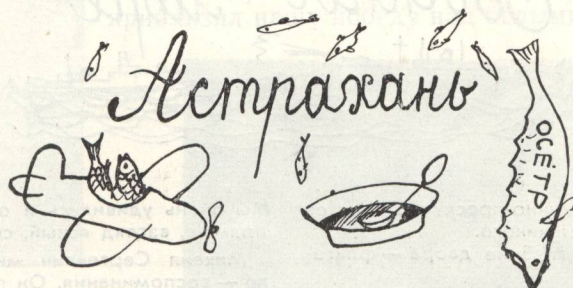
Эта страна — Каспий

«Волга впадает в Каспийское море» — одно дело это знать понаслышке, другое — увидеть сначала с высоты птичьего полета, как выглядит необъятная волжская дельта, а потом и самим побывать и на берегу Каспия, и в устье Волги.

Пятое Большое путешествие «Костра» начинается второй раз, теперь уже на страницах журнала. Маршрут тот же — правый берег «отдан» группе «Восток» — фотокорреспонденту Л. Полякову, сотруднику редакции А. Лосеву и писателю Б. Никольскому. Левобережье — группе «Запад» — художнику С. Острову, журналистке Л. Пожидаевой и писателю И. Дворкину.

Слово путешественникам.

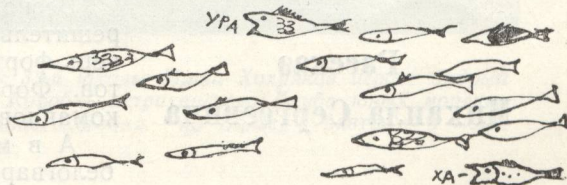
Астрахань — рыбная столица.

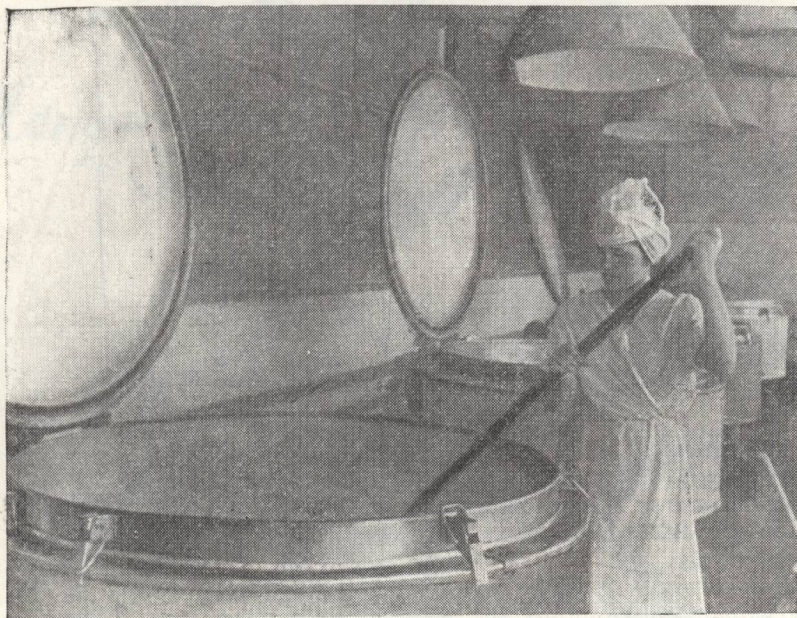
Наверно, в любом городе в магазинах есть банки консервов, начавшие свое путешествие отсюда, из Астрахани. И поэтому первым делом мы направились на рыбоконсервный комбинат.

Кто не знает задач с таким условием: «Из пункта «А» и «Б» навстречу друг другу вышли два путешественника... Где они встретятся?» Нечто подобное происходит и на комбинате.

Из одного цеха отправляется в путешествие килька. Лен-

ты транспортера несут ее от одной работницы к другой. Килька чистится, сортируется, обжаривается. А из другого цеха навстречу ей в это время отправляется сверкающий лист жести. Он мчится от машины к машине, постепенно превращаясь в консервную банку. И,

Вкусную уху варят в Астрахани!

наконец, готово! Сверкающая новенькая банка и килька — встретились. Бац! Банка закрыта, или «закатана», как говорят здесь. Теперь ей остается как следует пропариться в автоклаве, затем опоясаться нарядной этикеткой — и можно отправляться в магазин.

Но не только кильку в томате выпускает комбинат. Еще он выпускает консервы из осетра, рыбные тефтели, котлеты, рыбий жир и даже уху. Настоящую рыбацкую уху: с перчиком, с солью, с лавровым листом. Открывай банку, разогревай и ешь.

Даже из рыбьей чешуи получают жемчужный пат — искусственный жемчуг. Это ценный краситель.

Военное море

На калитке, как водится, надпись: «Осторожно, злая собака». Входим с опаской.

Злая собака приветствует нас радостным лаем и норовит лизнуть руку, да цепочка мешает. Еще бы — дом большой, на несколько семей, но все ушли на работу, и злой собаке скучно-прескучно. Мы ее понимаем, но досадуем, что нет никого.

Дом пуст. И двор пуст. А в глубине двора — флигелек-пристроечка.

Тук-тук!

— Войдите!

Входим — ну, точно не со двора шагнули, а с палубы, и не во флигелек, а в каюту.

Отчего такое впечатление?

Дело не в том, что на стене на плечиках аккуратно висит морской китель, на полке лежат морские книги. Главное — строгая чистота, продуманное размещение необходимых вещей на малом пространстве, порядок, какой умеют наводить только моряки.

Вот бы нам так научиться!

Мы знаем, что Михаил Сергеевич Рождественский пришел на флот пятьдесят два года назад и, стало быть, жизнь прожил он нелегкую, полную тяжелых трудов и дальних походов.

Мы очень удивились и обрадовались, что плечи у него прямые, взгляд ясный, седины почти нет.

Михаил Сергеевич много работает. Главное его дело — воспоминания. Он пишет воспоминания о героических днях Волжско-Каспийской флотилии. Это будут ценные воспоминания.

Потому что Михаил Сергеевич служил старшим телеграфистом на флагмане флотилии — миноносце «Карл Либкнехт».

Потому что память у Михаила Сергеевича крепкая.

Потому что все годы службы на флоте Михаил Сергеевич вел подробные дневники.

Вести дневник — очень полезная привычка.

Рассказ

Михаила Сергеевича

Весной 1919 года моряки Волжско-Каспийской флотилии решительным ударом выбили из форта Александровского (теперь форт Шевченко) белогвардейцев и английских интервентов. Форт был захвачен так быстро, что белогвардейское командование ни в Баку, ни в Зауралье об этом не узнало.

А в мае 1919 года радисты форта перехватили рацию с белогвардейского парохода «Президент Крюгер». Так удалось

узнать, что «Президент Крюгер» сопровождает судно «Лейла», рейсу которого придается большое значение.

Наш «Карл Либкнехт» получил приказ настигнуть «Лейлу», — она шла на северо-восток Каспия, к районам, еще находившимся под властью белого адмирала Колчака.

«Карл Либкнехт» навел на «Лейлу» свои орудия. Но стрелять красные моряки не стали. Ведь на вражеском корабле свои же, братья-матросы, обманутые или запуганные офицером. Флажками просигналили: «Остановить машины».

И верно — команда «Лейлы» не хотела погибать из-за своих золотопогонных пассажиров. Судно остановилось.

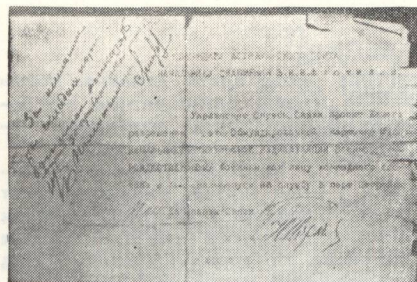
Но на «Лейле» были белогвардейцы, — они-то не собирались сдаваться без боя. Поэтому не успели наши моряки ступить на вражескую палубу, как загрели выстрелы. Это отстреливался из салона генерал Гришин-Алмазов, матерый царский служака, бывший генерал-губернатор Одессы. И лишь поняв, что игра проиграна, он пустил себе пулю в лоб.

Красные моряки понимали, что такая важная персона как Гришин-Алмазов просто не отправится в рискованное путешествие через немирный Каспий.

Действительно, Гришин-Алмазов направлялся в Гурьев с секретными документами для переговоров о совместных действиях генерала Деникина и адмирала Колчака. При обыске на «Лейле» нашли драгоценную икону, которую деникинцы посылали колчаковцам, и подробнейшие сведения о состоянии и планах деникинских войск.

Секретные документы сослужили красному командованию

хорошую службу. Кто знает, насколько смелый поход миноносца «Карл Либкнехт» в то свежее майское утро 1919 года приблизил нашу победу над белыми!

Белые генералы, вроде Гришина-Алмазова, презрительно называли красноармейцев «босоногой командой». Этот случайно сохранившийся у Михаила Сергеевича документ — свидетельство суровых лет. На заявлении с просьбой выдать товарищу Рождественскому ботинки начальник порта вынужден был написать: «Отказать...» Не хватало на красноармейских складах ботинок и гимнастерок. Но это не мешало солдатам и матросам революции побеждать.

Таким был Михаил Сергеевич
в 1919 году

Четвероклассник 33-й школы Миша Хохряков играет бодрый морской марш. Корабль астраханского Клуба юных моряков уходит в плавание. Сегодня — по Волге, а завтра — в море.

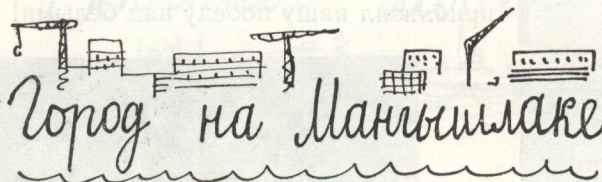

«Тут кирпич и то шестидесяти видов, — говорит бригадир каменщиков-реставраторов астраханского кремля Владимир Дмитриевич Студеникин. — Каждый вид свое название имеет: «сухарь», «гусь»... А Успенский собор в кремле построил крепостной архитектор Дорофей Мякишев. Видали, какие своды навел!»

И Владимир Дмитриевич даже подпрыгнул раза два, чтобы показать, какие крепкие своды.

...Человек долго не был в этих суровых местах. Но он хорошо помнил, как жгучий ветер носит пыль и песок по ровным плоскогорьям Мангышлака, как пенятся волны Каспия у неприступных берегов полуострова, как бьются они о камни у подножия Актау — белой горы, крутым уступом обрывающейся к морю...

Человек все чаще и чаще выходил на палубу катера. Но еще только начинало рассветать — сколько он ни всматривался, ничего не было вид-

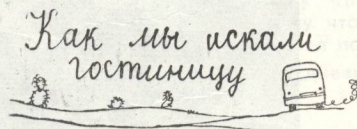
но. Лишь запах моря, запах прибрежных гниющих водорослей доносил теплый ветер...

Когда же рассвело, человек вдруг увидел на берегу город, освещенный солнцем. Многоэтажные легкие дома поднимались над морем. Зеле-

нели вдали деревья. Мелькали разноцветные автобусы. Стрелы подъемных кранов тянулись в небо.

Неужели мираж? Чудесная сказка, которая дразнит людей в пустыне? Человек зажмурил глаза и открыл их снова. Но город не исчез, город по-прежнему стоял над морем.

...Вот такую историю — полуправдивую-полуфантастическую — мы услышали, перед тем как отправиться в город Шевченко — один из самых юных городов нашей страны.

Город этот и правда был, словно мираж — настолько неожиданным, невероятным казался он среди раскаленной пустыни. Только что мы летели на самолете над безлюдной желто-серой равниной. Вся эта равнина была пересечена, переполосована узкими пустынными дорогами и тропинками — ни человека, ни повозки, ни машины. Отсюда, сверху, из самолета, эти тропинки казались таинственными, как марсианские каналы. Только что мы ехали в авто-

бусе жаркой пыльной дорогой с редкими высохшими шарами колючек по обочине, а теперь...

А теперь мы шагали по современному городу мимо легких домов с разноцветными крытыми галереями. Мимо зеленых газонов. Мимо бассейнов, где плескались ребяташки. Мимо веселых детских площадок. Мимо теннисных кортов.

— Простите, как пройти к гостинице?

— Идите прямо к морю, потом свернете налево, увидите зеленое здание...

Город, и правда, был цветной. Яркий, нарядный, удивительный город. Среди розовых, желтых, голубых домов мы легко отыскали светло-зеленую гостиницу...

Зато когда отправились искать горком партии, чуть не перессорились.

— Не может быть, — решительно заявил наш товарищ-скептик, — кругом много больших красивых домов. Не может быть, чтобы горком помещался в таком неказистом домике.

— Может! — сердито возразил са-

мый серьезный путешественник, потому что он и сам, честно говоря, начинал сомневаться.

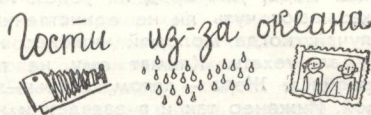
Но горком, и правда, размещался в этом одноэтажном здании — одном из первых каменных домов города.

— У нас здесь такое правило, — с гордостью объяснили нам местные старожили. — Сначала хорошее жилье людям, а потом уж можно позаботиться об административных зданиях.

Что ж, неплохой принцип!

Недавно в город Шевченко приезжали зарубежные гости. Приезжали американцы. Фотоаппарат одного американца поверг в восхищенное изумление многих шевченковских мальчишек. Американец щелкал своим аппаратом и тут же, спустя считанные минуты, вынимал готовую цветную фотографию. Говорят, что американец тут же раздавал эти фотокарточки, смеялся и похлопывал ладонью по фотоаппарату — возможно, этим жестом он хотел сказать: «Вот какие замечательные вещи делают в Америке!»

И все-таки гости из-за океана

приезжали на Мангышлак вовсе не затем, чтобы похвастаться перед местными мальчишками удивительным фотоаппаратом.

Приезжали они для того, чтобы познакомиться в городе Шевченко с работой опреснителя. Давно уже над проблемой превращения морской воды в пресную ломают головы ученые и инженеры во всем ми-

ре. Проблема эта совсем не простая, как может показаться на первый взгляд. Казалось бы, нагрей соленую морскую воду, преврати ее в пар, затем охлади — вот и чистая дистиллированная вода. Так-то оно так, но беда в том, что соль быстро засоряет трубы, оседает на стенках и установка скоро приходит в негодность. А сколько еще других сложностей. И все-таки советские инженеры построили опреснитель, который работает долго и надежно.

...Вечером в гостинице мы слышали за окном ровное журчание воды. Это поливали цветы.

Знаете ли вы, что у деревьев тоже есть своя школа? Что деревья даже могут «переходить» из одной школы в другую? Я, например, не знал этого. Не знал, пока не познакомился с Алисой Алексеевной Пневой, инженером участка озеленения. Работает она в питомнике, где выращивают саженцы. Говорят, что Алиса Алексеевна сейчас самый популярный человек в городе, во всяком случае, все корреспонденты, которые бывают здесь, обязательно хотят встретиться и поговорить с ней. И, конечно, в этом нет ничего удивительного. Ведь вырастить дерево на земле Мангышлака не так-то просто. А теперь каждый год на улицы города высаживают не десятки, даже не сотни, а тысячи кустов и деревьев. Но прежде чем начать самостоятельную жизнь в городе, деревья «воспитываются» в питомнике.

Даже не верится, что вот эта крохотная нежная травка, густо выбившаяся из-под земли — будущая рожа карагача.

— Да, да, — говорит Алиса Алек-

сеевна, — это у нас посевное отделение. Видите, как густо вззошли. Немного подрастут, — мы их высаживаем пореже, это и есть школа... А потом уже — в город...

Мы идем по питомнику, и Алиса Алексеевна — совсем как учительница о своих учениках — то радостно, то огорченно рассказывает о деревьях:

— Вот тополь Болле — молодец, хорошо приживается... Обратите внимание, какой красивый у него лист...

— С гледелией мучаемся... Пока растет в питомнике, все в порядке, как высадим в город, гибнет...

— Вяз горит в июне, листву сбрасывает...

— Лох узколистый — хорош... Хорош!

— Ясень чарынский в этом году отлично себя показал. Два года не давал прироста, а тут пошел, пошел... Скоро будем уже в город высаживать...

...Акация, вишня, абрикос, тамариск, ива, туя, розы — обо всем богатстве питомника и не расскажешь.

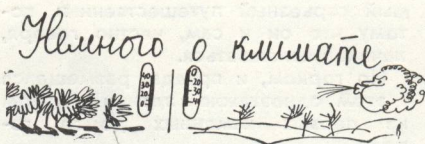

Этот юный пассажир привлекал всеобщее внимание. Сайгачонок неплохо чувствовал себя в коробке из-под пива и терпеливо ждал, когда самолет перенесет его через Каспий, к новому дому.

Шевченко — город нефтяников и строителей. На Мангышлаке ищут нефть. На Мангышлаке добывают нефть. На Мангышлаке входит в строй первая железная дорога.

А начиналось все с палаток.

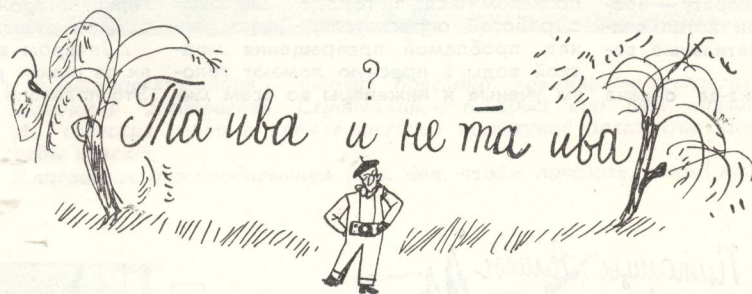
— Старожилы рассказывают, — говорит нам молодой инженер Геннадий Шмаков и вздыхает — он явно завидует старожилам, — когда жили еще в палатках, недалеко от моря пробурили скважину, оттуда стала бить горячая соленая вода, градусы этак под шестьдесят. Ее набирали в бочки, устроили баню. Первая баня в городе — и топить не нужно. Говорят, и фаланги тогда не редко забирались в палатки. А теперь вот я уже больше года живу здесь и ни одной фаланги не видел. Скорпиона один раз видел, когда в район ездил, а фаланги нет...

Теперь жители Шевченко гордятся своим городом ничуть не меньше, чем ленинградцы Ленинградом или одесситы Одессой. Тот, кто приехал сюда, уже вряд ли уедет. Рассказывают чуть ли не единственный случай, когда молодой инженер надумал уехать. Климат ему не понравился. Жара — летом, ветры — зимой. Инженер так и в заявлении написал: «Прошу меня уволить, так как мне не подходит здешний климат». И отнес это заявление своему начальнику. А начальник написал резолюцию: «Аклиматизироваться». Конечно, это была шутка, но на-

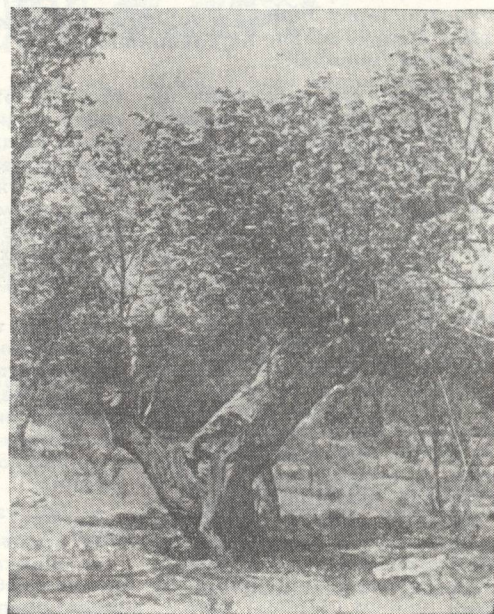
чальник отлично знал, поживет человек в Шевченко немного подольше, и уж никогда не захочет расстаться с этим городом. Так и получилось. Инженер остался в городе и больше не вспоминал о своем заявлении.

Наша последняя встреча с Мангышлаком произошла уже в Ленинграде. И произошла как раз в день возвращения из командировки. Мы ехали из аэропорта, и вдруг автобус остановился, пропуская колонну юношей и девушек, одетых в одинаковую светло-зеленую форму. С песней они шагали к вокзалу. «Студенты, — сказал кто-то в автобусе, — Едут на стройку». Над колонной трепетали на ветру самодельные плакаты: «Нам не страшна жара!», «Даешь Мангышлак!»

Форт Шевченко, где некогда томился бессмертный юбзарь, ныне поселок-музей.

Мы захотели сфотографировать знаменитую шевченковскую иву. Подошли к дереву, обнесенному оградой с табличкой. Прицелились. «Эй, ходи сюда!» — крикнула девочка с зонтиком.

И она провела нас в другой уголок сада. Оказывается, недавно сотрудники музея установили, что Тарас Григорьевич посадил не ту иву, а эту. По возрасту дерева установили.

Залив сокровищ

Кто читал повесть К. Паустовского «Кара-Бугаз», поднимите руку!

Опустите.

Все равно вам будет интересно.

За тридцать пять лет все переменялось.

Во-первых, изменилось название залива. Он теперь называется не Кара-Бугаз, а Кара-Богаз-Гол, так правильнее по-туркменски.

Во-вторых, изменилась площадь залива. Каспий за эти годы обмелел, сократился вток воды в Кара-Богаз-Гол через узкую горловину пролива, и знаменитый залив подсох на шесть тысяч квадратных километров площади — миллиарды тонн различных солей выпали в осадок.

В-третьих... Залив, о значении которого для нашей страны говорил Владимир Ильич Ленин, стал еще во много раз нужнее. Как считают ученые, в водах Кара-Богаз-Гола (если только можно назвать водами крепчайшие соляные растворы!) растворена чуть ли не вся таблица Менделеева, во всяком случае, ценнейшая ее часть.

Птицы облетают залив стороной из-за его едких испарений.

Химики Кара-Богаз-Гол тянет, как магнитом.

Замечательные вещества — кальцинированную соду, серную кислоту, серу, едкий натр, сульфит, гипосульфит, йод, бром — здесь, как го-

ворится, гребь лопатой. Еще лет сорок назад, спроси химика, для чего нужны эти вещества, он начал бы в ответ нескончаемый список: для производства бумаги, стекла, кожи, лекарств, фотохимикалиев...

Сейчас бумагу, стекло и прочее химики в этом списке немного отодвинули.

Прежде всего теперь — производство синтетического волокна, различных пластмасс, замечательных удобрений, гербицидов, уничтожающих сорняки, инсектицидов, уничтожающих вредных насекомых, веществ, убыстряющих рост...

И прибавьте еще столь же бесконечный старый список.

Неспроста американцы несколько раз просили советское правительство продать им хотя бы на время наш залив сокровищ. Но Кара-Богаз-Гол — достояние советского народа.

Был такой случай.

Как-то, еще в тридцатые годы, представитель Кара-Богаз-Гола приехал к народному комиссару Сергею Орджоникидзе. Во время беседы к наркомому зашел директор только что построенного в Ленинграде радиозавода:

— Вот, товарищ нарком, по рокам.

Серго поблагодарил, погладил лакированные бока новорожденного приемника.

— Спасибо, дорогой, но ты мне его не дари, — сказал он директору. — Ты вон кому подари!

И он указал на загорелого кара-богазгольца.

— Они для всей страны в пустыне трудятся, и вся страна должна заботиться о них.

Так появился на берегах далекого залива первый радиоприемник...

Константин Георгиевич Паустовский в конце своей документальной повести рассказал о мечте одной девушки, приехавшей работать на Кара-Бугаз. Она мечтала о том, что к этим диким берегам придут корабли, вблизи причалов зашумят деревья, будет не только вдоволь пресной воды, но даже лимонад!

Какой далекой казалась эта мечта...

Мы идем по поселку Бекдаш, что к северу от залива.

Никого не удивляющие приемники гремят из окон хороших городских домов.

В парке гуляют бекдашцы. Среди них и старожил этих мест инженер Порет, недавно заказавший в Баку еще тринадцать тысяч саженцев — деревьев для поселка.

На пляже — смех и плеск воды.

Кто знает — может, вот эта девушка — дочь той, мечтательницы...

Красноводск

У каждого города есть своя слава: Алма-Ата славится яблоками, Верхоянск — морозами, Тула — самоварами.

А Красноводск — отсутствием воды.

Стоило нам сказать, что мы летим в Красноводск, как сразу в ответ раздавалось:

— А-а... Красноводск... Там же нет воды...

Нет воды?! Будто в Красноводске нет ни огромного нефтеперегонного

завода, ни институтов, ни музеев...

Вода, и все... Такая уж прилипчивая вещь — эта слава...

В первый же день, как только мы прилетели в Красноводск, мы узнали, что вода подается здесь не каждый день, что воду здесь запасают.

В первый же день на улице мы увидели маленький павильон, где продавалась газированная вода. Павильон назывался «Мечта». Возле него стояли люди с бидонами. Они

покупали газированную воду без сиропа.

И в этот же первый день, стоя в очереди за газированной водой, мы прочли в газете «Правда» маленькую заметку: совсем недавно в пустыне ученые открыли подземное озеро и теперь разрабатывается проект водопровода от озера до Красноводска. Так что скоро, наверно, Красноводску придется распрощаться со своей славой самого безводного города...

Жак
Паганель

Шерлок
Холмс

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Разбирая фотоархив «Каспийской кругосветки», я натолкнулся на несколько фотоснимков загадочного свойства. Фотограф, сделавший снимки, успел отбыть в новое путешествие, а его краткие пояснения на обороте оказались неразборчивы.

Направляя Вам на экспертизу пакет с загадочными фотографиями, льщу себя надеждой в скором времени получить ответ, достойный Ваших блистательных талантов.

Преданный Вам
Вес. Архивариус

Приложение: снимки, подписи и мои комментарии.

1. Подпись: «Славно трудится на уборке... (неразборчиво). Не понимаю, как, путешествуя летом, в знойной пустыне, фотограф ухитрился снять пейзаж со снегом?»

2. Подпись: «Межконтинентальный... (неразборчиво)».

Межконтинентальный снаряд, что ли?

№ 3, 4 — без подписи.

Пронумеровано по отдельности, а изображено одно и то же!

Жак Паганель
Большого архивариуса

В архив пятого путешествия «Костра»
«Каспийская кругосветка»

ПОЯСНЕНИЕ

В ответ на Ваш запрос сообщаем.

Подвергнув присланные Вами фотографии детальному географическому, историческому, химическому и гастрономическому анализу, мы неопровержимо установили следующее.

Фото № 1. Изображен новый мост через реку Урал в городе Гурьеве. Подпись: «Межконтинентальный мост». Вспомните: ведь на правом берегу реки Урал — Европа, на левом — Азия.

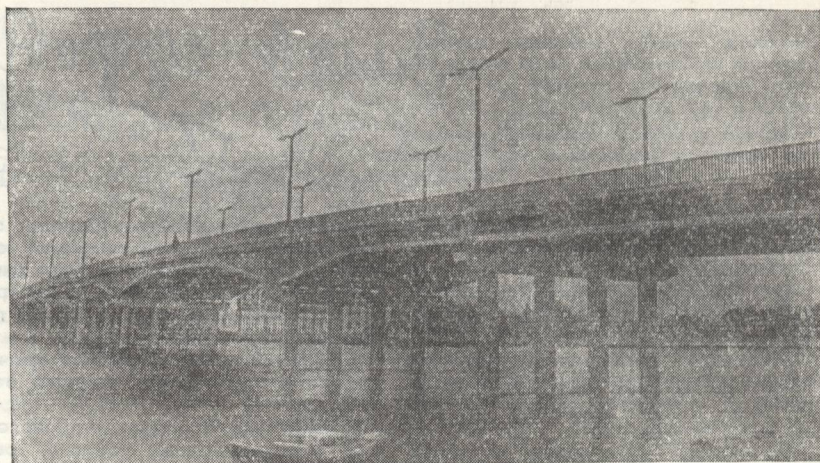

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото № 2. Изображено не снежное поле. Здесь снято сухое озеро № 6 треста «Карабогазсульфат». То, что вы приняли за снег, ценнейшее химическое вещество — мирабилит. Подпись следует читать: «Славно трудится на уборке мирабилита машинист уборочной машины Калмука Сарсинбеков».

Вы ошибаетесь, полагая, что фото № 3 и № 4 идентичны. Общее между ними то, что изображенным и на

том и на другом фото славится город Гурьев.

Фото № 3. Зернистая черная икра (белужья, севрюжья или осетровая нам пока установить не удалось)

Фото № 4. Всем известный полиэтилен в виде полуфабриката. Продукция гурьевского химзавода.

С глубоким уважением
Жак Паганель
Шерлок Холмс

Ветер с моря. Ни на какой другой ветер непохожий. Порывистый, ураганный. Море рядом. Точнее сказать, где-то рядом, потому что хоть и стоит Баку на берегу моря, но мы, исколесив город, Каспия еще не видели.

Новый заводской район города. С улицами, светлыми домами. И все это на фоне серебристых цистерн нефтехранилищ.

Подходим к стадиону. Здесь шестиклассники, и семиклассники, и постарше гоняют мяч. Все в трусах и в майках, все одинаково загорелые.

Мы явно помешали игре. Футболисты обступили нас. Расспрашиваем, откуда они, как пройти к школе. В ответ только и слышим: «НБНЗ» да «НБНЗ». Может, это название неизвестной нам футбольной команды?

Оказывается, это Новобакинский нефтеперерабатывающий завод — шефы соседней 22 школы.

...Не было при школе стадиона. И даже приличного двора не было. Устроили шефы воскресник. Ребята не отставали от взрослых: ведь не просто старшие работали, а собственные бабушки, дедушки, папы и мамы.

«Стадион обыкновенный», — так могут сказать те, кто не строил его. Что особенного, скажут, есть место для волейбола, для футбола, для бега, для прыжков в высоту и длину. Но те, кто строил, считают стадион великолепным. И шефы с ними согласны. И часто интересуются: «Что там сегодня на нашем стадионе?», хотя у самих есть еще один, при заводе.

Дома у ребят тоже говорят о заводе. У кого мама, у кого отец

с НБНЗ. Вожатые так все оттуда. В 6 «б» Фетида Садыгадзе вожатая, заводская лаборантка. Она помогала устроить выставку в

школе, чтобы показать наглядно весь заводской процесс. Уже на стендах — пробирки с апшеронской нефтью, той самой, что привозят на завод как сырье.

Поодаль — пробирки с продуктами перегонки — со всем тем, что на заводе получают из нефти.

Нет-нет да и остановится кто-нибудь перед «нефтяной выставкой». То ли своей работой залюбуется, то ли о будущем задумается. Ведь после школы — на НБНЗ. Где же еще может быть так интересно?

В альбоме 5 «г» написано: «НАШ завод — одно из лучших предприятий. Хотя НАШЕМУ заводу еще очень мало лет, о нем знает вся страна, и даже за рубежом...»

В другой бакинской школе, в 165-й, мы познакомились с почти всамделишными пограничниками, танкистами и летчиками. Вы, конечно, понимаете, что это отряды с председателями, со своим гимном, с собственной стенгазетой.

КАСПИЙСКИЙ ДОЗОР

Над Каспием, над Каспием
На страже моряки.
Глядят во тьму глазастые
Стальные маяки.
Девчонки, до свидания!
Сквозь штормы и ветра
Все дальше на задание
Уходят катера.

Припев:

Отнеси, родное море,
Наш большой привет Баку!
Мы на вахте.
Мы в дозоре.
Днем и ночью начеку!

Задание обычное,
Привычное для нас.
У юных пограничников
Наметан зоркий глаз.
Ни под волной, ни над волной
Врагу не проскользнуть.
А если что — ему на дно
Прямой укажем путь.

Припев.

Согласны ли вы, ребята из 5 «а»,
считать песню «Каспийский дозор»
своей?

Рачик Амирян из 5 «а» класса:

«У нас в классе у одного мальчика отец капитан. Он помог нам провести интересный сбор. И даже настоящий военный моряк пришел к нам.

Хороший это был день! Мы столько узнали о торпедах, о морях и морях, о службе на морской границе, что больше никто ни о чем думать не мог. И назвали мы себя «морскими пограничниками».

В своей газете мы рисуем морские флаги всех стран».

Мальчик самого маленького роста и с самым тихим голосом ничего не рассказал, встал и неожиданно громко запел.

Потом смутился, и мы так и не узнали, что это была за песня.

Слово взяла Лена Нещеретная, член штаба дружины и полноправный морской пограничник: «А у нас нет своей песни, мы поем общую, дружинную...»

Вернувшись в Ленинград, мы попросили поэтов выручить морских пограничников. Поэт Вольт Суслов написал текст песни.

Приехали мы на Каспий, а видели море только с самолета, с берега, все издали. Скорее, скорее в море!

«Выяснилось, что мы — сами виноваты. Мы было возмутились, стали оправдываться, но, поразмыслив, притихли и смиренно принесли извинения...»

(Из дневника путешествия)

А вышло так. Позвонили капитану В. С. Семенову, попросились в море.

— Хорошо, — сказал Василий Семенович, — помогу. Позвоните через некоторое время...

В нашем сухопутном понятии «некоторое время» для непредусмотренной отправки судна в море, — это два-три дня. Мы занялись дру-

гими неотложными делами. Отправились в Центральный комитет ЛКСМ Азербайджана, побывали в школе и в пионерском лагере. И если позвонили Семенову в полдень следующего дня, то было это чистой случайностью.

И вот тут-то выяснилось, что мы распоследние разгильдяи.

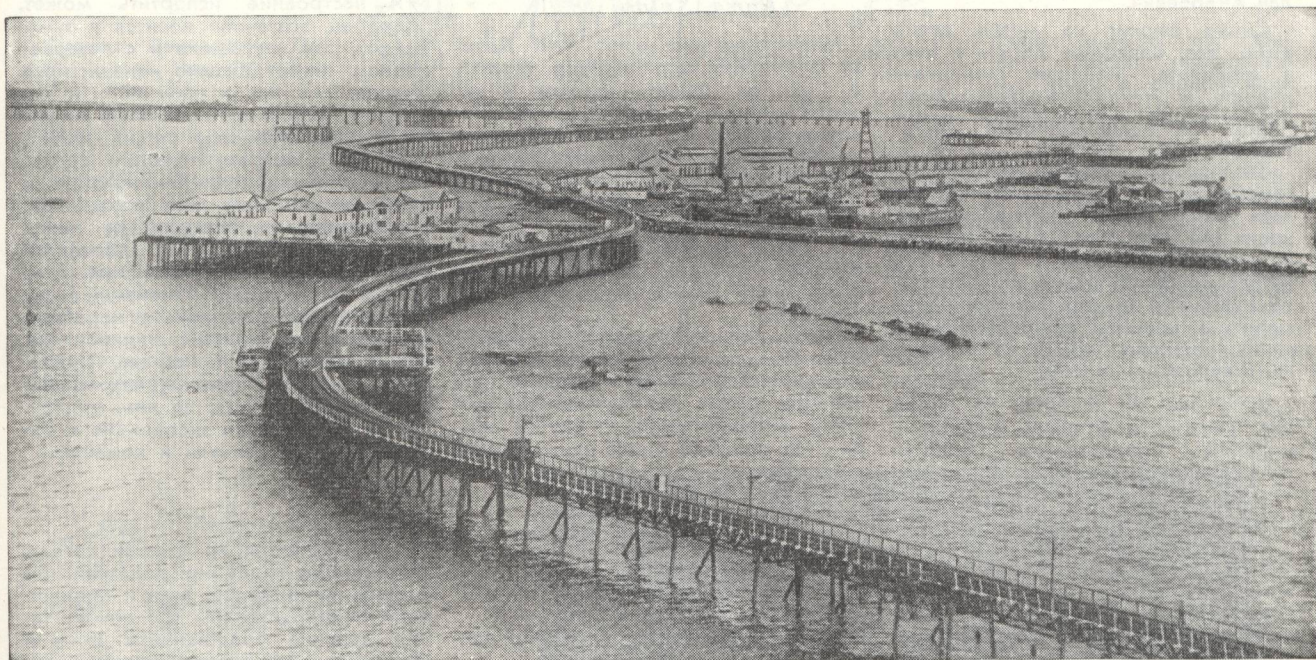
Оказалось, что гидрографическое судно со всем экипажем было готово через час после нашего первого

звонка и вот уже целые сутки ждётся корреспондентов.

Что могло хоть как-то оправдать нас? Быстрые сборы. И верно, через полчаса мы уже были на борту бота, запыхавшиеся, пристыженные. Встретил нас Николай Андреевич Дьячко, капитан третьего ранга, работник гидрографической службы, наш строгий друг и отныне... «ангел-хранитель» (мы уверяем, что такие еще не перевелись...)

Черный приземистый работяга-бот, прилежно поднимая маслянистые серые волны, двинулся из гавани туда, вперед, где волны голубые, где и маяки, и нефтяные вышки, и эстакады.

Курс лежал на остров Свиной.

Деревянная дорога в море — эстакада. По ней снуют машины — туда и обратно.

Почему он называется Свиной, никто не знает. Свиней на острове никогда не водилось и кабанов тоже. А очертаниями он напоминает грушу...

Когда через восемь часов мы подходили к Свиному, на судне уже царил дружба и взаимопонимание. Нас простили.

Наш бот — одно из трех суденышек, обслуживающих многочисленные маяки Каспия. Гидрографы делают промеры дна, оконтуривают мели, следят за изменением судовых фарватеров.

Работы хватает, потому что Каспий прихотлив, капризен, буен. Здесь не бывает штилей. Нормальный ветер 3—6 баллов. Часто — больше.

Что поражает посторонний взгляд — удивительная слаженность экипажа. Никто не командует, не приказывает. Каждый делает свое дело сам — быстро и на совесть.

Николая Андреевича в шутку называют на боте «комиссаром Каспия».

Чувствуется, что Николай Андреевич свой, близкий команде человек. Возможно, разгадка этого в биографии замполита. Он всю войну был на флоте, сражался и в морской пехоте. Был ранен под Невской Дубровкой. Окончил войну двадцатидвухлетним капитан-лейтенантом. Демобилизовался. Пошел работать на судоремонтный завод слесарем. Несколько лет отличной работы, — его выбирают в партком. Потом он — освобожденный парторг завода.

Когда снова предложили надеть форму, не смог отказаться, вся жизнь была связана с морем.

И вот теперь капитан третьего ранга Дьячко всю навигацию ходит

от маяка к маяку, от экспедиции к экспедиции, беседует с людьми, помогает, хвалит, поругивает — мы уже знаем, как это получается у него, — разбирает жалобы. В общем, делает

все, чтобы большой и сложный механизм гидрографической службы работал безукоризненно. А от этой службы зависит безопасность всех плавающих по Каспию.

...Когда бот пришвартовался к пирсу, там уже стояло все население острова. Начальник маяка, большой неторопливый человек с глубоким шрамом над правой бровью — по жизненной отметиной войны. Его жена — техник на маяке. Сестра жены тоже работает на острове. Семейственность? Нет. Когда до ближайшего населенного пункта двести километров, и шторма, и туманы, и одиночество, а вокруг — вода, — это уже не семейственность, а укрепление кадров, — объяснил нам Николай Андреевич.

Семья служит на маяке двенадцать лет. Взрослые дети — в Баку, в интернате. Младший сынишка — радость и утеха всего острова. Здесь это истинный стопроцентный островитянин.

Казалось бы, остров, ни тебе автомобилей, ни трамваев, — благодать для родителей, сын в безопасности. Ан нет. Мало того, что этот пятилетний человечек с ранней весны до глубокой осени не вылезает из воды, так он еще приспособился нырять в кратеры действующих вулканов, которых полно на острове. Но о вулканах — потом.

Итак, мы на острове, на маяке, том самом, о котором в лоции — морском путеводителе выпуска

Они небольшие. Самый высокий метра три. Все как у приличных, всамделишных — конус, потеки, кратер, жерло. Только вместо раскаленной лавы — пульпа, разжиженная земля. Это грязевые вулканы. Где-то под нами, наверное, не очень глубоко, подземные резервуары природного газа. Газ, пробиваясь сквозь землю и воду, вырывается с всхлипом через игрушечные кратеры, выплескивает теплую грязь. Впрочем, не такие уж эти вулканы игрушечные: весь остров — их работа. Он медленно, но неуклонно растет.

Если при очередном всхлипывании поднести к вулкану спичку,

1876 года, написано, что его только собираются строить.

На маяке бронзовая табличка.

*Henry Lepaute
Paris. Svinov 1890*

Маяк-парижанин — вот как! Далеко забросила судьба этого франта. А что он франт — щеголь и чистюля — видно с первого взгляда. Заходим внутрь. Да как же туда, в это святилище чистоты, ступить нашими пыльными сапогами! Все блестит, все вымыто, надраено, отполировано. Все триста ступенек сияют!

А уж в башню, где стоит святая святых — фонарь в блистающей хрустальной броне линз, и войти-то страшно.

Маяк — это не только башня и фонарь. Это сложное хозяйство со своей электрической подстанцией, с машинным залом, где заряжаются десятки аккумуляторов на случай аварии. На свечение маяка ничто влиять

не должно — выйдет из строя движок — подключаются аккумуляторы, откажут аккумуляторы — вспыхнет ацетиленовая горелка запасного фонаря.

Круглые сутки несут вахту дежурные. Во время тумана включают наутелефон, мощный ревун.

Говорят, когда начинает реветь наутелефон, больше всех недоволен трехлетний жеребец «Черт», «Чертяка», «Чертушка», как называют его в зависимости от настроения островитяне.

А настроение испортить может. Жеребец осатанело носится в тумане под рев наутелефона и с остервенением лягает башню ненавистного ревуна.

Мало того, Черт личность хитрая и ленивая. Работать он не любит. А когда к острову подходит судно, работать надо, помогать сгружать и отвозить с пирса в гору механизмы, стройматериалы, воду. Вода здесь драгоценность, хранят ее в большой белой цистерне. Все это Черт прекрасно понимает. И поэтому стоит вблизи острова появиться кораблю, как Черт, задрав хвост, удирает на самый дальний мыс острова. Только его и видели. И тогда, чертыхаясь и проклиная лентяя, за ним отправляется карательная экспедиция в составе всех островитян и команды.

вспыхивает рыжее с голубизной пламя и тут же гаснет...

Шустрый островитянин Витька хоть и получал неоднократно трепки и выволочки, обожает прыгать в теплый кратер, а потом прокатиться по скользкому и мокрому земляному склону, грязный, как сто трубочистов. Благо, море рядом — бултых в него и отмылся. Только темное пятно медленно расплывается в голубой воде...

Вулканы, однако, не так безобид-

мы, как кажутся на первый взгляд. В тридцатых годах они доказали, что с ними шутки плохи. Хоть и щедрые на вид, вулканы все же не такие дальние родственники Этны и Фудзиямы. Эти карлики яростно взорвались. Через остров прокатилась волна горячей, сметающей все на пути, засасывающей жижи и волна огня.

Погибло все население острова. Спасся только смотритель маяка Макаров. Спасся, мужественно отстаивая маяк и его сердце — фонарь и линзы — от пожара.

Маяк выстоял. Огонь и горячая грязь не добрались до него.

Имя Макарова помнит весь Каспий.

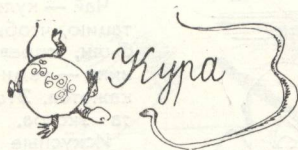
Мы плывем на кулазе — плоскодонной шестерке с мотором.

А вокруг — чудеса.

Вода желтая, как глина. Течение стремительное, ярое. Это устье реки Куры.

По Куре плывут сотни черепах. Одну мы поймали прямо с лодки на ходу.

Морда у нее удивленная, разгневанная и даже дремучая. Какая-то она вся доисторическая. Ползает по дну, гневается.

Видели мы еще очень изящного зверя — выдру. Она разгуливала среди черепах вдоль берега, переворачивала их, как булыжники, и воровала черепаший яйца.

Перед носом лодки проплыло ста-

до буйволов. Они в воде — точь-в-точь бегемоты. Плавают быстро и нас ноль внимания. Буйволы преисполнены важности и достоинства.

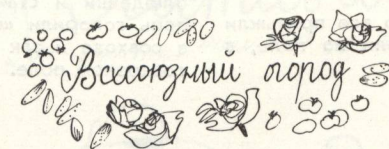
Вдруг рядом с кулазом вынырнула круглая голова. Физиономия уса-тая и добродушная. Глазища огромные. Похлопала ресницами и спря-талась. Это каспийский тюлень. А на берегу мы убили страшную змею гюрзу. Она ужасно ядовитая.

Вот какие чудеса ждали нас в устье реки Куры.

Совхоз Ленкорани. Це-лый город! Что здесь не растет — лимоны и чай, та-бак и апельсины, фейхоа и инжир, хурма и грецкие орехи! И ко-нечно, огурцы, помидоры, капуста.

«Всесоюзный огород» — такой вы-вески нигде нет, но иначе ленкоран-ские субтропические совхозы и не называют. Овощей с этого ого-рода хватит миллионам людей, отсю-да и название — всесоюзный. Грядки здесь гигантские — на сто километ-ров каждая. Овощи самые ранние. Капуста поспевает в начале мая, ко-гда на севере еще снег не сошел с

полей. И какая капуста — сочная, будто яблоки. В июне — зеленые го-ры огурцов, красные — помидоров.

Даже ящиков не хва-тает, чтобы пересыпать эти горы и отвезти куда надо.

Горы сами не вырастают. Люди кладут немало труда, чтобы «всесо-юзный огород» был в порядке. Сор-няками не зарастал, урожай прино-сил почаше — не раз в год, а не-сколько. Здесь это возможно. Зем-ля богатая.

Еще в древности было замечено: «Хлеб родится здесь из зерна, вы-павшего из соломы, с листьев течет мед...» (Страбон «География», стр. 482).

«Саул» по-азербайджански значит «спасибо», а скорее даже, большое спасибо.

Первый раз мы услышали это сло-во на почте. В окошечко, в котором значилось «Заказные письма. Банде-роли», человеку вместо конверта протянули стакан чаю. А потом еще сахар кусочками на блюдце. И чело-век не рассердился, а благодарно сказал «саул».

Не сразу мы научились пить чай по несколько стаканов в день, да еще вприкуску (так ароматнее!) Но тридцати-, а где и сорокаградусная жара выучила нас любить чай по-на-стоящему и восторженно говорить «саул» после четвертого и пятого стаканов.

Азербайджанские пастухи носят бараньи папахи. В них легче переносить жару. Ребята из нахичеванского Дома пионеров исполняют танец «чабаны» в таких папахах и старинной на-циональной одежде.

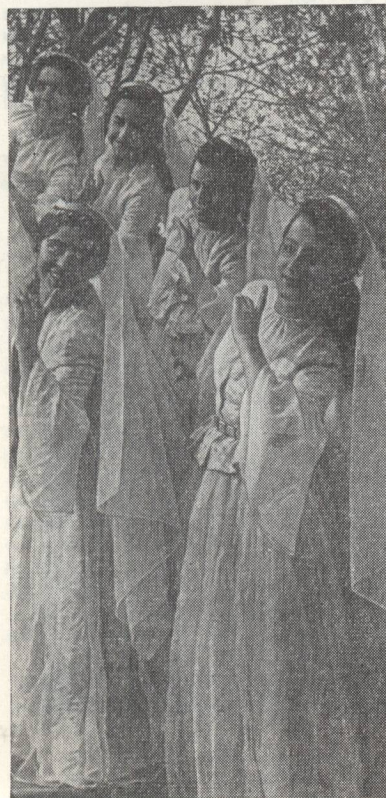
Настал день, когда тот самый чай, что все привыкли видеть маленькими пачками, мы увидели на поле, в субтропическом совхозе имени Кирова.

Чай — культура капризная. Надо умело разбить плантацию, чтобы получить приличный урожай. Там, где мы были, справа горы, слева и впереди сосны. А на равнине — темно-зеленые холмы или шары, кому как покажется. Это чайные кусты. Они подстрижены для сорта экстра.

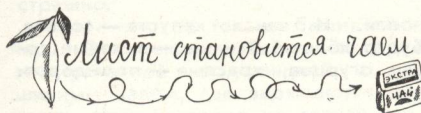
Искусные руки выращивают чай. И не менее искусные собирают. Мы видели работу сборщиц из славной бригады Эйналы Кулиева, бригадир награжден орденом Красного Знамени за высокий урожай чая. Они как будто мимоходом общипывают куст, и тем не менее повторить их движения никому из нас не удалось. Ведь из самой середины куста надо выхватить листок с почкой. Остальные, крупные листья, на экстру не идут. Фантастически много — по 150 килограммов за смену — собирает опытная сборщица из этой бригады. По 2500 килограммов с гектара обещал в этом году вырастить и собрать орденоносный бригадир со своей бригадой. Он знает своих людей и обещал твердо.

В огромных белых тюках уносят чай с поля. Перед нами развязали такой тюк, чтобы показать качество сбора. Ни одного «чужого» листа, только то, что годится для высших сортов. Еще бы — собирала Атлас Алиева, награжденная за свое искусство орденом «Знак Почета».

Мы простились с совхозом и его людьми в чайхане под открытым небом. Посвистывал, закипая, шестиведерный самовар с зеркальными боками, позванивали блюдецки и стаканы. После каждого стакана мы теперь говорили «саул», «саул». Такой вкусный был чай в совхозе и так много о чайном листе мы узнали на совхозном поле.

Девочки танцуют «джейраны».

Но ведь вырастить чайный лист — полдела...

Мы расстались с совхозом ради чайной фабрики. Надо было поехать туда и своими глазами посмотреть, как лист становится чаем.

Директор фабрики Махмудов Кямилъ Иззят-оглы рассказывает

Вы можете спросить, почему именно на фабрике? Высушить лист и размельчить его можно дома. И высыпать в чайник и заваривать... Но в том-то и дело, что нельзя. И не только потому, что дома много чайного листа не высушишь. Нельзя потому, что приготовить из листа чай — искусство.

...На чайную фабрику лист привозят только в деревянных ящиках и сразу же рассыпают на деревянном, чисто вымытом полу под навесами. Лист должен подсохнуть, только потом по конвейеру его отправят в цех.

Пока лист сохнет, его ворошат деревянными лопатами, как сено. Ничем железным листа не касаются: чай легко усваивает, впитывает чужие запахи.

Представьте себе стога чая. Трудно? Еще бы. Ведь на стакан чаю нужна щепотка, а в стоге тонны, десятки тонн зеленого чайного сырья.

Расспросите рабочих, где они учились, ведь вы уже успели подумать: «Учиться, наверно, несложно... Ну, подсушили, ну — пересыпали, ну, развесили по пятьдесят граммов и в магазин...»

На самом деле, вокруг зеленого листа столько всяких «нельзя», что учиться, прежде чем попадешь на чайную фабрику, нужно даже простому рабочему. Защитить чай от посторонних запахов — это раз. Когда сушишь, — утрамбовывать и приминать нельзя — это два. Испортишь всю партию чая, переломаешь до времени. Кстати сказать, самые лучшие сорта чая делают из нерезанного листа... А сколько еще других запретов!..

Подсушивают, завяливают, скручивают, просеивают, сортируют чай на чайной фабрике. Сотни рабочих и специалистов заняты только листом. И совсем небольшая комната отведена для готового чая, вернее, для

того, чтобы решить, готов ли он.

Заваривать чай и пить. Но пить не потому, что жарко, а потому, что надо опробовать новый сорт. Это работа — пробовать чай.

Стоят в дегустаторской — так называется комната, куда приносят готовый чай, — аптечные весы и песочные часы. Чай заваривают по времени и по весу, чтобы узнать его вкус и аромат.

А знаете, что нам сказали на прощание дегустаторы?

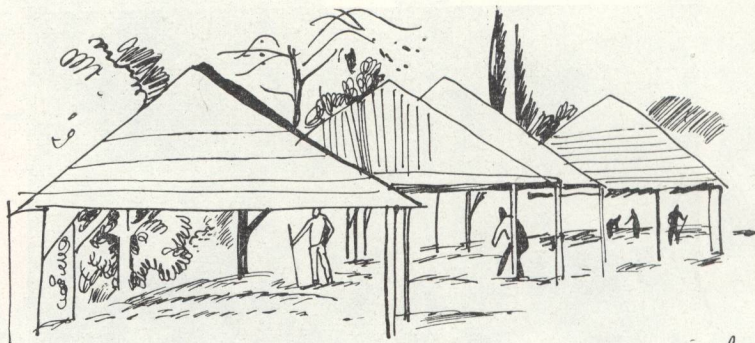
— Самый хороший чай можно испортить, если не сумеешь заварить.

А как правильно? — тут же спросили мы.

Вот вам рецепт.

Чайник надо облить кипятком. Насыпать ложку чая в расчете на два

стакана воды. Налить немного не доверху кипятка (примерно, на две трети чайника) и закрыть чем-ни- будь теплым — бабушкиным платком! Через некоторое время долить чайник, помешивая.

Самая первая просушка чайных листьев

Из Ленкорани по прекрасному шоссе помчала нас машина в горы.

Мальчишки и девчонки здесь почти все члены общества «Друзья пограничника».

А это значит, что они и сами почти пограничники.

Въезжаешь на заставу и сразу чувствуешь — это городок не простой. Постороннего человека тут сразу примечают. В городе все друг друга знают, все знакомы.

Про заставу говорят, что там можно оставить на улице кошелек, а потом приехать через месяц и взять его. Никто не тронет. Такие там живут кристально честные люди.

Граница. Это суровое и тревожное слово. Оно обязывает ко многому. Оно накладывает на людей особый знак.

Смотришь: люди как люди.

Одни веселые, другие грустные. Есть добрые, есть сердитые. Разные есть. Нету только плохих людей.

Вот уж в этом мы можем поручиться — плохих людей на границе нет.

Нельзя им там. Не уживаются, наверное.

Тут каждый житель немножко пограничник. У мальчишек и девчонок «Друзей пограничников» все всерьез, не понарошке.

Они работают со служебными собаками, изучают оружие, учатся у опытных следопытов нелегкому их делу.

Застава. Ходят молодые высоченные парни в зеленых широкополых панамах, веселые простые парни,

Крутят «солнце» на турнике, «балуется» двухпудовыми гирями, играют в волейбол, отрабатывают приемы «самбо», учатся, несут службу, ходят в наряды — живут.

Все спокойно, без суеты, на первый взгляд, даже слишком неторопливо.

Но все же сразу, как только осмотришься на территории заставы, чувствуется четкий напряженный, чуть тревожный ритм жизни.

Он не выпирает наружу в резких командах, беготне, топоте ног.

Он чувствуется потаенно, настороженно-четкий, наполненный пульс пограничной жизни.

Мы разговариваем с Сашей Топчевым, пограничником, солдатом, старшим наряда.

У этого высокого, белобрысого, веснушчатого парня чуть смущенная улыбка и добрые серые глаза.

Но глаза эти могут глядеть и по-другому: сквозь прицел карабина — холодно и сурово.

У него два задержания.

Саша Топчев лично поймал двух шпионов.

Он говорит об этом просто и спокойно. Это его работа, его дело.

И он делает его отлично.

— Задержал как? Ну, как...

Обыкновенно. Я был старшим наряда. Пошли. Напарник туда. Я сюда... Ну это... ночь была очень дождливая, ветер и темно, конечно. Ну вот... А он стоит. Притаился.

— Постой, как же ты уви-

дел его в темноте?

— Ну, как... увидел. Глаза при- выкли. И вообще... там ведь каждую веточку знаешь, каждый листик. А он стоит в кустах. Я сперва

Каспийск — замечательный город на море. Мы успели по-любить его.

И ребята, с которыми мы там познакомились, пришлось нам по душе.

Вот они идут, будущие машинисты, мотористы, матросы. Шагает отделение во главе со своим командиром. Шаг четкий, парадный. В своих фланелевках и форменках ребята уже сейчас похожи на настоящих моряков. А ведь они еще учатся в школе. В Клуб принимают с шестого класса — и мальчиков и девочек. От всех требуется одно — всегда хорошо учиться!

думал, может, свой. Может, проверка. Бывает. Спрашиваю: «Пароль!» А он на меня с ножом прыгнул. Ну вот... тогда я его это... задержал.

— А как? Как?

— Ну, как... Это... руками.

Саша улыбается.

А мы видим ненастную ночь и тренированного, настороженного, как волк, матерого бандита, прыгающего молча и страшно с ножом в руке. (Потом оказалось, что у него и пистолет был и много еще чего. Ножом хотел, чтоб тихо, без шума).

И видим в ночи этого вот, краснеющего сейчас от смущения, паренька, такого тонкого и хрупкого с виду.

«Руками», — говорит.

Мы глядим на его руки. Они широкие, сильные, натруженные. Руки рабочего человека.

До армии Саша работал слесарем. И после армии будет работать слесарем. Руками...

Потом мы смотрели работу собачек, как нежно называют их пограничники. По имени собаки можно узнать, сколько ей лет. Если на А (Азот, к примеру), значит, 1962 года рождения, на Б (Барс) 1963.

Мы видели, как такая «собачка» весом в восемьдесят килограммов бежит со страшной скоростью, стелется над землей и с ходу сшибает одетого в толстенный тренировоч-

ный халат человека, рвется к его горлу.

И все это молчком. Жутко делается.

Да, думаем мы, тяжкий хлеб у шпионов, безнадежная их работа, пока стоят на границе такие парни, как Саша Топчиев со своими собачками.

Потом мы пошли купаться с ребятами, друзьями пограничников. Как все мальчишки на свете, они визжали в теплом море, ныряли под гребни волн, брызгались.

Рядом был высокий забор из колючей проволоки, ограждающий полосу отчуждения вдоль моря.

Вдруг мальчишки выскочили из воды и заорали:

— «Балик! Балик!»

Глядим, за забором, метрах в пяти от нас бьется на мелководье громадный осетр. Так вот что за... балик!

Один мальчишка, самый, очевидно, ловкий и решительный, как птица взлетел на колючий забор и сигналу по ту сторону вниз.

До сих пор не понимаем, как он умудрился не исцарапаться.

Он подбежал к осетру, прыгнул на него, и началась битва.

Летели брызги, пена. «Балык» сопротивлялся.

Не тут-то было! Видно, уроки «самбо» не пропали даром. Скоро «нарушитель» бился на берегу, вываливаясь в песке, как в сухарях.

Осетра, просунутого сквозь забор, мы помогли вытащить из запретной зоны. Он был больше мальчишки. Тем же способом перебрался и победитель.

Со сторожевой вышел знакомый нам Саша Топчиев, погрозил ему кулаком. Он тоже наблюдал за борьбой и теперь улыбался.

А мы глядели на осетра и думали, какой же это благодатный край, какое щедрое море, в котором бьют фонтаны нефти, на котором горячий газ возводит острова, из которого сам по себе выскакивает на берег живой «балык».

Итак, наше путешествие подошло к концу.

Немало интересного увидели мы на берегах Каспия. И все же на карте путешествия еще остались белые пятна.

Нам не пришлось побывать в знаменитом Астраханском заповеднике — помешал небывалый весенний разлив Волги, заповедник оказался под водой. Мы не попали в город нефтяников Узень, который на Мангышлаке называют «полюсом трудности». Мы лишь слышали рассказы о Талышских горах с их удивительными лесами.

А потому мы говорим:

— До свидания, Каспий! Мы еще вернемся к тебе!

НА КАСПИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Фото Л. Полякова

Как Надька Надей стала

РАССКАЗ

Н. Ходза

Рисунки Н. Кустова

Давно это было, а все, как сейчас, перед глазами. Про то, как Ленин приезжал в нашу деревню, — известно ныне на весь мир. Про это и рассказы написаны и фотография даже имеется... На той фотографии я за Лениным стою.

Селение наше Кашино прозывалось. Мы там в двадцатом году электростанцию построили. И Ленина пригласили. Письмо ему в Кремль отправили. То письмо мы всей комиссией сочиняли. Так что я его по сей день помню. От слова до слова. Мы там так написали: «Четырнадцатого сего ноября состоится открытие электрического освещения в селении Кашино, на каковое покорнейше просим прибыть разделить ту нашу радость, которую мы ощущаем при виде электрического освещения в крестьянских халупах, о которой при власти царей крестьяне не смели думать...»

И что же? Узнаем вскорости — приедет Ленин. Речь на открытии говорить будет. И даже пообедать согласился с нами.

Ну, тут началось! Год, сами знаете, какой был! Тысяча девятьсот двадцатый. По стране гражданская война грохочет! Разруха! Голод! Чем угостить дорогого вождя? Спекли бабы караван ржаные. Себе-то мы тогда хлеб с разной примесью делали. Чтобы муки надольше хватило. А уж по такому случаю не пожалели — спекли бабы хлеба легкие, пухлые, душистые.

Я, как узнал, что Ленин едет, прибежал в избу — говорю:

— Шевелись, Надька! Чего расселась!

Надька, жена моя, спрашивает:

— Чего делать-то?

— Как чего? Ленин к нам едет. Тащи посуду в хату Кашеевых. Там обед праздничный варится. Ленина угощать станем!

Вскинула Надька, сует в корзину разные тарелки, поварешки. А мне невтерпех. Швырнул ей полушубок на лавку, поңукаю:

— Крутись шибче! Одна нога здесь, другая — там!

Надька совсем растерялась, соображение утратила: в правой руке корзину тяжелую держит, левой — полушубок натягивает. И ничего не получается. Я, конечно, замечание ей:

— Совсем дура! Не соображаешь: поначалу полушубок напяль, опосля за корзину хватайся!

Натянула Надька полушубок, взяла корзину, пошли мы.

Я впереди, она за мной плетется. Я опять замечание:

— Тащишься, ровно неживая! Сказано тебе — шевелись!

Подошли мы к Кашеевым, из трубы дым кучерявится. Вошел я в избу, дверь от холода сразу захлопнул. А Надька в это время как раз на ступеньках поскользнулась, упала. Вышел я на крыльцо посмотреть, чего ее нет, а она уже на ногах, проверяет, цела ли посуда, и я, ясно, интересуюсь, как там тарелки.

— Целы, — успокаивает Надька. — Только я колено сильно зашибла.

— Посуда цела — все в порядке, — говорю. И опять пошел в дом. Надька следом.

Начала она полушубок снимать, с крючками запуталась. Видать, пальцы с мороза не слушаются. Застыли, пока корзину тащила. Я сержусь, покрикиваю:

— Скорее не можешь?! До вечера шебаршиться будешь?!

За хлопотами время мигом пролетело. Не успели оглянуться, слышим — на околице автомобиль урчит. Ясно! Товарищ Ленин приехал! Тут все, кто по избам сидел, — все на улицу высыпали. Всяк хочет своими глазами увидеть вождя трудового народа. И Надька моя тоже у крыльца топчется. В спешке и полушубок забыла накинуть, только шаль на голове.

Подъехала машина к дому, остановилась. Мы сразу Ленина узнали. Заволновались все, обрадовались:

— Ленин!

— Ильич пожаловал!

— Уважил!

Вышел Владимир Ильич из автомобиля, дверку не закрывает, придерживает. Тут, видим, Надежда Константиновна, жена его, тоже из машины выходит. Протянул Ильич Крупской руку, сам негромко говорит:

— Осторожно, Надя... Прошу тебя, осторожно...

Моя баба и шаль с уха сдвинула, чтобы

ни единого словечка ленинского не пропустить. А Ильич обернулся к народу, говорит этак душевно:

— Поздравляю вас, товарищи крестьяне! Отныне ваша деревня покончила с темнотой и будете вы навечно жить при свете!

Обрадовались мы словам дорогого вождя, стали его в дом приглашать, и Надежду Константиновну, конечно, приглашаем.

Ильич даже рукой от меня заслонился:

— Спасибо, товарищ, я привык сам...

Сказал так, обернулся быстро к Надежде Константиновне, помог ей снять шубку, шапочку ее отряхнул, табуретку придвинул, чтобы удобнее было галоши снимать. А потом и сам разделся.

Тогда мы все хором и вразброд просим дорогих гостей в горницу за праздничный стол.

Подошли Ильич с Крупской к крыльцу, тут он опять руку Надежде Константиновне протягивает, значит, чтобы не поскользнулась, потому как ступеньки обледенелые. И опять, слышим, говорит:

— Осторожно, Надя, здесь скользко...

Раскрыл я перед Ильичом дверь, а он вперед Надежду Константиновну пропустил, а потом и сам переступил порог.

Тут я догадался уважение оказать нашему гостю:

— Позвольте, — говорю, — помочь вам раздеться.

— Отведайте наше скромное угощение, не осудите за скудость...

Сели Ленин и Крупская рядом, Ильич перво-наперво спрашивает:

— Что тебе, Надя, предложить: холодца или мяса?

Крупская отвечает:

— Пожалуйста, кусочек мяса. Только небольшой...

Подавал Владимир Ильич своей жене тарелку, за хлебом потянулся.

— Ого! — говорит. — Да у вас самый настоящий ржаной хлеб! По нынешним време-

нам это сказочное угощение! Попробуй, Надя. Ржаной хлеб в наичистейшем виде!..

Как проходила встреча дальше — всему миру известно. А я расскажу, чего неизвестно, о чем ни в газетах, ни в книгах не написано.

Когда Ленин уехал, стали мы расходиться. Все радостные, довольные. Я говорю:

— Собирайся, Надька! Не канителься!

А Надька сидит, смотрит в сторону, задумалась, ровно и не слышит меня. Тогда уж я громко:

— Слышь. Надька, собирайся!

Повела она глаза на меня, говорит едва слышно:

— Не кличь меня Надькой! Не желаю!

Сказала тихо, а услышали все. Я стою, ничего не понимаю.

А она свое:

— Не Надька я!

— То есть как, — спрашиваю, — не Надька?

А кто же ты?

— Надежда... Надя...

— Так я же и говорю — Надька.

— Не хочу, чтоб Надька! Надеждой... Надедей должен называть...

Некоторые мужики, которые в избе были, даже захихикали. А я так прямо рассердился.

— Буржуйские выдумки! — говорю. — Нам это ни к чему!

Мужики, знамо, поддерживают меня:

— И впрямь, чего придумала! Где ты, Надька, набралась такого?

Тут моя баба встала, брови сдвинуты, глазами, ровно шилом, колет меня:

— Слышал ты, как Ленин свою жену называет?

— А как?

— Надей! Надей называет! А ты только и знаешь: Надька да Надька!

Тут все бабы, что в доме задержались, прямо всполошились:

— Верно! От мужиков наших хорошего слова не дожدهшься! Только и слышишь: Дунька! Пашка! Варька! А Ленин-то как уважительно, любовно: «Надя, — говорит, — осторожно, прошу тебя, осторожно...»

И всякие разные подробности стали припоминать:

— Руку подал, чтобы не поскользнулась...

— В избу-то ее первой пропустил...

— Шубку помог снять.

А Надька — та прямо наступает на меня:

— Не буду больше грубости терпеть! Раз ты большевик — должен все как полагается делать! А не будешь — вот те крест — отпишу Ленину!

И другие бабы галдят:

— Все Ильичу отпишем, какие вы есть!

— Не царское время — грубости женам кричать!

Ну, чисто, бунт бабий!

Пересилил я себя, говорю:

— Пошли отседа, дома потолкуем...

А она:

— Что же, мне в одном платье по холоду идти?

Опять глаза таращу:

— Почему в платье? Вона твой полушубок!

— Вот и подай мне его. Помог, значит...

Я прямо вскипел весь. Однако вспомнил, как Ленин своей жене помогал — сдержал свою вспыльчивость! А дальше как быть? До тридцати годов дожил, не было такого, чтобы я какой ни на есть бабе шубу подавал! Засмеют, думаю, меня мужики! Только опять перед глазами — Ленин шубу подает Крупской. Снял я с гвоздя полушубок, подошел к Надежде, а она спиной повернулась, ждет, чтобы подал. И что же? Подал. Подал! А сам горю со стыда! Все во мне горит! Щеки! Шея! Цыгарки от меня прикуривать можно! Спички сырые зажигать! Только сломил я в себе проклятое царское наследие. Думаю, сам Ильич при всех таково поступал, какой же может быть стыд для меня делать то же?!

Ну, а дальше чего же рассказывать? Столько лет прошло, не помню, чтобы жену свою Надькой обозвал. Надей кличу. Разве рассержусь когда, так Надеждой называю. И в смысле остального, значит... Из дома выходим — пальтецо подам, вперед пропущу и так далее...

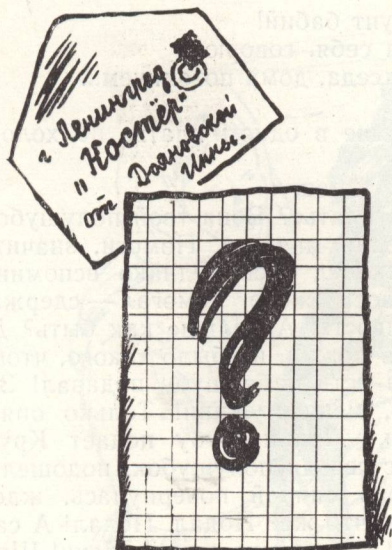
Партийный наш секретарь хотел тогда Ленину отписать, рассказать про все это. Про меня, значит. А только Надя не позволила. «Не надо, — говорит, — пускай Ленин думает, что у меня всегда муж хороший был».

ПО СИГНАЛУ ПИОНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ

ОБ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЕ...

Рисунки В. Травина

Недавно в «Костер» пришло письмо из Куйбышева:
«Дорогая редакция!

У нас в городе ходят слухи о девушке, которая окаменела, танцует с иконой. Причем, одни говорят, что девушка танцевала из-за того, что ее хотели благословить на свадьбу, вторые — что из озорства, третьи — что со злости.

Я понимаю, что это глупости, но у меня есть знакомые девочки, которые верят в это. Я доказала одной, что это неправда: сама протанцевала перед ней с иконой и, конечно, не окаменела. Но другая девочка утверждает, что ее дядя-милиционер был на месте происшествия и все видел.

Я очень прошу объяснить, откуда могли взяться эти нелепые слухи и как их опровергнуть. Ведь не танцевать же с иконой перед каждым, кто этому верит!

С пионерским приветом
Инна Дояновская»

Письмо Инны редакцию очень заинтересовало, и мы послали в Куйбышев нашего корреспондента, журналиста Александра Шарымова.

„Окаменевшая, холодная, как мрамор...“

«...В ночь с 31 декабря 1955 года на 1 января 1956 года в маленьком домике на Чкаловской улице произошло чудо.

Молодежь собралась встретить Новый год. Все были веселы. Одна только Зоя, дочь хозяйки дома, грустила: ее жених Николай не пришел на вечер.

И тогда Зоя, чтобы развеять печаль, сняла со стенки икону святого угодника Николая Мирликийского и начала с нею танцевать.

Но не успела она сделать круг по комнате, как поднялся невообразимый шум, вихрь, ослепляющий молниеносный свет. Веселье обратилось в ужас, и все в страхе выбежали из комнаты. Одна Зоя оста-

лась стоять с иконой святителя, прижав ее к груди, окаменевшая, холодная, как мрамор, и никакие усилия работников медицины не могли привести ее в нормальное состояние — игла уколов ломалась, но сердце билось. Зоя жила».

«Прошло сто двадцать четыре дня. За это время окаменевшую Зою посетили знаменитый профессор из Москвы, а также митрополит Московский, специально прибывший полицезреть на чудо господне. В одно прекрасное утро Зоя очнулась и, едва придя в «нормальное» состояние, стала «взывать великим гласом:

— Страшно! Страшно! Земля горит! Молитесь! Весь мир

горит! Страшно! Мир во грехах гибнет! Молитесь...»

«Повзвывая таким образом четыре дня, Зоя отошла к господу...»

Все эти цитаты я взял из рукописной брошюры под названием «Стояние Зои». Все до одной, вплоть до безграмотной фразы: «игла уколов ломалась»...

Брошюру сочинили церковники. Они же позаботились о том, чтобы легенду об «окаменевшей отроковице» узнало как можно больше людей.

Немудрено, что по приезду в Куйбышев я без особого труда раздобыл экземпляр брошюры. И, прочитав, понял: это как раз то, о чем писала Инна.

С чего начать?

„На Чкаловской улице...“

Рассказывает Сусанна Исааковна Григорьян, живущая неподалеку от дома Клавдии Петровны Болонкиной, где якобы произошло «чудо»:

— Утром мы проснулись, а вокруг народу видимо-невидимо. Все больше старушки богомольные. Иные даже переночевать просились к нам: «Разрешите, мол, хоть ночь возле святого места провести». Но и других тоже много было, просто любопытствующих. А на углу тогда стояло отделение милиции. Вот оттуда и поставили пикеты, чтобы дать проход транспорту.

— А в домике? Что было в домике? Правда, что там случилось что-то с дочкой хозяйки?

— С дочкой? С какой дочкой? У Клавдии Петровны дочери никогда не было. У нее сын был, Николай...

Так, значит, одна ложь налицо: никакой Зои, дочери хозяйки дома, не было.

— Откуда же, — спрашиваю, — взялась эта «отроковица Зоя»?

— Вы лучше в милицию зайдите, — говорит Сусанна Исааковна, — там все подробности знают.

Сон Аграфены

Рассказывает Николай Павлович Паутов, заместитель начальника Куйбышевского отделения Управления по охране общественного порядка:

— В том-то и дело, что вообще, понимаете, вообще никакой Зои не было. Не было никакого «чуда». Не было профессора из Москвы. Не было митрополита Московского. Не было «усилий работников медицины». Не было «ста двадцати четырех дней». Никто не «взывал великим гласом».

Никто не «отходил к господу».

— Как так не было! — воскликнул я.

— Так вот и не было...

— Ну хоть что-нибудь-то было?

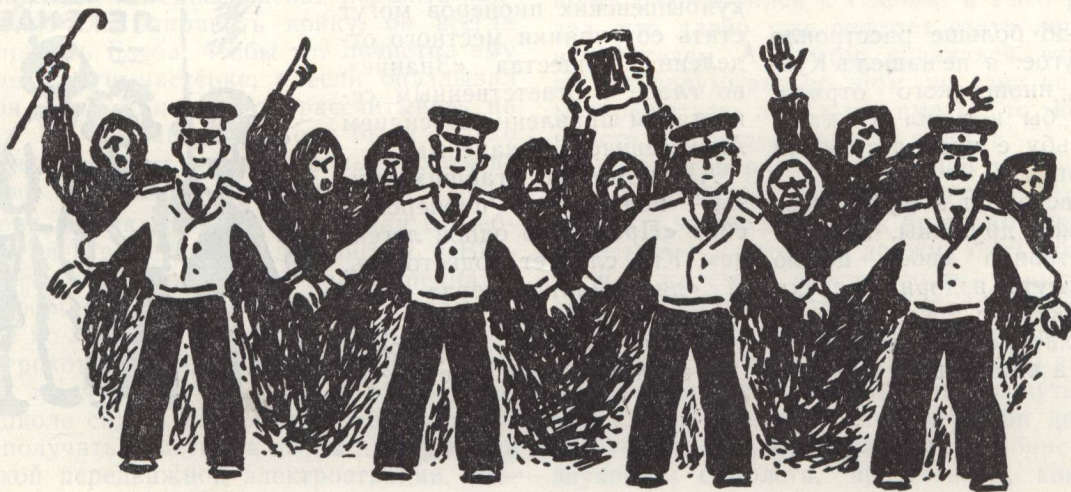
— Была Аграфена...

...Жила на Чкаловской улице, почти напротив домика Болонкиных, преклонных лет старушка, по имени Аграфена. Богобоязненная, болезненная старушка, частая посетительница местной церкви, находя-

щейся совсем рядом, в нескольких минутах ходьбы.

В новогоднюю ночь Аграфена пригрезился сон, в котором события развивались именно так, как изложено было впоследствии в брошюре под названием «Стояние Зои». Старушка, пораженная видением, с утра кинулась к церковной паперти и начала кричать, будто в доме Болонкиных свершилось чудо.

Вокруг Аграфены собралась толпа богомолков. Старушки

снарядили «делегацию» к дому Клавдии Петровны. Делегация потребовала показать «Зою». Поскольку никакой Зои в доме не было, хозяйка посоветовала «делегаткам» как

следует выпастись. Те подняли крик. Весть о том, что в домике на Чкаловской улице якобы скрывают «окаменевшую отроковицу», стала с быстротой молнии передаваться из уст в уста. На помощь «делегаткам» подоспели другие верующие из церкви; Аграфена продолжала свои рассказы. Стали собираться любопытные. Толпа вокруг домика все росла. Задние напирали. Треснула ограда. Зазвенело разбитое стекло. Хозяйка дома, перепуганная таким оборотом дела, обратилась в отделение милиции.

Когда богомолки увидели, что дорогу к дому Болонкиных преградили милиционеры, начался крик:

— Ага, силой гонят! Правду скрыть хотят!

Тогда из числа собравшихся были выбраны несколько человек. Они прошли в дом и удостоверились: нет в комнате никакой «отроковицы». Нет, и все тут.

Казалось бы: вот и шуму конец. Не тут-то было...

Слух о «стоянии Зои» пошел гулять по белу свету. И не сам по себе, и не с божьей помощью, а с помощью деятелей церкви, сочинивших полуграмотную брошюру.

Такие слухи на руку церковникам: ведь рассказы о «чудесах» еще крепче привязывают к религии суеверных и невежественных людей.

Чего мне не удалось найти

Все, что я узнал, изложено выше.

А двух вещей я так и не узнал.

Не нашел я «дядю-милиционера», который якобы «был на месте происшествия и все видел». Правда, это меня не очень расстроило; возможно, дядя-милиционер существует. Возможно, десять лет тому назад он патрулировал около домика на Чкаловской. Возможно, потом пошутил над племянницей, наговорил ей, чего не было... А она и поверила.

Гораздо больше расстроило меня другое: я не нашел в Куйбышеве пионерского отряда, который бы вступил в активную борьбу с предрассудками и суевериями.

Я не встретил в Куйбышеве пионерской дружины, которая бы поставила своей целью опровергнуть вздорные слухи об «отроковице Зое».

А слухи прочны: десять лет прошло, а они живут! И верят

им не только старушки-богомолки, как явствует из письма Инны Дояновской.

Инна Дояновская — настоящая пионерка. Но в самом деле, «не танцевать же с иконой перед каждым...»!

Что же делать?

Прежде всего, объединить усилия. Одна Инна Дояновская ничего не сделает, а пионерский отряд может много.

Во-вторых, найти взрослых друзей и помощников в этом трудном, очень трудном деле. Такими старшими друзьями куйбышевских пионеров могут стать сотрудники местного отделения общества «Знание», во главе с ответственным секретарем правления Василием Алексеевичем Токаревым.

А с помощью старших друзей — подготовить пионерский сбор «Правда об одной легенде». Как следует подготовить. И «дядю-милиционера» отыскать — пригласить его на сбор, и Сусанну Исааковну Григорьян, и других свидете-

лей. И тех пригласить, кто верит в легенду — взрослых и ребят. Пусть разгорится спор, пусть выскажутся все! Если вы вооружитесь фактами, никто не сможет вас опровергнуть. Ведь убеждают только факты, только весомые доказательства.

ШУТКА

РАССКАЗ

Борис Никольский

Рисунки Г. Праксейна

Это лицо появилось на экране всего лишь на несколько секунд. Человек полуобернулся, и сразу же его заслонили другие люди, но в то же мгновение Виктор узнал его.

Шел документальный фильм о полете в космос. Оранжевый автобус вез космонавтов к стартовой площадке. И в автобусе, чуть позади них, там, где обычно сидят дублеры, Виктор увидел этого человека. Сначала он только удивился, даже вздрогнул от неожиданности.

«Вот черт! Неужели?»

Потом, сидя в темном душном кинозале, сжимая пальцами подлокотник кресла, он долго еще не мог опомниться от неприятного изумления.

«Нет, — говорил он себе, — этого не может быть. Это, конечно, не он. Я просто ошибся».

Виктор старался успокоить, уговорить себя, но сам-то он прекрасно знал, что не мог ошибиться — слишком долго они жили в одной казарме и спали на соседних койках — не мог он спутать этого человека ни с кем другим...

* * *

Они спали на соседних койках, и у них была общая тумбочка на двоих. И если утром Виктор запаривался и едва успевал подшить подворотничок или заправить койку, он всегда мог попросить Глеба, чтобы тот почистил ему пуговицы на гимнастерке, а если опаздывал Глеб, он точно так же мог рассчитывать на Виктора. Но все-таки тогда они были только соседями по койкам и ничего больше, хотя во взводе все считали их друзьями.

Оба они, и Виктор и Глеб, служили в учебной роте электромехаников-дизелистов, и Виктору совсем не нравилась его новая специальность. Вообще, службу в армии он представлял себе по-другому: маневры, атаки, мощное «ура», грохот танков, дымовая завеса, парашютные десанты, — а тут приходилось совсем как в школе сидеть по восемь часов на занятиях и получать отметки, а потом дежурить на маленькой передвижной электростанции, сле-

дить, чтобы не падало напряжение, да вовремя смазывать двигатель — вот и вся забота.

В нескольких километрах от их части размещалась школа младших авиаспециалистов, и по ночам оттуда доносился грохот прогреваемых моторов, — даже смягченный расстоянием, он заставлял мелко дрожать и позванивать оконные стекла в казарме. Как-то будущие авиамеханики пригласили своих соседей к себе в гости, на экскурсию, и тогда Виктор впервые увидел вблизи реактивные истребители. Они стояли возле огромного ангара, намертво пришвартованные стальными тросами к бетонным плитам. Когда запускались двигатели, по телам истребителей пробегала нетерпеливая дрожь, вокруг стоял грохот, горячий ветер взметал пыль и казалось, самолеты вот-вот оторвутся от земли. Но им уже никогда больше не суждено было подняться в небо — это были учебные истребители, на них авиамеханики обучались своему делу.

Иногда ночью у себя в казарме Виктор просыпался и прислушивался к отдаленному тревожному гулу. А однажды он увидел, что Глеб тоже не спит и слушает. Они переглянулись, посмотрели друг на друга так, словно у них с этого момента появилась общая тайна.

На другой день Виктор впервые по-настоящему разговорился с Глебом, и Глеб рассказал, что давно уже мечтает стать летчиком-испытателем. А Виктор признался, что тоже не раз подумывал об этом, но один как-то не мог решиться, а раз уж вместе, то, конечно, вместе другое дело, вместе веселее...

Они проговорили в этот вечер до самого отбоя, они обсуждали, как будут вместе готовиться к экзаменам и как будут вместе тренироваться, — у летчиков должна быть железная воля и железная выносливость — теперь, знаешь, как на это смотрят! — и вспоминали всякие случаи из жизни летчиков-испытателей...

Обычно, как и все солдаты, Виктор засыпал моментально, стоило только прикоснуться щекой к подушке, но в этот вечер он долго не мог уснуть. Он уже видел себя в кабине сверхзвукового самолета, представлял, как, вол-

нуясь, следят за ним с земли, представлял, как идет он по аэродрому — усталый и сосредоточенный — человек, привыкший к риску и нелегкой работе...

Еще через день Глеб составил план занятий и тренировок — он всегда все делал обстоятельно, и эта его обстоятельность уже в то время раздражала Виктора, но поссорились они в первый раз все-таки не тогда, а значительно позже. А сначала, пока стояла сухая и ясная осенняя погода, они вместе с Глебом бегали вокруг казармы, прыгали через скакалку и занимались на брусках и перекладине.

А по вечерам, перед отбоем, они по-прежнему уединялись где-нибудь в углу казармы, возле пирамиды, и говорили, говорили о будущей своей жизни... И уже сами эти разговоры радовали Виктора, доставляли ему удовольствие, волновали и будоражили его, и в те дни, когда Глеба назначали в наряд, Виктор скучал...

И все-таки они поссорились. Поссорились глупо, из-за пустяка.

В этот день Виктор очень устал на занятиях, и у него не было никакого желания браться за учебник алгебры или идти тренироваться на перекладине, ему хотелось просто отдохнуть, как отдыхали остальные солдаты, немного отдохнуть, только и всего... Он сел играть в домино, но игроков было всего трое, надо было срочно найти четвертого, и как раз в эту минуту на пороге комнаты политпросветработы появился Глеб. Он уже успел переодеться в синий, давно выцветший тренировочный костюм и теперь искал глазами Виктора.

— Глеб! — весело крикнул Виктор. — Садись, сыграем!

— Нет, — сказал Глеб, — не могу.

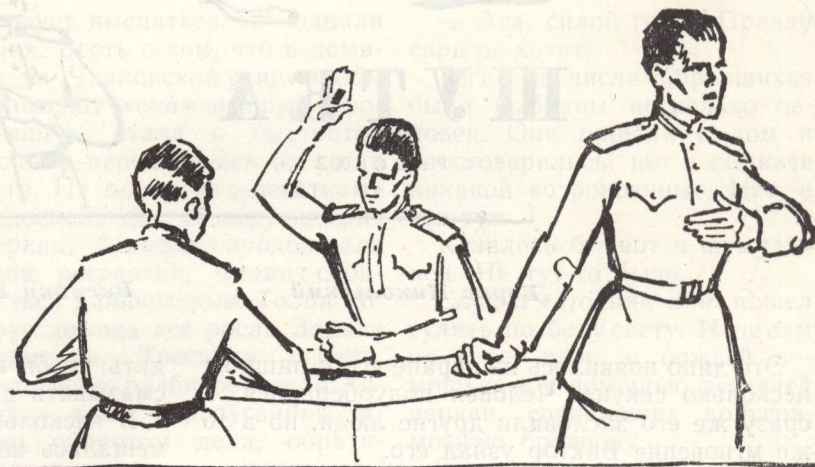
— Разок только! Один раз сыграем и все!

Виктор упрашивал Глеба, он даже вскочил и тянул Глеба за рукав к столу. Но тот упорно твердил свое «не могу».

— Подумаешь! Мастер спорта! — обидчиво сказал Виктор. У него сразу испортилось настроение. Получалось, вроде бы у Глеба есть сила воли, а у него нет... Но, в конце концов, мог же он хоть один вечер отдохнуть нормально!

Потом, уже позже, после отбоя, когда они лежали на своих койках, Виктор сказал шепотом Глебу:

— Никогда не надо становиться рабом своих принципов. Понял?

— Это изречение запиши в свою тетрадку, — так же шепотом ответил Глеб.

Он еще насмеялся! Он намекал на тетрадь, в которую Виктор выписывал всякие понравившиеся ему мысли из прочитанных книг.

Виктор обиделся и закрыл глаза, сделал вид, что спит. Но на самом деле он лежал и думал, что бы такое поязвительнее ответить. Но ничего так и не смог придумать. И неожиданно заснул.

На следующий день в личное время он опять сел играть в домино. Назло Глебу...

А потом начались дни один тяжелее другого: тактическая подготовка, да строевая, да занятия в противогазах; к вечеру Виктору хотелось лишь добраться до табуретки и посидеть спокойно, вытянув ноги, чувствуя, как отдыхает все тело... Какие уж тут тренировки...

Только Глеб по-прежнему вечерами переодевался в свой выцветший тренировочный костюм и вертелся на перекладине и прыгал через скакалку. Временами Виктору казалось, что делает он это нарочно, чтобы позлить его. Попрыгав так с полчаса, Глеб возвращался в казарму, раздевался до пояса, мылся, с наслаждением растирался полотенцем и потом, если оставалось время, садился читать... Маленький, худощавый, с мокрым взъерошенным ежиком на голове, со стороны он в эти минуты выглядел очень смешно.

Виктор играл в домино и философствовал:

— Я еще со школы не переносу таких, которые до всего задним местом доходят, высиживают... Я, бывало, в школе на уроках все на лету схватывал, никогда даже в учебники не заглядывал. Я лично так считаю: если у человека есть способности, так уж есть, а нет — так нет, тут уж ничего не поделаешь...

— Верно, верно ты говоришь, — отвечал его постоянный партнер Саша Лисицын, — только

зачем ты, скажи мне, все азики ставишь, не видишь, что ли, что я на азиках еду?..

...Подошла к концу осень, выпал первый снег, и Глебу из дому прислали багажом лыжи, набор лыжных мазей и даже самый настоящий спортивный секундомер. Лыжи были красные с голубым, не то финские, не то польские, конечно, во всем полку ни у кого больше не было таких лыж.

«Чемпиона из себя изображает, — думал Виктор, — мало ему было лыж в полку...»

Теперь Глеб больше не прыгал через скакалку, не вертелся на перекладине, а по вечерам, отпросившись у сержанта, брал свои красно-голубые лыжи, брал свой пижонский секундомер и уходил из казармы... Возвращался он чаще всего недовольный и делал у себя в блокноте какие-то пометки, записывал какие-то цифры...

И этот блокнот и секундомер почему-то особенно раздражали Виктора, и он обрадовался, когда на полковых соревнованиях Глеб занял только пятое место. И хотя Глеб старался не показывать, что расстроен, от Виктора скрыть это было не так-то просто — он ясно видел, как вытянулось от огорчения лицо Глеба.

Разговаривали они теперь все реже.

Но по ночам Виктор по-прежнему просыпался от далекого грохотанья двигателей, и ругал себя за безволие, и утешал себя тем, что человек он со способностями, стоит ему только взяться, и все будет в полном порядке, и давал слово приняться за тренировки и занятия со следующего понедельника, обязательно, во что бы то ни стало, непременно со следующего понедельника...

Но наступал понедельник, и еще один, и еще, а ничего не менялось...

И вот как-то в воскресенье случилось неожиданное происшествие.

Утром, после завтрака, Глеб, как обычно, взял лыжи и ушел на тренировку. Вернулся он только к вечеру. Он был весь в снегу и лицо у него тоже было белое, как снег. Морщась, он опустился на табуретку и вытянул правую ногу. Солдаты сразу окружили его, но он ничего не мог толком объяснить. Просто он сам не мог понять, откуда вдруг возникла эта резкая боль в бедре...

Виктор помог ему дойти до санчасти.

— Допрыгался, — ворчал он, — все в чемпионы, небось, метишь?

— Плох тот спортсмен, который не мечтает стать чемпионом, — добродушно ответил Глеб, — так, кажется, написано в твоей тетради?

Глеба выписали из санчасти через шесть дней. А еще через неделю разрешили ходить на лыжах.

— Только, разумеется, осторожно, — сказал врач. — Никаких тренировок и соревнований. Пока только прогулки. Иначе это может кончиться для вас очень плохо. Понимаете?

— Да, понимаю, — серьезно ответил Глеб.

За ту неделю, пока пустовала койка Глеба, Виктор уже успел соскучиться по нему, вся его злость как-то незаметно выветрилась, и, когда Глеб вернулся в казарму, он обрадовался.

В следующее воскресенье они вдвоем отправились на лыжах в тайгу к зимовью. До зимовья было километров десять, и именно здесь обычно тренировался Глеб. За последние дни снега почти не было и лыжню, проложенную Глебом, лишь слегка припорошило...

Стояла пасмурная погода, в лесу было светло и тихо. И чем дальше они уходили по просеке в тайгу, тем сильнее захватывало Виктора ощущение легкости и беспредельности — такое он испытывал раньше только в море, когда заплывал далеко от берега. Вокруг была только вода и небо, и плылось так легко, словно море само несло тебя...

Виктор увлекся и не заметил, как оторвался от Глеба, ушел далеко вперед.

— Ну, нажимай! — крикнул он. — Чего ты там?

Глеб по-прежнему шел неторопливым размеренным шагом.

— Нельзя, — серьезно сказал он. — Врач запретил.

— Врач, врач... Ты больше врачей слушай! Они наговоряют! Ну, давай, догоняй!

Но Глеб, как и раньше, не ускорял шага.

И вдруг вся прежняя злость, все раздражение разом вспыхнули в Викторе. Он даже забыл, что пошел сегодня вдвоем с Глебом специально, с твердым намерением поговорить о летной школе, об их общих планах. Он совсем забыл про это.

«Вот черт, до чего же трясется над собой. Врач не разрешил. Врач запретил. Врач не советовал. Только о себе и думает».

Больше он не оборачивался. Он добежал до зимовья, вошел в небольшую нетопленную, давно покинутую людьми избу, и здесь решил дожидаться Глеба. В крошечном наглухо замерз-

шем оконце он продышал глазок и тогда увидел далеко среди деревьев маленькую фигурку, медленно продвигавшуюся по просеке.

И вот тогда-то и пришла ему в голову эта дурацкая мысль — разыграть Глеба. Вернее, в тот момент она вовсе не казалась ему дурацкой, наоборот, она представлялась ему ужасно веселой, оригинальной, забавной — вот смех-то потом будет!

Дальше все произошло очень быстро.

Когда Глеб вошел в избу, Виктор уже лежал на лавке, неловко скорчившись, и стонал. Отвернувшись к стене, он кусал губы, чтобы не рассмеяться раньше времени. При этом он то вытягивал ноги, то поджимал их к самому животу, потом начинал шарить рукой по бревнам стены, вдруг вскидывал голову, и снова опускался на лавку.

— Что с тобой? — испуганно бросился к нему Глеб. — Витька, что с тобой?

Виктор пробормотал что-то нечленораздельное. Теперь он обхватил руками живот и продолжал стонать.

— Витька, да подожди... Да что с тобой? — повторял Глеб, — Вить, ну поднимись, слышишь...

Виктор не отвечал и только отрицательно мотал головой. Недаром еще в школе он считался первым мастером симуляции — ему ничего не стоило избавиться от любой контрольной.

— Вить, что же делать, а Вить?

Глеб подскочил к нему и попробовал поднять — но куда там! — Виктор был выше и

тяжелее — самое большее Глеб мог протащить его на себе шагов пять, от силы десять...

Чуть приоткрыв глаз, Виктор наблюдал за Глебом. Тот в нерешительности стоял посреди избы.

— Вить, ну потерпи немного, — повторял он, — ну, пожалуйста...

Потом он вдруг кинулся к двери. Виктор слышал, как тяжело бухнула наружная дверь, почувствовал, как морозный воздух ворвался в избу.

Он полежал еще немного, потом осторожно встал и на цыпочках подошел к окну.

Возле избы Глеба не было.

Виктор выскочил на крыльцо и тогда уже в отдалении на просеке увидел мелькавшую среди деревьев фигурку Глеба. Он воял работая палками и бежал не оглядываясь, как на соревнованиях.

— Глеб! — крикнул Виктор. — Глеб! Подожди!

Ему стало не по себе. Он совсем не хотел, чтобы эта шутка, этот розыгрыш заходил так далеко.

— Глеб! — крикнул он еще раз. — Глеб!

Но Глеб не слышал.

Еще несколько секунд Виктор видел, как то появляется, то скрывается за деревьями его фигурка, потом она исчезла совсем.

«Ладно, аллах с ним, пусть пробежится. Хуже не будет, — сказал себе Виктор, стараясь подавить беспокойство, и стал не торопясь надевать лыжи. — Кто ж его знал, что он сорвется как бешеный».

Он надел лыжи и не спеша пошел назад, к казарме, по той самой лыжне, по которой только что пробежал Глеб...

...Виктор не успел пройти еще и четырех километров, когда услышал впереди урчанье автомобильного мотора, и сразу вслед за этим увидел зеленую санитарную машину, неукложе переваливающуюся с боку на бок. Он сразу узнал ее, потому что это была единственная машина в их части, на ней обычно отвозили больных в госпиталь. Машина остановилась и из нее выскочил фельдшер — ефрейтор Паша Громов.

— Красильников, что это с тобой?

— Да вот... — неуверенно сказал Виктор, — приступ какой-то был... Сейчас полегало...

— Ну ладно, садись в машину. — облегченно вздохнул фельдшер, — а то мы уж перепугались...

— Я и сам перепугался, — уже смелее сказал Виктор, — знаешь, какая боль!

Он подумал, что потом, когда-нибудь, позже, обязательно все-таки расскажет ребятам, как ловко разыграл Глеба — вот все обхохочутся!

— А друг твой опять в санчасти... — неожиданно сказал фельдшер. — Добегался. Плохо ему.

— Да брось! — сказал Виктор.

Ему вдруг в голову пришла нелепая мысль: наверно, Глеб все-таки каким-то образом догадался о розыгрыше и теперь в свою очередь в отместку решил разыграть его, Виктора...

— Брось, — повторил он. — Не может быть...

— Чего не может быть, — равнодушно сказал фельдшер, — сам увидишь...

Потом Виктора осматривал врач, мямл ему живот, задавал какие-то вопросы, и Виктор машинально отвечал на них, а сам все время думал о Глебе.

— Вероятно, приступ аппендицита, — доносились до него слова врача, — если повторится еще раз, придется оперировать. А пока вы свободны. Идите, благодарите своего товарища.

У входа в палату Виктор в нерешительности остановился. Он со страхом представил себе, как увидит сейчас побледневшее, с запавшими глазами лицо Глеба...

Но Глеб выглядел как обычно, казалось даже, что он просто по ошибке попал сюда — на больничную койку.

— Ну, все в порядке? Жив? — спросил он.

— Жив... — сказал Виктор, отводя глаза, — врач говорит, приступ аппендицита...

— А я, знаешь, как бежал! — сказал Глеб. — Знаешь, как бежал! Здорово ты меня напугал — на тебе ведь лица не было...

Виктор молчал.

— Послушай, Вить, ты можешь взять у меня в тумбочке тренировочный план, мне, наверно, он уже не пригодится...

— Да брось ты! — сказал Виктор. — Будешь еще бегать как миленький...

— Не знаю, — серьезно ответил Глеб. — Врач говорит, что ничего неизвестно. Так что, может быть, это была моя последняя дистанция, — добавил он, усмехнувшись, — жаль только, время я не засек — наверняка рекорд пропал...

«Я должен сказать ему правду, — подумал Виктор. — Только не сейчас. В следующий раз».

Но и в следующий раз, и через следующий, и через через следующий Виктор так и не мог решиться рассказать Глебу о своей шутке.

А вскоре пришел приказ: Виктора и еще нескольких человек из роты переводили в другую часть.

Утром в день отъезда Виктор зашел к Глебу проститься.

— Не забывай, — сказал Глеб. — Обязательно напиши. Что и как.

— Ладно, напишу, — сказал Виктор. — Конечно, напишу.

С тех пор он больше не видел Глеба.

* *

*

И вот теперь, несколько лет спустя, когда он уже стал совсем забывать всю эту историю, на экране маленького кинотеатра вдруг промелькнуло знакомое лицо.

«Нет, — говорил он себе. — Наверняка я ошибся. Это не может быть Глеб. Конечно же, я ошибся».

Но память уже работала помимо его воли, и он вспоминал те давние вечерние разговоры, и намертво пришвартованные к бетону истребители, которым уже не суждено было взлететь в небо, и грохот моторов, и чувствовал, как тоска по несбывшейся мечте становится все сильнее и сильнее...

«Да что же это я, — снова говорил он себе, — у меня же и работа хорошая. И зарплата приличная. И всем я доволен. И жалеть мне совершенно не о чем...»

К вечеру он уже совсем успокоился, но ночью все-таки неожиданно проснулся и долго лежал, прислушиваясь, и ему казалось, что вот сейчас он опять услышит далекое грохотанье реактивных двигателей...

СТАДО

Женя Арапова

Слышу звон:
Динь-динь-динь...
Перезвон:
динь-динь-динь...
Это чудо или сон —
динь-динь-динь.
Величаво,
медленно
ступая
И голов от трав не поднимая,
Проходит стадо коров.
Они несут молоко.

Молоко — волшебное,
Молоко — целебное,
Из трав пахучих,
Из ручьев кликучих,
Из неба ясного,
Из зореньки красной.

Дай, пастух, молока!
Не скупись, налей молока!
Шипучего, снежного,
Парного, пенного,
Чтобы кровь заиграла,
Чтобы сердце запело,
Чтобы боль забывалась,
Чтобы радость согрела.

И опять слышу звон:
Динь-динь-динь...
Вдалеке перезвон:
динь-динь-динь...
Это чудо, это сон —
динь-динь-динь...

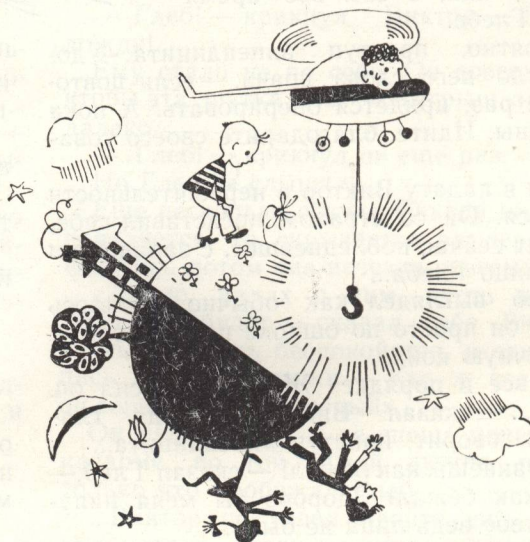
СТИХИ САШИ ЛАСКИНА

* * *

На вертолете опускали солнце
люди-невидимки.
Зацепили солнце канатами
и крикнули:
— Эй, принимайте солнце,
люди
на той стороне земли!

СОСНА

Все застыло:
Застыл громадный небосвод,
Сосна...
А ей уж лет под триста,
По старости кряхтит.
Прошли ее года,
Сосна, не досчитав своих суков, упала.
И через год воскресла
Уже сосной-младенцем.

ЛЬВЫ

Перед дворцом Елагина
львы высунули языки.
Вы скажете: львы сделаны из бронзы.
А я вам отвечу — нет.
Смотрите, под слоем бронзы
сидит настоящий лев.
Язык у него высунут,
в глазах страшная ненависть:
мог бы — сейчас же бросился,
но бронза ему мешает.
И в рот ему бросают спички,
и он к такой еде уже привык.

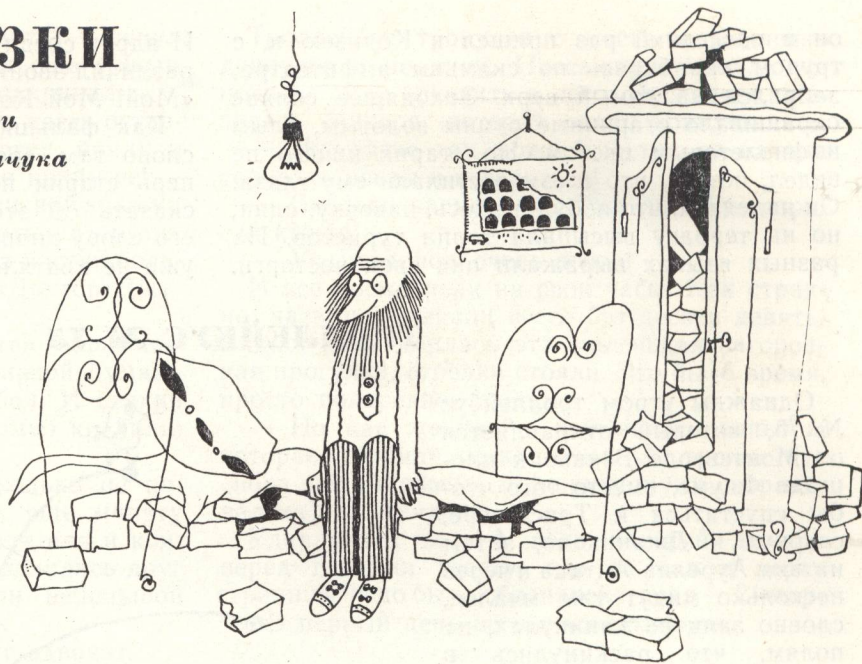
Рисунки И. Казаковой

ТРИ СКАЗКИ

Джанни Родари

Рисунки Г. Ковенчука

ПРО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УКРАСТЬ КОЛИЗЕЙ

Как-то раз одному человеку взбрело в голову украсть знаменитый римский Колизей. Ему захотелось, чтобы Колизей принадлежал только ему. «Почему, — недоумевал он, — я должен делить его со всеми? Пусть он будет только моим!» Он взял большую сумку и отправился к Колизею. Там он подождал, пока сторож отошел в сторону, быстро набил сумку камнями древнего здания и понес ее домой.

На другой день он проделал то же самое. И с тех пор каждое утро, кроме воскресенья, он совершал по крайней мере два, а то и три таких рейса, всякий раз стараясь, чтобы сторожа не заметили его. В воскресенье он отдыхал и пересчитывал украденные камни, которые грудой лежали в погребе.

Когда же погреб весь был забит камнями, вор стал складывать их на чердак. А когда и чердак заполнился до отказа, он начал прятать камни под диваны, в шкафы и даже в корзину для грязного белья. Каждый раз, приходя к Колизею, он внимательно осматривал его со всех сторон и думал: «Колизей кажется все таким же огромным, но некоторая разница все же есть! Вон там и вот тут уже немного меньше камней осталось!» Он вытирал пот со лба и выцарапывал из стены еще один кирпич, выбивал из арки еще один камень и прятал их в сумку. Мимо него проходили многочисленные туристы с открытыми от восхищения и изумления ртами. А он похищивал про себя: «Удивляетесь? Ну-ну! Посмотрю-ка я, как вы будете

удивляться, когда в один прекрасный день не найдете здесь Колизея!»

Порой случалось ему заходить в табачную лавку, — а в табачных лавках в Италии всегда продают открытки с изображением достопримечательностей. Когда он смотрел на открытки с видами старинного амфитеатра Колизея, он всегда приходил в хорошее настроение. Правда, он тут же спохватывался и притворялся, будто сморкается, чтобы не увидели, как он смеется: «Ха-ха-ха! Открытки! Подождите, скоро только открытки и останутся вам на память о Колизее!»

Прошли месяцы, прошли годы. Украденные камни громоздились теперь под кроватью, заполнили всю кухню, оставив только узенький проход между газовой плитой и раковиной. Камнями была завалена вся ванная, а коридор превратился в траншею.

Но Колизей по-прежнему стоял на месте и пострадал от воровства не больше, чем от комариного укуса. А бедняга-вор за это время постарел и пришел в отчаяние. «Неужели, — думал он, — я ошибся в своих расчетах? Наверное, легче было бы украсть купол собора Святого Петра! Ну, да ладно, надо набраться мужества и терпения — раз принял решение, надо доводить дело до конца».

Каждое путешествие к Колизею давалось ему теперь нелегко. Сумка оттягивала руки, и они были сплошь в ссадинах. Когда же он почувствовал, что жить ему осталось недолго,

он в последний раз пришел к Колизею и, с трудом карабкаясь по скамьям амфитеатра, забрался на самый верх. Заходящее солнце окрашивало старинные руины золотым, алым и фиолетовым цветом. Но старик ничего не видел, потому что слезы застилали ему глаза. Он надеялся, что побудет здесь, наверху, один, но на террасу высыпала толпа туристов. На разных языках выражали они свои восторги.

И вдруг среди множества голосов старый вор различил звонкий голосок какого-то мальчика: «Мой! Мой Колизей!»

Как фальшиво, как некрасиво звучало это слово там, среди самой красоты! Только теперь старик понял все и даже захотел было сказать об этом мальчику, захотел научить его слову «наш» вместо «мой». Но сил у него уже не хватило.

ТРОЛЛЕЙБУС № 75

Однажды утром троллейбус № 75, который отправляется от Монтеверде Веккьо к площади Фиуме, вместо того чтобы спуститься к Трастевере, свернул к Джаниколо, затем на виа Аурелиа Антика и через несколько минут уже мчался, словно заяц на каникулах, по полям, что раскинулись в предместье Рима.

Пассажиры в это время были почти все служащие и читали газеты, даже те, кто не покупал газету: они читали через плечо соседа. Один синьор, переворачивая страницу, взглянул случайно в окно и воскликнул:

— Кондуктор, что происходит? Куда мы едем? Это какое-то недоразумение!

Другие пассажиры тоже оторвались от газет и грозно запротестовали хором:

— Что думает водитель?

— Он сошел с ума! Свяжите его!

— Что за обслуживание!

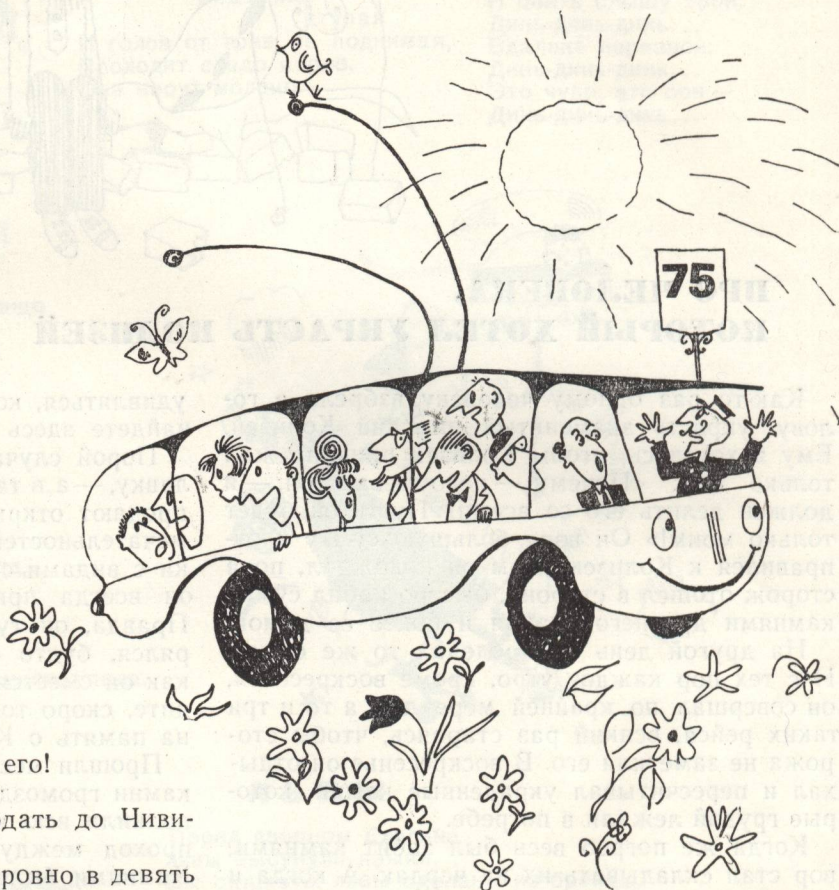
— Но отсюда уже рукой подать до Чивитавеккья!

— Уже без десяти девять, а ровно в девять я должен быть в суде! — воскликнул адвокат. — Если я проиграю процесс, фабрика сильно пострадает!

Кондуктор и водитель пытались отразить нападение. Они заявили, что ничего не знают: троллейбус больше не повинуетсЯ им и едет сам, куда вздумается. Действительно, в этот момент троллейбус сошел с дороги, проехал по полю и остановился на лужайке, у небольшого лесочка, где пахло свежестью и травой.

— Ой, цикламены! — радостно воскликнула одна синьора.

— Самый раз сейчас думать о цикламенах! — огрызнулся адвокат.

— Вот и нет! — возразила синьора. — Пусть я приеду в министерство с опозданием... Мне, конечно, за это снимут голову... Но раз уж мы тут, я хочу нарвать цикламенов! Уже десять лет я не собирала цветов!

Она вышла из троллейбуса, вдохнула всей грудью чистый, свежий воздух этого необычного утра и стала собирать цветы.

Видя, что троллейбус и не думает никуда уезжать, один за другим вышли на полянку и другие пассажиры. Одни — чтобы размять ноги, другие — чтобы выкурить сигарету, и вскоре плохое настроение растаяло, как туман

на солнце. Кто-то сорвал маргаритку и сунул ее в петлицу, другой обнаружил еще совсем зеленую земляничку и радостно закричал:

— Это я нашел ее! Смотрите, я здесь оставлю записку и, когда ягода созреет, приду и сорву ее! Плохо будет, если я не найду ее! — Они в самом деле вырвали из записной книжки листок, надел его на прут и воткнул прут в землю рядом с земляничкой. На листке большими буквами было написано: «Доктор Джулио Болатти».

Два чиновника из министерства образования скомкали свои газеты в большой бумажный шар и стали играть в футбол. И всякий раз, когда ударяли по мячу, громко кричали:

— Шайбу!

Словом, пассажиры уже нисколько не походили больше на тех, которые еще минуту назад готовы были линчевать водителя и кондуктора. А те, между прочим, поделились друг с другом завтраком и устроили небольшой пикник на свежем воздухе.

— Смотрите! — закричал вдруг адвокат.

Троллейбус тронулся с места и медленно двинулся с полянки. Пассажиры еле-еле успели на ходу вскочить в него. Последней оказалась синьора, которая опять возмущалась.

— Ну, разве так можно! Я только начала собирать цветы и веселиться!

— Сколько времени мы уже здесь? — спросил кто-то.

— Ух, наверное, очень долго!

И все посмотрели на свои часы. Как странно: часы показывали всего без десяти девять. Видно, пока длилась эта маленькая загородная прогулка, стрелки стояли. Это было время, просто подаренное людям.

— Но как же так? — изумлялась синьора, которая любила цикламены. А троллейбус снова шел по своему маршруту и уже сворачивал на виа Дандоло.

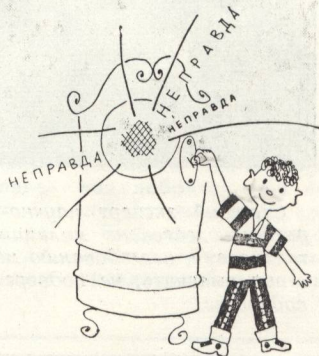
Удивлялись все. А ведь каждый держал перед глазами газету, где на самом верху страницы ясно была обозначена дата — 21 марта. В первый день весны все возможно!

ПЛАНЕТА ПРАВДЫ

Эта страничка целиком переписана из учебника истории, по которому учатся ребята в школах на планете Мун, и рассказывает она о великом ученом по имени Брун (надо сразу же отметить, что там все слова кончаются на «ун». Там, например, не говорят луна, а произносят «лун-лун», не говорят суп, а — «супун» и так далее). Вот она, эта страничка:

«Брун, изобретатель, живший две тысячи лет назад, в настоящее время находится в холодильнике, из которого его извлекут через 49 000 веков, чтобы он снова начал жить. Брун был еще младенцем в пеленках, когда изобрел машину для изготовления радуг, которая работала на воде и мыле. Вместо обыкновенных мыльных пузырей у нее получались радуги любой величины и даже такие большие, что их можно было протянуть с одного конца неба на другой. Вообще они служили для разных целей, даже для того, чтобы развешивать на них белье. В яслях Брун, играя двумя палочками, придумал БУРАВ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЫРКИ В ВОДЕ. Изобретение это получило очень высокую оценку рыболовов, которые употребляли этот инструмент, когда рыба не клевала.

Будучи в первом приготовительном классе, Брун изобрел: МАШИНУ, ЧТОБЫ ШЕКОТАТЬ ГРУШИ; ГОРШОК, ЧТОБЫ ЖАРИТЬ ЛЕД; ВЕСЫ, ЧТОБЫ ВЗВЕШИВАТЬ ОБЛАКА; ТЕЛЕФОН ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С КАМНЯМИ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОЛОТОК, ко-

торый, забивая гвозди, исполнял прекраснейшие мелодии, и тому подобное.

Было бы слишком долго перечислять здесь все изобретения Бруна. Мы назовем только самое известное, то есть МАШИНУ, чтобы говорить неправду, которая действовала примерно так же, как автомат «Газированные воды». Опустить туда монетку, и можешь выслушать сразу 14 тысяч неправд. Машина содержала в себе абсолютно все неправды на свете: и те, которые уже были сказаны когда-то, и те, которые в данный момент были в голове у людей, и все те, которые люди могли бы придумать в будущем.

Когда машина выдавала людям все возможные неправды, им осталось одно единственное — всегда говорить только правду. Наверное, именно поэтому планету Мун называют еще «ПЛАНЕТОЙ ПРАВДЫ».

Перевод с итальянского И. Константиновой

БЕЗ СОБАКИ И ПИСТОЛЕТА

А. Валин

Старший эксперт научно-технической лаборатории лейтенант милиции Матвеева подготавливает к исследованию микроскоп. Ей предстоит выяснить, не подвергался ли документ подчистке.

Служебно-розыскная собака покрутилась под окном, прошла было несколько шагов по направлению к котельной, потом вернулась и стала рядом с проводником, виновато поглядывая на него, — след не был взят.

Честно говоря, оперативная группа, выехавшая по тревожному сигналу, не очень-то и рассчитывала на успех применения собаки: ведь хозяйка квартиры — она только что вернулась из отпуска — отсутствовала больше трех недель и не могла сказать, когда же именно у ней совершена кража, вчера или две недели назад.

Если минуло даже всего несколько дней, то во дворе огромного дома за это время прошли сотни людей, сотни самых различных запа-

хов сменились и мудрено отыскать тот, который оставил вор...

А в это время майор милиции Петров, эксперт Научно-технического отдела Управления охраны общественного порядка, «колдовал» с пульверизатором у подоконника.

Что он искал, подсвечивая себе электрическим фонариком и время от времени выпуская на оконное стекло, на цветочные горшки и на прочие предметы облачко серебристой пыли?

Внимание! Он не ошибся. Вот они, следы пальцев, «пальчики»!

Окрашенные порошком алюминия, они отчетливо выделялись на стекле.

Петров сфотографировал их при специальном боковом освещении, затем достал из большой сумки, на-

полненной различными приборами и реактивами, листок черной пленки, поддел кончиком пальца его край — и оказалось, что это не один листок, а два: один, смазанный липким веществом, и второй, как бы служащий покрытием первого.

Осторожно, чтобы не повредить следа, эксперт приложил пленку, слегка прогладил, а потом так же осторожно снял — на дактилопленке появилось отчетливое изображение, «нарисованное» тем самым порошком алюминия, которым Петров «проявлял» след.

Тщательно упакованный и опечатанный, этот след теперь является вещественным доказательством.

...Когда Виктора Петряева задержали при продаже костюма, похожего на украденный, он моментально заявил, что костюм был куплен им у незнакомого человека два дня тому назад, а продает он его теперь потому, что костюм оказался мал.

У Петряева взяли отпечатки пальцев. Сравнили их с теми, обнаруженными на стекле.

— Идентичны! — заключил эксперт. «Идентичны» — значит одинаковы.

Нет двух людей, у которых были бы одинаковы отпечатки пальцев. Петряеву пришлось сознаться в преступлении...

Древние индийские следопыты «кхои», глядя на землю, где ты бы не мог разглядеть ничего, озабоченно переговаривались.

— Вот, — говорили они, — здесь вор останавливался, но весьма ненадолго; у него в руках два узла; вот тут он снова отдыхал, подольше...

А следопыты-австралийцы? Для них едва заметная вмятина от каблука или надломанный стебелек травы были своеобразными указателями — здесь шел тот, кто вас интересуется.

Русский путешественник А. Л. Яценко, которому пришлось познакомиться с работой этих удивительных людей, так записал свои впечатления:

«Сорок верст точного следования по следам, незаметным нашему глазу, — это было бы невероятно и непостижимо, если бы не было тому ясных доказательств».

Но если раньше следы ног и обуви при расследовании преступлений могли только указать путь преступника, то с возникновением научных способов их фиксации эти следы могут указать самого преступника.

...Идет осмотр. Как всегда в таких случаях, вперед пропускают «науку» — эксперт капитан милиции Сычев первым входит в дом.

Да, знакомая картина. Шкаф и buffet раскрыты, все ящики выдвинуты, вещи валяются где попало.

Сейчас уже не вспомнишь, кто сказал эту фразу: «Ищи ветра в поле», — хозяева, огорченные кражей, или кто-то другой. Но факт остается фактом: именно в это время во дворе эксперт обнаружил четкий след ботинка.

— Нет, у нас такой обуви нет, — решительно сказали хозяева.

Конечно, можно было предположить, что след оставил почтальон, приносивший в этот день газеты, товарищ хозяина дома, заходивший рано утром за ножовкой, или мастер из телевизионного ателье, но — все может быть!

И вновь раскрыта объемистая сумка, постоянный спутник эксперта на выездах. В руках у Сычева резиновая миска, в которой разведен до сметанной густоты гипс. Окружив след, четко отпечатавшийся на глиняной почве, барьерчиком из щепок, Сычев стал осторожно заливать раствор. Слил немного, подождал, пока раствор зальет весь след, положил вдоль него несколько предварительно приготовленных лучинок и веревочную петлю — чтобы было потом удобно вынимать из грунта, — а уж затем вылил остатки своей «сметаны».

Через несколько минут гипс затвердел и капитан, вынув «скульптуру», понес ее под кран. Текла струйка воды, и обнаружилось, что в руках криминалиста уже не бесформенная масса, выпачканная в земле, а четкий слепок.

И вот настал день, когда в кабинете следователя появился человек с бегающими тусклыми глазами. Вместо паспорта он предъявил справку об освобождении из места заключения, где он отбывал очередное наказание за кражу.

Он долго думал, прежде чем ответить на вопрос, юлил, ссылался на плохую память.

Но, казалось бы, невинный вопрос, заданный среди многих других:

— А ботинки у вас откуда?

— Откуда, откуда... Купил еще до заключения, уже пять раз в ремонт отдавал.

Когда протокол допроса был подписан, ему предложили переобуться, а его ботинки попали на стол эксперта.

Вот подметка ботинка, а вот отпечаток подметки, закрепленный в гипсе Сычевым. Там подковка сбита, и тут. Там рубчик на носке стерся, и тут тоже. И еще другие, более мелкие, многочисленные совпадения.

Эксперт решительно пишет:

— След, обнаруженный при осмотре места происшествия, оставлен левым ботинком задержанного...

* * *

Большой красиво сделанный прибор, покрытый светлой эмалью, напоминает букву «у». Длинный шнур тянется к электропроводке. Эксперт в белом халате вынырнул из темного отсека, подошел к прибору и вставил в него кассету.

Нет, это не фотокамера, это спектрограф.

Если поместить какое-нибудь вещество в источник высокой температуры, например, в вольтову дугу, то это вещество будет испаряться, а его пары начнут испускать световые лучи. И, оказывается, у каждого вещества — свой «набор» лучей. Можно взять таблицы спектральных линий и, сверясь с ними, определить, какое вещество испаряется.

Понятно, что это необходимо химикам, металлургам, геологам и даже астрофизикам, определяющим

при помощи спектрографии состав веществ на других планетах; но криминалистам...

Автомашина вырвалась на шоссе и понеслась, причудливо виляя из стороны в сторону. Поворот, еще поворот — тут висит знак, призывающий водителя снизить скорость движения. Не тут-то было. Не снижая скорости, водитель резко выкрутил баранку руля и только в этот момент увидел ехавшего навстречу велосипедиста.

Велосипедист попытался было принять вправо, но страшный удар обрушился на него.

Прошло минут сорок, и на место происшествия приехала милиция.

Мелкий дождик, что шел в этот вечер, уничтожил следы протектора машины, скрывшейся с места происшествия. Осмотр трупа и велосипеда пока еще ничего не дал.

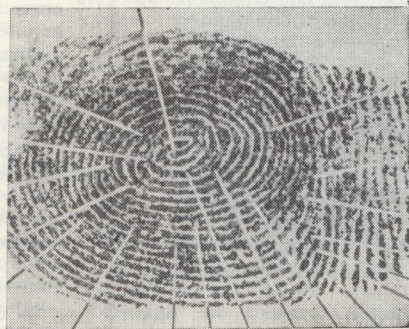
Ничего? А что это бережно снимают с руля велосипеда работники милиции? Собирают в бумажку, бумажку тщательно заворачивают, прячут в конверт, опечатывают...

Это соскок краски с удравшей машины. Когда машина сминала велосипед, на его руле осталось еле заметное красное пятнышко.

На следующий день спозаранку милиция приступила к работе. Осмотреть все автомашины в окрестных колхозах, совхозах и автохозяйствах — вот задача.

Пожарная машина леспромхоза стояла в своем гараже, когда до нее добрался уже порядком уставший старший лейтенант Синицын.

Вмятины на облицовке радиатора шофер объяснял охотно и весьма правдоподобно: на прошлой неделе,

Слева — след на карманном зеркальце, которое преступница выронила, убегая из квартиры, где она совершила кражу пальто.

А справа — отпечаток указательного пальца П., которая ранее уже судилась за такие же преступления. Стрелками отмечены совпавшие особенности следа — изгибы, мостики, глазки, образованные папиллярными узорами. Преступнице не уйти от наказания!

маневрируя на тесном дворе, слегка подтолкнул телегу.

— Отбитая краска? Да, наверное, и отбилась тогда же — больше ведь у меня никаких случаев не было...

Кассета спектрографа устроена так, что на одну пластинку постепенно можно фотографировать разные вещества — негатив ряд за рядом покажет вам их спектры.

Так было и здесь: сперва пластинка запечатлела спектр краски, изъятый на месте происшествия, затем, ниже, — образцы краски автомашины Королева.

Следователь, к тому времени располагавший сведениями, как провозил Михаил Королев время в день наезда и в каком состоянии он возвратился домой, с нетерпением ожидал заключения.

А вот и оно: краска, соскобленная с руля велосипеда, совершенно однородна по цвету и химическому

составу краске, которой окрашена машина Королева.

К заключению приложены фотографии — на них снимки спектров, тонкие линии, указывающие идентичность полученных спектрограмм.

И пришлось Королеву рассказывать суду, как он пьянствовал, как петлял по дороге, как сбил человека, как потом заматал следы.

На одной из глухих аллей парка сверкнул нож. Раздался приглушенный крик, раненый медленно осел на землю, к выходу бросились три тени, послышался тихий всплеск выброшенного в реку ножа.

Убежать преступникам не удалось — задержали дружинники. Но кто из троих нанес предательский удар? Отрицают все трое. Отрицают упорно. Отрицают и тот, у кого на одежде видны свежие капли крови.

— Скажите, Трушкин, откуда у вас на рубашке пятна крови?

— А это я когда бежал, споткнулся и разбил нос.

— Это правда?

— Конечно, правда.

Решать, правду ли сказал Трушкин, теперь предстоит экспертам-биологам.

Если к капле крови одной группы добавить каплю крови другой группы и посмотреть в микроскоп, можно без труда заметить, как красные кровяные тельца, эритроциты, начнут собираться в отдельные кучки, напоминающие окрашенную манную крупу. Это начался процесс агглютинации — склеивания эритроцитов. Когда медики обнаружили это явление, еще невозможно было предвидеть, что произошло открытие первостепенной важности, которое позволит человеку проникнуть в тайны переливания крови, а затем и пересадки тканей — с ней мы чаще всего встречаемся при тяжелых ожогах. Не думали тогда, конечно, и о том, что это открытие даст в руки правосудия оружие небывалой силы.

Рубашка Трушкина в судебно-биологической лаборатории. Эксперт осторожно растворил вещество, образовавшее пятна на рубашке, и набрал в пипетку несколько капель раствора. Перед экспертом небольшая тарелочка, на которой отчетливо видны три отметки: 0, 2, 3. Эксперт оставляет возле каждой отметки по капле исследуемого раствора, а затем добавляет к ней кровяную сыворотку соответствующей ей группы крови.

Внимание эксперта теперь приковано к тарелочке. Если процесс агглютинации будет происходить возле всех трех отметок, значит, исследовалась кровь четвертой группы, если возле второй отметки — третья, если эритроциты закружатся возле цифры 3, значит, в растворе была кровь второй группы, ну а если агглютинации не будет вообще, значит, у человека нулевая группа.

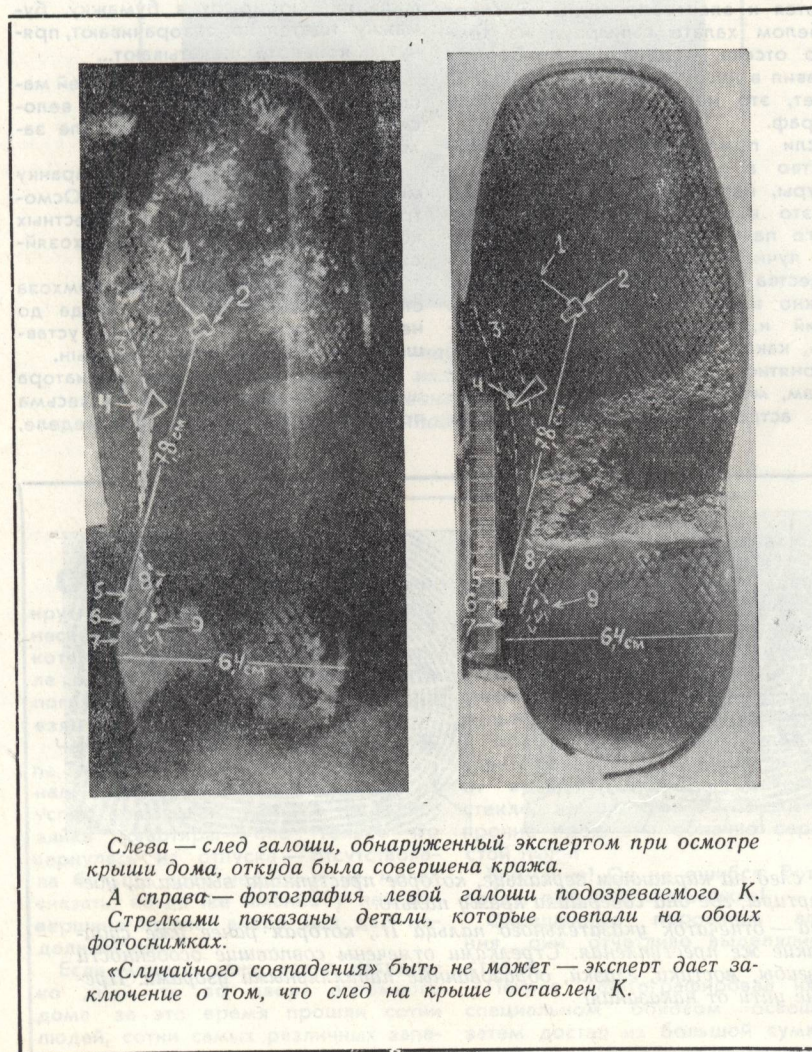
Первая капля, вторая, третья... Склеивания не наблюдается. Значит, на рубашке у Трушкина была кровь нулевой группы. К этой группе принадлежит кровь потерпевшего, у самого Трушкина ведь второй группы — это показал анализ.

— Скажите, Трушкин, зачем вы обманывали следствие?

Трушкин долго молчит, видно, как у него краснеют кончики ушей.

— Думал, что сойдет. Никто ведь не видел, как я его ножом...

В последнее время к помощи криминалистов все чаще и чаще об-

Слева — след галоши, обнаруженный экспертом при осмотре крыши дома, откуда была совершена кража.

А справа — фотография левой галоши подозреваемого К. Стрелками показаны детали, которые совпали на обоих фотоснимках.

«Случайного совпадения» быть не может — эксперт дает заключение о том, что след на крыше оставлен К.

ращаются те, чей труд далек и от следствия и от суда.

Недавно к видному ленинградскому криминалисту, старшему научному сотруднику Ленинградской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы Михаилу Григорьевичу Любарскому за помощью обратился доктор исторических наук Н. М. Раскин.

С собой у ученого была пожелтевшая рукопись с латинским текстом, носившая следы авторской правки.

Кто автор этого труда?

Изучив бумагу рукописи, ее водяные знаки и прочие особенности, Н. М. Раскин еще раньше пришел к выводу, что она была изготовлена русской мануфактурой в период 1780—1781 годов.

С учетом того, что в те далекие времена бумага после ее изготовления отбеливалась не менее года, можно было заключить, что рукопись была написана не ранее 1782 года.

Предварительное мнение специалистов, которые ознакомились с этой рукописью, и выводы Раскина были в основном одинаковы — автором называли великого математика, члена Берлинской и Петербургской Академий наук Леонарда Эйлера.

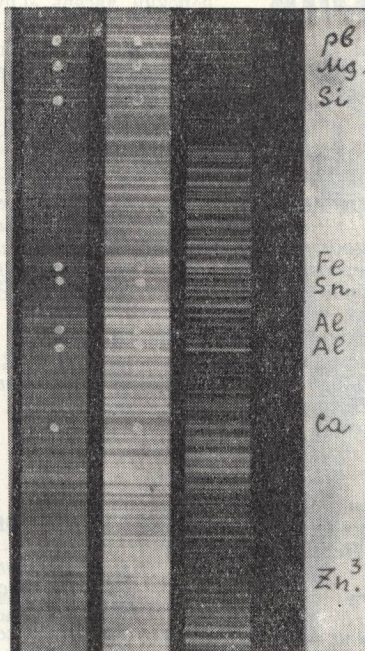
Скончавшийся в 1783 году, этот великий ученый, математик, физик и астроном последние годы своей жизни был почти слеп. Значит, если допустить, что Эйлер — автор рукописи, продиктованной им какому-то писцу, то кто же делал на ней авторскую правку?

И вот за решение этой задачи и принялся криминалист Любарский.

Долгое время Любарский изучал рукописи: эту и другие, «подозрительные», и в том числе те, автором которых бесспорно был сын Эйлера — Иоганн-Альбрехт. Исследованию подвергались размер букв и их округлость, способы соединения и пересечения штрихов, образующих буквы, наклон почерка, величина полей и абзацев, соотношение высоты заглавных и прописных букв, нажим, интервалы между словами.

Сперва бросилось в глаза характерное написание цифр, в особенности, четверки и пятёрки, потом внимание эксперта привлекли непривычно опущенные горизонтальные штрихи буквы «t», потом причудливо изогнутый «хвостик» буквы «Q», потом «ножка» буквы «g», а потом...

А потом Любарский дал категорическое заключение: автором правки эйлеровской рукописи является его сын, Иоганн-Альбрехт Эйлер.

На заводе было похищено восемь бидонов с масляной краской. При осмотре места происшествия следователь обнаружил лужицу пролитой краски. Через несколько дней работники милиции по подозрению в краже задержали некоего М. На одежде его были обнаружены следы краски того же цвета, что и похищенная. Включен спектрограф в Научно-техническом отделе милиции. И вот результаты...

Правая полоса — спектр железа, наиболее изученный физиками. Средняя полоса — спектр краски, обнаруженной на месте преступления, а левая — краски, скобленной с одежды подозреваемого.

Точки обозначают совпадение элементов, входящих в состав краски.

Человек в милицейском кителе, положив телефонную трубку и унося с собой листок, на котором он записал все сведения о только что совершенном преступлении, прошел по коридору и постучал в двери с надписью «КРАП».

Из-за дверей послышалось: «Войдите».

Вдоль стены, подмигивая крохотными разноцветными лампочками, разместилась машина новейшей конструкции: Кибернетический Раскрыватель Преступлений.

Листок с записями лег на стол программиста и превратился в столбик цифр, иначе говоря, был переведен с русского языка на машинный.

Первая колонка цифр — время и место происшествия, вторая — приметы возможного преступника, третья... —

КРАП анализирует полученную информацию, сравнивает ее с той, которая заложена в его «память».

Откуда же берется информация, заложенная в память КРАПа?

На каждое совершенное или предотвращенное преступление работники милиции заполняют особую карточку. В ней даются ответы на десятки вопросов: как был одет преступник, какого он возраста, роста, какой формы у него нос, уши, есть

ли у него особые приметы, где, в какое время суток и в отношении кого было совершено преступление и так далее.

Из многих карточек машина выбирает наиболее «подходящую».

Сколько человеко-часов потребовалось бы для решения этой задачи? А КРАП решил ее за каких-то семьдесят секунд. И уже готов ответ: три числа на бумажной ленте, и каждое число означает имя человека, который может быть причастен к совершенному преступлению; трое, чьи приметы и «почерк» заставили КРАП, проделав десятки тысяч вычислений, остановиться именно на них.

Спустя десять минут с того момента, как в Управлении стало известно о совершенном грабеже, от подъезда одна за другой отходят оперативные автомашины. И вот потерпевшему предъявляют для опознания трех «молодцов».

— Да вон же он, сидит в середине, я ведь его сразу узнал! — говорит потерпевший...

Тут мы должны оговориться: такой умной машины пока еще не существует. Но без сомнения, она будет сконструирована и станет еще одним из многочисленных помощников криминалиста, а этих помощников с каждым днем становится все больше и больше.

Сорок юных спортсменов, сорок организаторов ячеек школы «Спринт» съехались в сентябре на слет в пионерский лагерь «Орленок». Там они отдыхали, тренировались, обменивались опытом. Как проходил слет быстроногих, читайте в № 1 «Костра» за 1966 год. А сегодня мы печатаем письма ребят, которые завоевали право на поездку в «Орленок».

ВОТ НЕОЖИДАННОСТЬ!

Мы оборудовали спортивную площадку, установили турник. Устроили дорожку для барьерного бега и соревнуемся на ней. А когда куда-нибудь уходим, девчонки с нашей улицы тоже прыгают через барьеры.

Я и не думал, что поеду в «Орленок». Когда мы еще учились, раз на перемене мы с ребятами вышли в сад. Вдруг меня позвали в учительскую. Я вначале испугался, что-нибудь натворил, думаю. Потом вижу в руках у нашего завуча, Лилии Васильевны, красный конверт. Я догадался — из Ленинграда! А когда она прочитала письмо, я даже чуть язык не откусил.

Вова МОКРОУСОВ,
поселок ЛОМОВКА Лысьвенского района
Пермской области

НАБИРАЕМ СИЛУ

В начале лета у нас во дворе было скучно: ребята не знали, чем бы заняться. Тогда мы с Гришей Егоровым решили провести соревнования среди малышей на звание «Чемпион двора». На старт вышли десять ребят из первых — четвертых классов. Победителем стал четвероклассник Миша Егоров. Он прыгнул в высоту на 1 метр, в длину — на 3 метра 20 сантиметров, пробежал 30 метров за 6 секунд.

Еще мы сделали у себя волейбольную площадку, и теперь здесь, особенно по вечерам, весело. Есть у нас в поселке и детская футбольная команда. Мы уже проводили матчи со взрослыми!

После того как я стал тренироваться, у меня окружность груди увеличилась с 88 до 94 сантиметров. Сильнее стали и мои товарищи. После каждой тренировки мы проверяем друг у друга, насколько увеличились бицепсы и другие мышцы.

Недавно мне пришлось пройти пешком семь километров, и каково было мое удивление, когда я посмотрел на часы. Это расстояние я прошел за 50 минут и ни капельки не устал! Значит, тренировки пошли мне на пользу.

Федя ЗАУРА,
поселок ЗАПЛЮСЬЕ Псковской области

УЧИМ МАЛЫШЕЙ — УЧИМСЯ САМИ

Как только закончились занятия в школе, мы принялись за постройку своего стадиона. Оборудовали городишную и баскетбольную площадки, соорудили яму для прыжков в длину и высоту. Нам привезли бревна, тес, речной песок, а строили мы сами. Правда, взрослые изготовили баскетбольные кольца и щиты. Если еще проведут свет, то зимой можно будет устроить здесь каток.

Тренируемся только по вечерам, так как днем жара, духота, почти каждый день грозы. Мы учим младших ребят играть в настольный теннис, волейбол, городки. Сами-то мы играем не прекрасно, но научимся — не сразу Москва строилась!

Юра Юдаев,
город ПОЛЕВСКОЙ Свердловской области

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

ОПЕРАЦИЯ „64“

В ночь на 1 января 1967 года примет старт ракетная эскадрилья под командованием шахмат-адмирала Ферзьбери. Направление полета — Созвездие черно-белых клеток. Команда эскадрильи комплектуется из шахматистов и шашкистов.

ОТЛИЧИВШИЕСЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОПЕРАЦИИ „64“ ПОЛУЧАТ СПОРТИВНЫЕ РАЗРЯДЫ ПО ШАХМАТАМ И ШАШКАМ.

Важное дополнение!

Принимаются также неумеющие играть. Они будут зачислены на ракеты юнгами. Шахмат-адмирал Ферзьбери лично беретса обучить юнг за время операции.

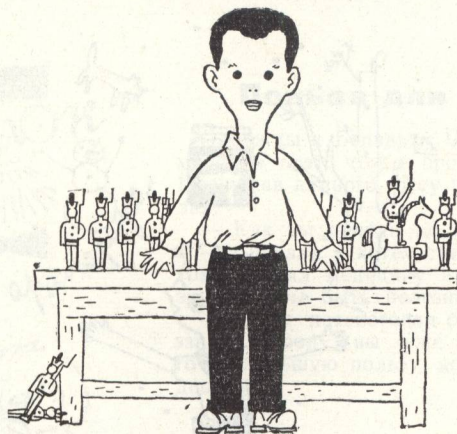
ПРИКАЗ № 1

- § 1. Командовать операцией „64“ буду я.
- § 2. Всем желающим записаться в команды ракет приказываю немедленно записаться в команды ракет.

Записываясь, сообщите в „Костер“ имя, фамилию, возраст, класс, домашний адрес и как играет в шахматы или шашки: хорошо, средне, слабовато, пока не уместе. На конверте к адресу добавлять: „Операция „64“.

Шахмат-адмирал **ФЕРЗЬБЕРИ**

ЕСЛИ ТЫ МНЕ ДРУГ

Говорить он любит так:

— Если ты мне друг,
Отдавай солдатиков,
Все пятнадцать штук!..

А сказать бы надо так:

— Если ты мне друг,
Забирай солдатиков,
Все пятнадцать штук!..

В. Лифшиц
Рисунок Б. Семенова

3

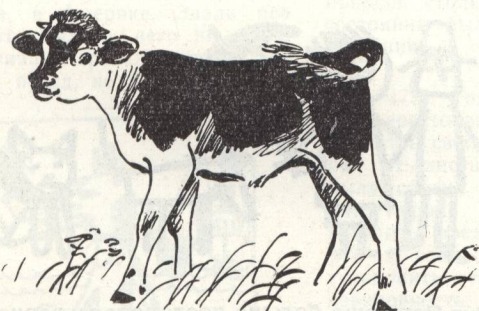
Уголёк № 11

НОЯБРЬ

Ей нипочем осенний дождь.
Осенний ветер с нею дружен,
Когда весь лес бросает в дрожь,
Она огнем встречает стужу.
А в ноябре, а в ноябре,
Чуть первый снег поля покроет,
Слетятся птицы на заре,
И пир рябина им устроит.

С. Скачков
Рисунок А. Кора

1

БЫЧКА ЗОВУТ УГОЛЬКОМ

Да, из сорока восьми имен для безымянного бычка, присланных ребятами в редакцию «Уголька», сотрудники «Уголька» выбрали имя Уголек.

Бычок из колхоза «Заря» заметно подрос и, как видите, очень доволен, что теперь у него есть имя.

Ребята прислали много других славных имен. Среди них чаще других встречаются имена: Богатырь, Крепыш, Геракл, Красавчик.

Первыми имя Уголек предложили две Иры — Бирюкова и Хохлова из города Омска.

Некоторые имена нам не понравились. Например, Красивый Черноглазик или Весенний Луч Солнца. Они слишком длинные и слишком нарядные, а от этого и неудобные.

4

Попробуйте-ка сказать: «Красивый Черноглазик вывалился в грязи» или «Весенний Луч Солнца опрокинул корыто», — чепуха получается!

И еще нас удивила одна девочка, которая предложила назвать бычка Марсианкой.

Редакция «Уголька», бычок Уголек и колхоз «Заря» благодарят всех, кто выдумывал имя.

А теперь о новом конкурсе имен сообщит писательница Нонна Слепакова...

Вот рассказ про трех медведей,
Одного назвали Федей,
А другого звали Петей.
И никак не звался третий.

Приходите, Мити-Вити,
И медведя назовите.

Правда, ребята, давайте в подарок к Новому году придумаем мишке имя!

Рисунки Е. Захарова

5

КАРТИНА

Первокласснику Пете дали домашнее задание: нарисовать дома картину на тему «Наша семья».

Вот что он нарисовал: себя, папу, маму, дедушку, бабушку, собачку Жучку и кошку Мурку.

Картина получилась вполне удачной. Все вышли на ней одинаково хорошо. И папа, и мама, и дедушка, и бабушка, и собачка Жучка с кошкой Муркой были довольны картиной. Недоволен был только Петя, он вышел на картине не совсем удачно, уши у него на голове громоздились, как два велосипедных колеса.

Петя нарисовал другую картину, еще лучше первой: папу, маму, дедушку, бабушку, собачку Жучку и кошку Мурку. Но теперь картиной был недоволен папа. Голова у него оказалась такой маленькой, что на ней не могли поместиться ни глаза, ни рот, ни нос, и их пришлось рисовать в сторонке отдельно.

Тогда Петя постарался и нарисовал картину прямо замечательную: маму, дедушку, бабушку, собачку Жучку и кошку Мурку. Но эта картина не понравилась маме. Во-первых, потому что она стояла вверх ногами, а во-вторых, голова у нее была такая большая, что из нее росли и руки и ноги.

Все к лучшему!

— Зачем ты бегаешь в мороз раздетый? Заболеешь!

— Заболею, так наемся вдоволь малинового варенья, а не заболею — закажусь!

Прислала Галина Окунева,
г. Выборг

7

СМЕШИНКА

Арифметика

Мать: «Сходи, Таня, за водой три раза с маленькими ведрами».

Дочь: «А можно я схожу с большими ведрами полтора раза?»

Прислала Лариса Морозова,
ст. Овчинниково

Тут Петя еще больше постарался и нарисовал просто гениальную картину: дедушку, бабушку, собачку Жучку и кошку Мурку. Но и дедушка с бабушкой были против картины. Бабушка была похожа на комод с часами, а дедушка в усах и в платье.

В конце концов, на картине остались только собачка Жучка и кошка Мурка. Это была не картина, а шедевр. Собачка Жучка была похожа на кошку Мурку, а кошка Мурка на собачку Жучку, а обе они походили на лягушку, и понять, где собачка Жучка, а где кошка Мурка, было невозможно. Собачка Жучка и кошка Мурка ничего не сказали Пете, потому что они не могли говорить, но Петя и так понял, что картину можно было нарисовать получше. Пришлось Пете убирать из картины собачку Жучку и кошку Мурку. Вот эту картину Петя и принес в школу.

Борис Сергуненков
Рисунки Г. Ковенчука

3

Жила-была собака-путешественница. Дело было в конце прошлого века, в Америке. Звали пса Оуни. Не было у него ни дома, ни хозяина. Пересаживаясь с поезда на поезд, не раз пересек он

страну во всех направлениях. Собаку знали, и считалось, что ее появление сулит удачу. Служащие почтовой железнодорожной службы США любили Оуни и никогда не прогоняли его. Тем не менее собака ни к кому не была особенно привязана и предпочитала путешествовать в одиночку.

В августе 1895 года Оуни удалось пробраться на борт «Святой Виктории», отправлявшейся в Японию. Оттуда Оуни проследовал в

Польза для народа

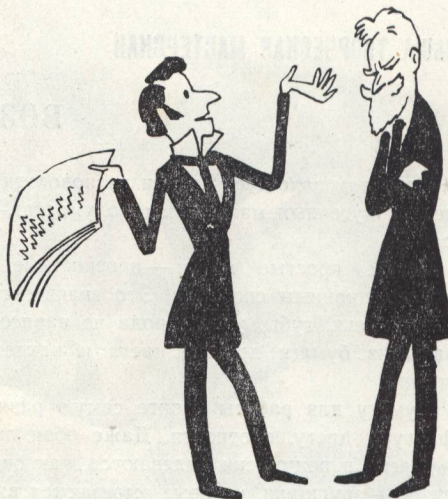
Однажды к Бернарду Шоу пришел некий молодой поэт, чтобы прочесть свои стихи. Послушав немного, Шоу прервал его и сказал:

- Как вы попали на поэтический путь?
- Сначала я хотел стать врачом, но потом оставил медицину и решил стать поэтом, чтобы быть полезным народу.
- Я бы посоветовал оставить вам и поэзию. Народу вы уже принесли достаточно большую пользу, когда оставили медицину.

Опровержение

Как-то раз Марк Твэн попал в своем журнале на одного посредника нью-йоркской биржи. Свою статью он закончил словами: «Мистер С. не заслуживает даже, чтобы на него плюнули».

Мистер С. возбудил дело об оскорблении, и Твэн был осужден взять обратно эти слова, опубликованные в журнале. Он напечатал такую заметку: «В статье, опубликованной тогда-то, было, к сожалению, написано, что мистер С. не заслуживает даже, чтобы на него плюнули. Мы берем эти слова назад, так как теперь утверждаем обратное».

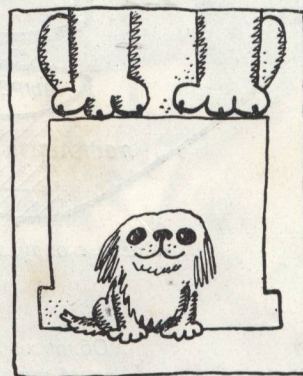
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОБАК

Китай, пересек всю Азию, его видели на Суэцком канале и на Азорских островах. В его честь чеканили медали, которыми, конечно, в первую очередь награждали его самого. Медалей набралось столько, что Оуни не в состоянии был таскать их все на ошейнике...

В 1731 году француз Макэр был арестован по подозрению в убийстве своего соседа Мондидье-ра. Единственным свидетелем была собака убитого. По традиции король Карл VI приказал устроить поединок между Макэром и собакой для того, чтобы установить его виновность или невиновность. После жестокой драки в присутствии короля, судей и знати собака была признана победительницей, а Макэр осу-

жден. Так собака защитила если не самого хозяина, то хотя бы его честь.

В старину в Китае вывели специальную породу боевых собак. Это были огромные, весом до

170 килограммов, свирепые псы с львиными гривами. Золоченое изображение этих собак долгое время спустя украшало эполеты китайских офицеров. Сейчас львиные собаки весьма популярны во всем мире, хотя их внешний вид, образ жизни изменились до неузнаваемости. Это те самые крошечные лохматые «пекинки», которых хозяйки большей частью не выводят, а выносят на прогулку, которые боятся жары и холода, грубой пищи и резких звуков. Вот к чему привело безделье.

ВОЗЬМИТЕ ЛИСТ БУМАГИ

Если вам захочется прийти на новогоднюю елку в веселых шуточных масках или полумасках — сделайте их сами.

Самые простые маски — плоскостные, выполненные аппликационным способом. Это значит, что брови, ресницы, щеки, губы, усы, борода не нарисованы, а вырезаны из бумаги другого цвета и наклеены на макет маски.

Бумагу для работы берите самую разнообразную по фактуре, цвету, плотности. Даже обои пригодятся.

Маски и полумаски надеваются, как очки: вместо завязок — заушники, которые вырезаются вместе с маской и для прочности подклеиваются плотной бумагой.

С чего начать? Сначала пофантазируйте, порисуйте наброски, придумайте себе оригинальную маску. Потом согните пополам лист плотной цветной бумаги. Линия

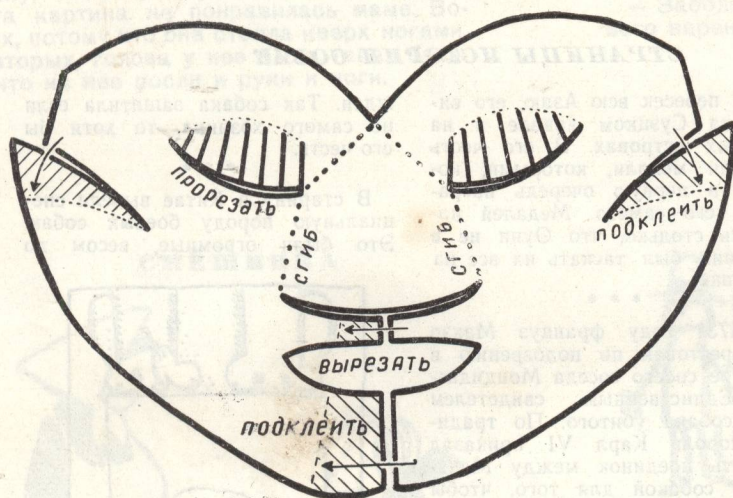
сгиба будет средней линией маски. Нарисуйте маску на листе и вырежьте ее по внешнему контуру. Затем наклейте вырезанные из бумаги другого цвета детали: брови, ресницы, губы... Вырежьте отверстия для глаз, носа, рта. Если вы хотите, чтоб маска была объемной, сделайте надрезы-вытачки и подклейте их, как показано на чертеже.

Нос может быть не только вырезным, но и объемным (см. чертеж).

Девочки могут приклеить к полумаскам бумажную бахрому, и лицо станет неузнаваемым.

За две недели до Нового года организуйте в каждом звене творческую мастерскую и сделайте маски для своих ребят по секрету от других звеньев. А на карнавале все увидят — у какого звена маски интереснее.

Художница З. Гулан

Маска с округлым носом

Деталь маски: трехгранный нос

СОВЕТУЕМ: играя в «Опасный рейс» (смотри «Костер» № 11), корабль-негоциант и военный корабль в начале игры помещать у западной части южного побережья.

Обложка В. Бескаравайного

На второй странице обложки фото Б. Уткина «В Летнем саду».

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терехинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-52725. Подписано к печати 17/X 1966 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1. 636 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 339. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

СТОЛ ЗАГАДОК-66

СООБЩАЕТ ОТВЕТЫ
НА ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСК

1. Остров Родос.
2. Усыпальница фараона.
3. Герострат.
4. Фидий.
5. Вавилон.
6. Мавзолей.
7. Фаросский маяк.

8

„ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКАМ“

Розенберг,
подготовительная
группа

Детская
художественная
школа
г. Львов

„НАТЮРМОРТ“

Бараняк, III класс